

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Языкознание

Выпуск 4(30)

Горловка
2017

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Синельникова Л. Н., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., д. филол. н., проф. Фёдоров В. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В.

*Печатается по решению ученого совета
ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».
Протокол № 10 от 31.05.2017*

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР
ААА № 000059 от 28. 10. 2016 г.

Основан в 2002 году.

Выходит 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.

Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / Горловский
В76 ин-т иностр. языков; Редкол. : С.А. Кочетова и др. –
Вып. 4(30). Языкознание. – Горловка : Изд-во ОО ВПО
«ГИИЯ», 2017. – 268 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящен исследованию актуальных проблем восточнославянской филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей языков и литератур в школе и вузе.

УДК 81+801+882+82

ББК Ш81.0+82.0

ISSN 1992-9196

© Издательство ОО ВПО «ГИИЯ», 2017

УДК 81'367

КОНЦЕПТ 'РОССИЯ' В КРЫМСКОМ ДИСКУРСЕ

Крымская весна 2014 года стала началом значительных изменений в современном мире, повлияла на расстановку политических сил, обнажила многие социально-политические проблемы и стала точкой отсчета нового вектора развития региона. Крымская весна также вызвала новые языковые реалии и особенности современного дискурса. Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций современных научных парадигм гуманитарного знания дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, обмен информацией, оказание воздействия друг на друга, использование различных коммуникативных стратегий, их вербальное и невербальное воплощение в практике общения [3, с. 65].

В условиях глобального информационного давления крымский дискурс стал оказывать определяющее воздействие на формирование концептуальной картины мира, трансформируя менталитет и общественные настроения, ценностные ориентации общества. Изучение крымского дискурса под данным углом является актуальным и определяет цель данной работы – описать содержание концепта 'Россия' с учётом ментальной самоиндефикации жителей Крыма и сравнить с аналогичными данными, полученными в ходе опроса жителей Сибири. Для достижения поставленной цели нами был проведен лингвистический ассоциативный эксперимент как современный метод когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и этнолингвистики, как один из новаторских проективных методов гуманитаристики. Последователи лингвистического ассоциативного эксперимента считают, что неконтролируемые ассоциации – это символическая или иногда даже прямая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания. С помощью свободного ассоциативного эксперимента может быть выявлена культурная информация об ассоциативном ядре и периферии слова-стимула и обозначены установки языковой личности относительно различных процессов и явлений, с которыми он сталкивается.

На основе свободного ассоциативного эксперимента нами были получены и проанализированы с учётом пола, возраста,

образования и профессии данные опроса 166 жителей Крыма о содержании концепта 'Россия' (данные получены в 2016 г.). Респондентами лингвистического эксперимента по признаку **пола** стали а) мужчины (122) и б) женщины (44) разного **возраста**: а) 16-19 лет (48 человек), б) 20-25 лет (68 человек), в) 26-30 лет (38 человек), г) 31-35 лет (6 человек), д) 36-39 лет (2 человека), е) 40-46 лет (4 человека); и **образования**: а) среднее (58), б) среднее специальное (37), в) высшее (36). Для получения объективных результатов лингвистического ассоциативного эксперимента в опросе участвовали представители разных профессий: сотрудники полиции (87); воспитатели, няни, учителя младших классов (10); студенты (8); работники общепита (5); продавцы и консультанты (5); безработные и находящиеся в декретном отпуске (5); медицинские работники (3); предприниматели (2), администратор (1), водитель (1), парикмахер (1), священнослужитель (1), секретарь (1), экскурсовод (1). Перечисленные экстралингвистические параметры обусловили содержание реакций на слово-стимул *Россия*.

Общее количество ассоциатов (слов, словосочетаний, устойчивых выражений), полученных на слово-стимул *Россия* и вошедших в ассоциативное поле концепта 'Россия', составило 185 единиц. Полученные данные полного ассоциативного поля представим в виде словарной статьи (индекс в скобках указывает на количество вхождений ассоциата, кроме ассоциатов с единичным вхождением).

Россия – Путин (46), Родина (33), сила (25), медведь (25), страна (22), Крым (14), большая (13), могучая страна (8), Москва (8), флаг (8), гордость (8), величие (8), газ (7), нефть (5), президент (5), природа (5), тайга (5), дом (4), защита (4), любовь (4), мир (4), могущество (4), патриотизм (4), триколор (4), холод (4), армия (3), балалайка (3), великая держава (3), водка (3), гимн (3), дружба (3), законы (3), красивая страна (3), Красная площадь (3), красота (3), леса (3), матрешка (3), мать (3), многонациональность (3), мощь (3), Отчизна (3), победа (3), просторы (3), свобода (3), Севастополь (3), справедливость (3), Федерация (3), большая страна (2), великая страна (2), величина (2), герб (2), государство (2), держава (2), дух (2), земля (2), история (2), Кремль (2), многонациональная (2), огромная территория (2), просторы (2), рубли (2), север (2), Сибирь (2), снег (2), стабильность (2), «Наша Раша», 9 Мая, авторитет, агрессор, Алтай, Амур, Байкал, безграничное веселье, беззаконие, берёзы, бескрайние просторы, бескрайняя, благополучие, благородство, богатая на ресурсы, богатая, богатыри, большая земля, большая могущественная страна, большая территория, будущее, в сердце,

валенки, ВДВ, великая история, великое государство, великая, взаимопомощь, военная служба, возможности, возможности развития, война, вселенная, гармония, глава, горы, грибы, двуглавый орел, Дон, дружелюбие, дураки и дороги, душа, единая, Единая Россия, единая страна, Екатерина, защита ценностей, знамя, изба, карта «Земли», косметика, крепкая, Лавров, материк, матрешки, мать городов, Медведев, менталитет, могущественное государство, надежда, надежды, надежность, небо, независимость, незыблемость, необъятная страна, непобедимая, непоколебимый дух, непокорённость, непредсказуемая, несокрушимая, огромная, опора, орёл, оружие, Отечество, Петр I, покой, полмира, порт постоянной прописки, потеря Аляски, пример для подражания, просторная, работа, расстояния, референдум, речка, родственники, русская душа, русский мир, русский человек, Русь, рыба, Санкт-Петербург, священная, «священная наша держава», север, сила духа, сильная, сильная армия, сильная держава, сильная страна, славяне, славянизм, славянская, спорт, счастье, Т-34, территория, традиции, уважение, ушанка, территория, хорошо, цветы, церкви, честь.

Наличие в словах-реакциях общих сем ассоциативно-семантического поля позволяет нам выделить 13 тематических групп (далее ТГ).

1. **ТГ «Родина»** (9 ассоциатов): *Родина, дом, мать, Отечество, порт постоянной прописки* и др. Данные парадигматические ассоциации представлены словами-реакциями того же грамматического класса, что и слово-стимул *Россия*, расширяя состав его семантической структуры. Концепт 'Россия' отождествляется с концептом 'Родина' и понимается как один из наиболее значимых концептов, в наибольшей степени отражающий менталитет народа и ориентирующий людей на систему ценностей, связанных как с малой родиной, так и в целом с государством, Отечеством, что является проявлением национального самосознания и самоидентичности. Состав ассоциатов позволяет в семантический состав слова *Россия* включить семы Родина, Отечество, дом, мать, содержащие позитивные дескрипторы.
2. **ТГ «Могущество, власть, величие»** (12 ассоциатов): *могучая страна, могущество, мощь, могущественное государство* и др. Наличие данных синтагматических и парадигматических ассоциатов этой тематической группы, расширяя семантическую структуру слова *Россия*, показывает, что языковая картина мира жителей Крыма включает вербальные знаки, репрезентирующие Россию как великое, мощное государство, способное защитить своих граждан.

3. ТГ «**Масштаб, размер**» (9 ассоциатов): *большая, большая страна, большая земля, большая территория, бескрайняя* и др. Состав данных синтагматических ассоциатов указывает на то, что Россия осмысливается жителями Крыма как самая большая страна в мире (кстати, её территория составляет почти 18 млн. км², поэтому концепт 'Россия' ассоциируется с образом огромного, бескрайнего государства).
4. ТГ «**Общая характеристика России**» (42 ассоциата): *мир, законы, красивая страна, многонациональная, стабильность, дружелюбие, благополучие* и др. Эти ассоциаты актуализируют позитивную оценочность концепта 'Россия', вскрывая объективно существующие в ментальности крымчан семантические связи слов.
5. ТГ «**Чувства, связанные с Россией**» (17 ассоциатов): *гордость, защита, любовь, патриотизм, дружба, в сердце, гармония, надежда* и др. Единицы данного ассоциативного поля вербализуют концептуальное представление о России как о стране, к которой носитель языка питает самые высокие чувства – любовь, гордость, патриотизм и под.
6. ТГ «**Политика**» (10 ассоциатов): *Путин, газ, нефть, президент, глава, Единая Россия, Лавров, Медведев, референдум, русский мир*. Сфера политики представлена в реакциях – прецедентных именах. Имя президента в нашем исследовании заняло лидирующую позицию: *Путин* – 46 упоминаний, *президент* – 5. Крым вернулся в Россию три года назад, и, по результатам лингвистического ассоциативного эксперимента среди крымчан, Президент Путин сыграл в этом решающую роль.
7. ТГ «**География России**» (14 ассоциатов): *Крым, Москва, Севастополь, Сибирь, Байкал, Дон* и др. При этом, во многих анкетах на слово-стимул *Крым*, было получено слово-реакция *Россия*. Данная ассоциативная пара включена в модель ассоциативного сознания жителей Крыма как яркий «снимок» структуры знаний о месте полуострова в политической и географической картине мира.
8. ТГ «**Климат и природа**» (10 ассоциатов): *природа, тайга, леса, холод, снег, берёзы, горы* и т.д. Эти парадигматические ассоциации иллюстрируют представления крымчан о разнообразном климате, рельефе местности, растительном и животном мире России, отражают её ландшафтно-пространственные параметры. Как указывает Т.В. Романова, «подобного типа реакции можно отнести к штампам и клише сознания» [4, с. 79].

9. ТГ «История России» (9 ассоциатов): *Красная площадь, Кремль, 9 мая, Екатерина, Петр I, Русь, потеря Аляски* и др. Концепт 'Россия' включает названия исторических событий и имена государственных деятелей, которые внесли весомый вклад в историю России на различных этапах её развития. Данные прецедентные события и личности вербализованы с помощью перечисленных лексем и закреплены в языковой картине мира крымчан. Примечательно, что Красная площадь, Кремль – наиболее известные символы России; Петр I, Екатерина – преобразователи России, которые много сделали для становления и развития России. Концепт 'Россия' включает исторические события.
10. ТГ «Русские традиции и бытовые предметы» (11 ассоциатов): *медведь, балалайка, матрёшка, валенки, изба, «Наша Раша», церкви* и др. К этой ТГ отнесены ассоциаты, с помощью которых вербализована национальная память русских, живущих в Крыму, то, что обособляет их в ряду других, хранит человека от обезличивания, позволяет ему ощутить связь времён и поколений, получить духовную поддержку и жизненную опору. В данную ТГ входит и мем «Наша Раша», который также может ассоциироваться у крымчан с присоединением Крыма к России.
11. ТГ «Государственная символика» (8 ассоциатов): *флаг, триколор, гимн, герб, рубли, двуглавый орел, знамя, орёл*. В данную ТГ входят лексеммы, обозначающие значимые составляющие государственной символики России и её валюту. Наибольшее количество упоминаний получили слова *флаг* и *триколор*, которые в языковой картине мира жителей Крыма понимаются как синонимы. Известно, что каждый цвет флага России несёт определённую культурную информацию: красный символизирует державность, белый – чистоту, а синий – цвет Богородицы, под покровительством которой всегда находилась Россия.
12. ТГ «Русские и черты характера» (14 ассоциатов): *водка, богатыри, дураки и дороги, непоколебимый дух, сила духа, менталитет* и др. Список слов-реакций этой ТГ отражает представления крымчан о главных чертах русского национального характера, хранит знания о загадке русской души, отражая бытийный способ категоризации.
13. ТГ «Войска, вооружение» (8 ассоциатов): *армия, сильная армия, победа, ВДВ, военная служба, война, оружие, Т-34*. Данные слова-реакции являются частью современного

представления о России и иллюстрируют наличие в языковой картине мира новых лексем, вербализующих содержание концепта 'Россия'.

Проанализировав результаты лингвистического ассоциативного эксперимента и сравнив его с аналогичным, проведенным А.А. Алексеевой в 2011 году среди 148 жителей Новосибирска, мы можем сделать вывод о том, что представления крымчан о России в 2016 году и сибиряков в 2011 по многим параметрам совпадают [1]. В нашем эксперименте наиболее употребительными стали следующие ассоциаты: *Путин* (46), *Родина* (33), *сила* (25), *медведь* (25), *страна* (22). В то время, как в эксперименте А.А. Алексеевой – *Родина* (50), *страна* (14), *великая* (10), *водка* (8), *Москва* (8).

Эти данные позволяют сделать вывод о том, что ментальность жителей Крыма и Новосибирска имеет много общего. Однако, есть и существенные различия. Например, в «крымском» эксперименте ТГ «политика России» заняла одно из лидирующих мест, а в эксперименте 2011 года, проведенном в Сибири, политическая система России не была отнесена к числу базовых признаков, формирующих образ страны в сознании ее жителей. Наличие проанализированных слов-реакций в языковой картине мира крымчан обусловлено «рядом факторов, среди которых факторы глобализационного, географического, культурологического, а также политического характера, вызванного сменой государственности» [2, с. 171].

В эпоху исторических переломов, изменений государственности, когда происходит отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни, лингвистика «фиксирует» не только возникновение неологизмов и появление новых значений у уже существующих слов, но и особенности ассоциаций, которые они вызывают. Очень важно, чтобы словарь таких слов-реакций обновлялся, демонстрируя оценочные реакции носителей современного языкового сознания, что и может быть предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева А.А. Представления о России ее жителей (по данным ассоциативного эксперимента) / А.А. Алексеева // Сибирский филологический журнал: сб. статей. – Новосибирск, 2011. – № 2. – С. 227-234.
2. Герасименко И.А. О когнитивно-дискурсивном ландшафте г. Ялты // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф.

- Г.Н. Манаенко. – Вып. 13. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. – С. 170-175.
3. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М., 2003.
 4. Романова Т.В. Образ России по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) / Т.В. Романова // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – Вып. 4 (50). – С. 77-82.
 5. Царегородцева С.С., Коршунова И.Г. Политические мемы как средство отражения экстремизма // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – 2016. – С. 89-95.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И. А., Царегородцева С. С. Концепт ‘Россия’ в крымском дискурсе

В статье рассматриваются способы репрезентации в языковом сознании крымчан образа России на основе данных ассоциативного эксперимента. Положительные оценочные реакции отражают стереотипные представления о России.

Ключевые слова: концепт, дискурс, свободный ассоциативный эксперимент, образ России, вопрос-стимул, семантическое поле, семантический компонент.

SUMMARY

Gerasimenko I. A., Tsaregorodtseva S. S. The concept ‘Russia’ in the Crimean discourse

The article deals with means of representation of the image of Russia in the linguistic consciousness of the Crimean local residents based on the data of the associative experiment. Positive evaluative reactions reflect the stereotypic view of Russia.

Key words: concept, discourse, free associative experiment, the image of Russia, question-incentive, semantic field, semantic component.

О.В. Блюмина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1.

О ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТИПАХ КОМПОЗИТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ

Рассматриваемые нами композиты представлены исключительно существительными, которые обозначают процесс, то есть, в принципе, имеют значение, характеризующие другой грамматический класс – глаголы. Следует отметить еще и то, что всех их можно разделить на две группы – отглагольные имена (девербативы) и собственно имена.

Девербативы часто называют «производной номинацией с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так частично и в синтаксическом плане» [1, с. 84]. Сюда, например, относятся деривационные композиты типа *бузотерство* (Одним своим появлением среди осужденных полковник Табахов был способен обернуть вспять вышедшую из берегов мутную волну неповиновения и *бузотерства* [Чапала 2003]), образованное от глагольного словосочетания *тереть бузу* (Ладно, хорош *бузу тереть*, – сонно отмахнулся Сережка [Чапала 2003]); универбализационные композиты *коконозаготовка* (Шелководы Джаркурганского района одними из первых в республике справились с заданием по *коконозаготовкам* [Правда Востока. – 20.05.09]), являющееся универбальной интерпретацией именного словосочетания *заготовка коконов* (В Согдийской области Таджикистана почти выполнен намеченный план по *заготовке коконов* тутового шелкопряда [<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=111876>]), которое, в свою очередь, мотивировано глагольным словосочетанием *заготавливать коконы* (Последний является самым большим производителем этой продукции, здесь на сегодня *заготовлено 304,4 тонны коконов* [<http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=111876>]). Квазикомпозиты также могут в конечном итоге быть связаны с глаголом, например, *моторостроительство*, не имеющее в качестве эквивалента словосочетания *строительство моторов*, мотивировано существительным *строительство*, образованным от глагола *строить*.

Как известно, «содержательная валентность типичного предикатного знака – глагола – предопределяет набор семантических функций для именных участников предложения, а его синтаксическая валентность указывает, в каких словоформах и в каких позициях они будут реализованы» [6, с. 231]. Иначе

говоря, «глагол имеет сложную семантическую структуру, в которой отображается свернутая синтаксическая структура, своего рода «макет» будущего предложения» [2, с. 8]. Как писала А.А. Уфимцева, «в семантике глагольных лексем зафиксированы субъектные или объектные его связи, либо те и другие; поэтому глаголы можно условно назвать (по локализации их семантических связей) субъектными, объектными и двунаправленными субъектно-объектными и объектно-субъектными» [5, с. 423]. Мы отмечаем две модели реализации семантической валентности глагола в продуцирующих композиты словосочетаниях.

Во-первых, в структуре композита может быть отражена реальная или условно реальная глагольная конструкция. Например, структура композита *дноуглубление*, являющегося универбальной интерпретацией словосочетания *углубление дна*, отражает трансформацию Глагол+Сущ4 > Сущ1+Сущ2, когда именное словосочетание возникает на базе глагольного словосочетания *углублять дно*, ср.: *Рекам углубляют дно – Запланировано и углубление дна в районе Экономии – Средства на дноуглубление идут из канальных сборов* [Правда Севера. – 20.05.03].

Во-вторых, объективность образования одного из конструкторов композита от глагола иногда не подкрепляет связь композита с исходным глагольным словосочетанием. В этих случаях источником для композита или квазикомпозита, всегда универбализационного, является реальное или условно реальное именное словосочетание. Путь образования: Глагол > Сущ1 > Сущ1+X, где X – любой зависимый компонент. Другими словами, валентность глагола здесь реализуется через валентность отглагольного существительного. Например, от глагола *подкармливать* образовывается существительное *подкормка*, которое формирует на своей базе словосочетание *авиационная подкормка*, ставшее в результате универбализации композитом *авиаподкормка*, для которого невозможно найти глагольный эквивалент. Сравните: *При авиаподкормке удобрения равномерно распределяются по поверхности почвы, значительно сокращаются сроки работ* (<http://fadr.msu.ru/rin/crops/rye4.htm>) – *По мнению Сычева, авиационные подкормки оправданны только на больших полях – больше 200 га для...* (<http://www.agro-business.ru/toprinter/article/1230...>). При образовании квазикомпозитов универбализационного типа исходная производящая конструкция условна. Например, квазикомпозит *аэроразведка* явно связан с именем *разведка*, но не с глаголом *разведывать*.

Однако следует отметить, что композиты с процессуальным значением могут образовываться не только от глаголов и

девербативов, но и от неотглагольных имен со значением процесса. Обычно это заимствованные существительные типа **терапия, прогноз, экспорт** и под., например, **лазеротерапия – лазерная терапия**: *Постоянно работает отделение физиотерапии: солярий, ингаляторий, класс КВЧ-терапии, стол для вытяжения и коррекции позвоночника, УВЧ-терапия, лазеротерапия, массаж* [От винта. – 03.07.07] – *Практически все появляющиеся медицинские технологии были опробованы на больных с хроническим простатитом – и самое современное медикаментозное лечение, и лазерная терапия, и СВЧ-гипертермия* [Твой день. – 10.09.07] и прочие. От таких же имен образуются и квазикомпозиты универбализационного типа: **серотерапия, аэронавигация, гидромелиорация**.

Для каждого из указанных типов композитов со значением процессуальности создаются модели ономаσιологического и формального описания, составление реестра которых и является причиной наших дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с. – (АН СССР, Ин-т языкознания).
2. Рохлина Л. А. Вербальная объективация и репрезентация логико-мыслительной категории локальности (на материале русского и французского языков) : автореф. дисс. на соискание учен. степени кандидата филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Л. А. Рохлина. – Ульяновск, 2006. – 21 с.
3. Рязанова В. А. Модели образования компонентов композитно-аббревиатурной группы «нефте» / В. А. Рязанова // Новые горизонты славистики : материалы III Международных научных чтений студентов и молодых ученых памяти Г. И. Рихтера. – Донецк, 2016. – С. 171-777.
4. Теркулов В. И. Композиты и сложносокращенные слова: о смежности явлений / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном мире : X Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2016 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. ст. В 2-х частях. I часть. – Симферополь : ООО «Антиква», 2015. – С. 230-241.
5. Уфимцева А. А. Структурная организация лексики и ее единиц / А. А. Уфимцева // Общее языкознание : внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1972. – С. 394-454.
6. Чирко Т. М. Активная грамматика : к содержанию понятия / Т. М. Чирко, Т. М. Ломова. – Режим доступа : <http://www.bestreferat.ru/referat-89638.html>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чапала Ю. И. Сочинение на несвободную тему / Ю. И. Чапала. – Харьков, 2003. – 324 с.
2. От винта : ежедневная газета.
3. Правда Востока : ежедневная газета.
4. Правда Севера : ежедневная газета.
5. Твой день : ежедневная газета.
6. Фонд исследования аграрного развития : официальный сайт. – Режим доступа : <http://fadr.msu.ru>.
7. Gazeta.kz : интернет-газета. – Режим доступа : <http://www.gazeta.kz/>.
8. agro-business.ru : портал. – Режим доступа : <http://www.agro-business.ru>

АННОТАЦИЯ

Блюмина О. В. О генетических типах композитов со значением процессуальности

В статье рассматриваются композиты, представленные существительными, но характеризующие другой грамматический класс – глаголы. Их можно разделить на девербативы и собственно имена. Мы отмечаем две модели реализации семантической валентности глагола в продуцирующих композиты словосочетаниях. Во-первых, в структуре композита может быть отражена реальная или условно реальная глагольная конструкция. Во-вторых, объективность образования одного из конструкторов композита от глагола иногда не подкрепляет связь композита с исходным глагольным словосочетанием. В этих случаях источником для композита или квазикомпозита, всегда универбализационного, является реальное или условно реальное именное словосочетание. Другими словами, валентность глагола здесь реализуется через валентность отглагольного существительного.

Ключевые слова: деривация, композиты, универбализация.

SUMMARY

Blyumina O. V. Genetic types of composites with the procedural value

The article deals with composites represented by nouns, but they characterize another grammatical class – verbs. They can be divided into deverbatives and proper names. We note two models for the realization of the semantic valence of the verb in word-combinations that produce composites. First, in the structure of the composite, a real or conditionally real verbal construction can be reflected. Secondly, the objectivity of the formation of one of the composite con-

structs from the verb sometimes does not support the connection of the composite with the original verbal word combination. In these cases, a source for a composite or quasi-composite, always a univerbalization, is a real or conditionally real nominal word combination. In other words, the valence of the verb is realized through the valence of the verbal noun.

Key words: derivation, composites, univerbalization.

С.П. Волосевич
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.7

СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИИ В РЕЧИ

Исследование семантической структуры преобразованных фразеологизмов в речи составляет одно из основных звеньев исследования процесса фразеологической номинации. Изменения в содержательной структуре преобразованных фразеологизмов связаны их номинативными заданиями и потенциалом для их выполнения. Для сопоставления семантики исходных и преобразованных фразеологизмов целесообразно определить элементы семантической структуры фразеологической единицы, значения фразеологической единицы, ее микро- и макрокомпоненты, а также определить уровень и процедуру сравнения контекстуального смысла преобразованного фразеологизма и значения исходной фразеологической единицы.

При сравнении семантических структур фразеологических единиц и преобразованных фразеологизмов значение и смысл противопоставляются как разные семантические категории. Значение принадлежит фразеологической единице как единице системы языка, смысл – как единице речи. Смысл является приложением значения к объекту, способом представления референта в знаке [1, с. 93].

В процессе своего преобразования в речи фразеологические единицы подвергаются семантическому осложнению разной степени: от незначительного до весьма существенного. В первом случае денотативно-сигнификативный макрокомпонент семантики преобразованного фразеологизма тождественен денотативно-сигнификативному макрокомпоненту значения исходной фразеологической единицы. Коннотативный макрокомпонент мало отличается от коннотативного аспекта прототипа ввиду общего для них образного представления, и

если можно говорить о некоторых различиях, то только имея в виду незначительную модификацию образной основы. (Ср.: ... and feature editors who know how their bread is buttered при нормативной ФЕ to know which/what side one's is buttered).

К осложненным номинациям мы относим те преобразованные фразеологизмы, семантика которых обогащается новыми семами. В основе осложненных номинаций лежат признаки, которые исходные фразеологизмы не дифференцируют ввиду обобщенного характера их семантики. Преобразованные фразеологические единицы, номинируя референт нестандартным образом, эксплицируют те признаки, которые присутствуют в семантике прототипа имплицитно, в латентном состоянии.

Окказиональные потенциальные денотативные семы имеют различный статус. Одни из них уточняют какой-либо признак (признаки), который уже выделен в денотате семантикой исходной фразеологической единицы и представлен в семантическом определении прототипа. Такие потенциальные семы определяются нами как конкретизирующие-уточнительные. Другие семы отражают признаки, которые возможны для референта, но не отражены семантикой прототипа и, следовательно, не представлены в дефиниции. Такие потенциальные семы определяются как конкретизирующие-аддитивные.

Различие между этими семами прослеживается на примерах преобразования фразеологизмов *put that in your pipe and smoke it – that is something for you to reflect upon and accept if you can; let sleeping dogs lie – avoid stirring up trouble:*

*“But not another bite of it do you get, if you refuse to do this simple, easy, pleasant job. No, not so much as another sniff. So **put that in your twelve-inch cigarette-holder and smoke it**” (P.G. Wodehouse, *Right Ho, Jeeves*, p. 131).*

*“Any schoolmaster will tell you, even I can tell you, that you should always **let sleeping boys lie**” (W. Cooper, *Scenes from Provincial Life*, p. 118).*

“I didn’t mean to hurt you, sweet”, she said. “But we’re old friends and we used to say what we meant to each other”.

*“... **let’s leave sleeping friendships lie!**” (I. Shaw, *The Top of the Hill*, p. 171).*

В первом примере слова-заменители и заменяемый компонент в системе языка объединены в одну тематическую группу, но в составе фразеологической единицы у компонента *pipe* нет внутрифразового значения, поэтому слова-заменители вступают в семантическую связь с фразеологическим значением в целом. Между тем, слова-заменители несут такую информацию, которая

семантически не связана со значением фразеологической единицы. Поэтому дополнительная информация не уточняет значение фразеологической единицы, а добавляется к той информации, которую несет семантика фразеологической единицы, и имеет конкретизирующе-аддитивный характер.

Во втором и третьем примерах окказиональные семы уточняют признак *trouble*, выделенный семантикой фразеологической единицы, и носят конкретизирующе-уточнительный характер: не надо будить лихо (в лице учеников), не надо касаться большого вопроса (о прошедшей дружбе) – так можно интерпретировать смысл преобразованных фразеологизмов.

Языковая техника формирования осложненных номинаций разнообразнее по сравнению с неосложненными номинациями, образование которых характеризуется нейтрализацией семантических различий между замещаемым компонентом и словом-заменителем.

Обычно появление осложненных номинаций связано с вхождением в структуру исходной фразеологической единицы слова-заменителя, которое своим прямым номинативным значением уточняет семантику преобразованного фразеологизма и заменяет образную исходную ФЕ на частично безобразную.

*If you're as infallibly competent as your supporters led the voters to believe, you can **solve this murder case in your stride** (Kenk).*

*I don't want to be – to be importunate. But unless you **have more interesting fish to fry** I wish you would come sometime (M. Balchin, *A Sort of Traitors*, p. 27).*

У фразеологизмов *take in one's stride* – *do easily and effortlessly* и *have other fish to fry* – *have something else to do* выводимая и прозрачная внутренняя форма, причем сочетаниям компонентов этих фразеологических единиц легко приписываются внутрифразовые значения. Так, компоненту *take* приписывается внесистемное значение *do*, а компоненту *other* значение *something else*. Обобщенные, отвлеченные значения замещаемых компонентов поддаются конкретизации, и вместо глагола широкой семантики *do* в семантике преобразованной фразеологической единицы появляется более конкретная сема *solve*, а сема *something else* уточняется и конкретизируется, и смысл преобразованной фразеологической единицы интерпретируется как “иметь другое, более интересное занятие”. Окказиональные потенциальные семы легко входят в семантику исходных фразеологических единиц и порождают смыслы преобразованных фразеологизмов без вытеснения элементов значения исходных фразеологических единиц, так как они семантически не противоречивы.

Нами выделяется особая группа, занимающая промежуточное положение между осложненными номинациями, формирующимися на базе прямых номинативных значений слов-заменителей и связанных с частичным разрушением образа исходной фразеологической единицы, – с одной стороны, осложненными номинациями, имеющими модифицированный образ, – с другой.

Эта сравнительно немногочисленная группа преобразованных фразеологических единиц образуется в тех случаях, когда слово-заменитель одновременно реализует в преобразованной фразеологической единице два лексико-семантических варианта.

Well, you can bring an ass to the water, but you can't make him drink. The world was the water and Egbert was the ass. (D.H. Lawrence, England My England, p. 118).

Основной лексико-семантический вариант включается в план выражения преобразованной фразеологической единицы и поддерживает ее образность, а другой лексико-семантический вариант (производное или переносное значение) участвует в формировании семантики преобразованной фразеологической единицы. Контекст всегда показывает, какой именно из лексико-семантических вариантов формирует семантику преобразованной фразеологической единицы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 192 с.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Balchin M. A Sort of Traitors. – London: Collins, 1949. – 270 p.
2. Cooper W. Scenes from Provincial Life. – Harmondsworth: Penguin Books, 1961. – 236 p.
3. Lawrence D.H. England My England. – Harmondsworth: Penguin Books, 1961. – 190 p.
4. Shaw I. The Top of the Hill. – Sevenoaks; Kent: New English Library, 1985. – 300 p.
5. The Kenkyusha Dictionary of Current English Idioms. – Tokyo: Kenkyusha, 1969. – 849 p.
6. Wodehouse P.G. Right Ho, Jeeves. – Harmondsworth: Penguin Books, 1975. – 248 p.

АННОТАЦИЯ

Волосевич С. П. Семантика фразеологических единиц при их преобразовании в речи

Рассматриваются вопросы осложнения семантики фразеологических единиц. Выявляются некоторые особенности

такого осложнения. Анализируется влияние семантики слова-заменителя на семантику и образ исходной идиомы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, семантическое осложнение, сема.

SUMMARY

Volosevich S. P. Semantics of English idioms when transformed in speech

Some issues of semantic complication of phraseological units are explored. Some peculiarities of such complication are brought to the fore. The impact of the semantics of the substitute-word on the semantics and image of the prototypical idiom is analyzed.

Key words: phraseological unit, semantic complication, seme.

О.С. Воробьева
(г. Донецк, ДНР)

УДК 811.111'373.611

ПРЕФИКСНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

1. Теоретические основы изучения фразовых и префиксных глаголов. Фразовые глаголы (далее ФГ), т.е. глагольные сочетания типа *to come in* 'входить', *to go out* 'выходить', являются отличительной чертой глагольной системы современного английского языка. Сложные по форме, они образуются от монолексемных глаголов с помощью особых послеглагольных компонентов, имеющих комплексную наречно-предложную природу.

Второй компонент в составе ФГ до сих пор не имеет четкого определения и может рассматриваться как 1) слово – значимое (наречие) или служебное (предлог) [4; 10], 2) словообразовательная морфема [6; 9] и даже 3) промежуточный элемент («полуслово», «полуморфема») [12; 17]. Отсутствие единой точки зрения на статус второго компонента ФГ, в свою очередь, обусловлено разными взглядами на его этимологию и семантическое развитие, а именно, тем, что рассматриваемые единицы характеризуются своим происхождением как от древнеанглийских глагольных префиксов локативной семантики, так и от общегерманских исходных наречий с пространственным или пространственно-моторным значением.

Среди ученых до сих пор не существует общего термина для обозначения второго компонента таких сочетаний. Они называют

его «наречием» [16], «наречной частицей» [7], «послелогом» или «адвербиальным послелогом» [3; 8], «постпозитивным компонентом» или «постпозитивом» [2].

Ю. А. Жлуктенко, в частности, называет второй компонент «фразовых глаголов» «постпозитивной приставкой», которая, по его мнению, является «частью аналитического слова, морфемой, обладающей абстрагированным функциональным значением и являющейся основным средством внутриглагольного словообразования» [6, с. 112], а В. А. Богородицкий определяет вторые компоненты фразовых глаголов как «позиционно присоединенные к глаголу префиксы» [5, с. 102-103].

Вопрос о природе и статусе второго компонента рассматриваемых глагольных комплексов до сих пор остается открытым. Работы последних лет, посвященные английским фразовым глаголам, фокусируются либо на исследовании когнитивно-функциональных особенностей данных единиц и их дериватов [1; 13; 15], либо – их эквивалентов в других языках и особенностей перевода [11; 14].

В данной статье для обозначения второго компонента исследуемых комплексов был выбран термин «постпозитивный компонент» (ПК) или сокращенно «постпозитив» как наиболее нейтрально характеризующий категориальный статус сочетания, а термин «глагол с постпозитивным компонентом/постпозитивом» (ГПК) используется как синоним термина «фразовый глагол».

Несмотря на существование разных точек зрения на определение постпозитивного компонента, большинство ученых, занимавшихся данной проблемой, сходятся в одном: в английском языке второй компонент рассматриваемых сочетаний используется как основное средство внутреннего глагольного словообразования в противоположность другим индоевропейским языкам, которые в таком случае используют префиксацию. В современном английском языке постпозитивные компоненты выполняют в значительной степени те же функции, что префиксы в русском и украинском языках и отделяемые приставки в немецком языке.

В настоящем исследовании постпозитивный компонент рассматривается как неизменный словообразовательный элемент, который стоит после глагола и образует с ним единое смысловое целое, а всё глагольное сочетание представляет собой аналитическое слово, а именно, составной глагол. Целесообразность именно этого подхода обусловлена семантической и синтаксической целостностью ГПК, а также тем, что именно значение глагола обычно является семантическим

центром такого сочетания, а постпозитив при этом определенным образом модифицирует это семантическое ядро.

Принимая во внимание словообразовательную природу постпозитивного компонента и характер его семантики, можно выделить следующие типы ПК: 1) адвербиальный постпозитив, который сохраняет свое лексическое, главным образом, пространственное значение, напр.: *to go in* ‘заходить’, *to go out* ‘выходить’; 2) эмфатический постпозитив, который усиливает значение, заложенное в семантике самого глагола, напр.: *to cheer on* ‘приободрять’, *to cut off* ‘отрезать’; 3) идиоматический/лексический постпозитив, который полностью утрачивает свое лексическое значение и образует с глаголом новую лексику, значение которой не складывается из суммы значений ее компонентов, напр.: *to round on* ‘резко критиковать’, *to blow off* ‘отменять что-либо (напр. мероприятие)’.

На современном этапе развития русского глагольного словообразования приставочный глагол рассматривается как языковая единица, значение которой складывается на базе структурного и семантического взаимодействия ее составляющих – префикса и глагольной основы [14, с. 68]. Приставки сходны по функции с постпозитивами в том, что они, как и постпозитивы, могут проявлять по отношению к исходной глагольной основе как минимум два варианта корреляции – 1) модифицировать ее значение, 2) интенсифицировать (усиливать) определенный компонент ее значения (ср. с адвербиальным и эмфатическим ПК, описанными ранее).

2. Префиксные эквиваленты английских фразовых глаголов движения. В фокусе данного исследования находятся английские постпозитивные компоненты и русские глагольные префиксы как структурно-содержательные компоненты английских фразовых и русских приставочных глаголов. В этой связи необходимо подчеркнуть, что определенные компоненты глагольной семантики определяются не только глагольным корнем (для приставочных глаголов) и исходным глаголом (для ГПК), а также выражаются посредством набора определенных деривационных (словообразовательных) средств (в данном случае постпозитивов и префиксов). Проиллюстрируем это утверждение на примере наиболее продуктивных пар английских фразовых глаголов, а именно, глаголов с компонентами *up-down*, *in-out* и *on-off*. Так, к примеру, направление перемещения может маркироваться русской приставкой или английским постпозитивом: *to climb up* ‘взбираться, залезать’ – *to climb down* ‘спускаться, слезать’ (постпозитивные компоненты *up* и *down* в составе рассматриваемых фразовых глаголов и соответствующие

им приставки *вз-* и *за-* (для *up*) и *с-* (для *down*) в структуре русских префиксных глаголов соотносятся с антонимичными пространственными значениями ‘(движение) вверх’ и ‘(движение) вниз’); *to drive in* ‘въезжать, заезжать’ – *to drive out* ‘выезжать’ (в данной антонимичной паре фразовых глаголов с постпозитивами *in* и *out* и эквивалентных им глаголах с приставками *в-*, *за-* (для *in*) и *вы-* (для *out*) соответствующие словообразовательные средства (постпозитивы и префиксы) осложняют первичное глагольное значение ‘движения (в транспортном средстве)’ дополнительными направительными значениями ‘внутри’ и ‘наружу’); *to draw on* ‘натягивать (одежду, обувь)’ – *to draw off* ‘стягивать (одежду, обувь)’ (в данном случае оппозиционность пространственной семантики выражается аналогичным образом с помощью послелогов *on* и *off* и соответствующих им префиксов *на-* и *с-*, имеющих общее пространственное значение ‘на (поверхность)’ – ‘с (поверхности)’). В связи с этим можно утверждать, что фразовые и приставочные глаголы отражают специфику представлений носителей соответствующих языков о пространстве, так как демонстрируют особенности выражения этих представлений посредством релятивных единиц морфемного (в русском языке) и неморфемного (в английском языке) уровней [14, с. 67].

В русском языке префиксы могут выполнять те же лексико-грамматические функции, что и английские постпозитивные компоненты, особенно когда речь идет о пространственных значениях. Соединяясь с глаголом, особенно с глаголом движения, префикс может дополнять или уточнять значение глагола.

2.1. Материалом исследования для данной статьи послужили фразовые глаголы движения (120 единиц) и их префиксные эквиваленты в русском языке, поскольку именно в рамках этого семантического типа фразовых и приставочных глаголов на ранних этапах их сопоставительного исследования можно установить наиболее четкие словообразовательные и семантические соответствия.

Рассмотрим более подробно деривационно-семантические корреляции, которые наблюдаются в системе английских фразовых и русских префиксных глаголов движения между постпозитивными компонентами и префиксами. Эти соотношения были установлены в результате сопоставительного анализа постпозитивов и их префиксных эквивалентов, выявленных в результате переводческого анализа.

Так, например, английскому постпозитивному компоненту *up* соответствуют русские префиксы *под-*, *в-* (36 единиц), напр.: *to throw up* ‘подбрасывать’, *to stand up* ‘вставать, подниматься’,

to drive up ‘подъезжать’, *to walk up* ‘подходить’. В семантике вышеперечисленных и подобных им глаголов постпозитивы и соответствующие префиксы проявляют деривационные значения ‘вверх’ и ‘(приближение) к определенному месту’.

Постпозитиву *out* в рамках фразовых глаголов движения четко соответствует префикс *вы-*, имеющий, как и *out*, значение ‘из(нутри) какого-либо места’ (21 единица), напр.: *to go out* ‘выходить’, *to climb out* ‘вылезать’, *to run out* ‘выбегать’, *to pull out* ‘вынимать, вытягивать’.

Следующий по продуктивности постпозитивный компонент *away* коррелирует с такими русскими префиксами, как *от-*, *ото-*, реже – *вы-* (18 единиц), и имеет значение ‘(удаления) от какого-либо места’, напр.: *to step away* ‘отходить’, *to send away* ‘отсылать’, *to move away* ‘отодвигаться’, *to take away* ‘выносить’.

Английскому постпозитивному компоненту *over*, следующему по продуктивности после *away*, соответствует префикс *пере-* со значением ‘преодоления (преграды, расстояния)’ (17 единиц), напр.: *to drag over* ‘перетягивать’, *to jump over* ‘перепрыгивать’, *to sail over* ‘переплывать (на судне, о судне)’, *to swim over* ‘переплывать (о человеке)’.

Постпозитивный компонент *off*, имеющий в английском языке значение ‘удаления (от какого-либо места)’, переводится на русский язык префиксами *у-*, *от-*, *с-*, *со-* (11 единиц), имеющими аналогичное значение, напр.: *to go off* ‘уезжать, уходить’, *to set off* ‘отправляться, отъезжать’, *to get off* ‘сходить (обычно, с транспорта)’, *to dive off* ‘соскакивать’.

Английскому постпозитиву *in*, проявляющему по отношению к ПК-*out* антонимическое значение ‘в(нутри) какое(го)-либо место(а)’, соответствуют префиксы *в-*, *за-* (9 единиц), напр.: *to go in* ‘входить’, *to climb in* ‘влезать, залезать’, *to run in* ‘вбегать, забегать’, *to bring in* ‘вносить, заносить’.

Постпозитивному компоненту *down*, выступающему в семантической оппозиции к ПК-*up*, соответствуют при переводе русские префиксы *с-*, *со-*, иногда – *за-* (8 единиц), напр.: *to come down* ‘спускаться’, *to jump down* ‘спрыгивать, соскакивать’, *to slow down* ‘замедлять (напр., ход, движение)’.

Соотношение английских постпозитивных компонентов с русскими префиксами в наиболее обобщенном виде отображено в следующей таблице.

Английские ПК	Русские префиксы							
	<i>под-</i>	<i>вы-</i>	<i>от-</i> , <i>ото-</i>	<i>пере-</i>	<i>с-</i> , <i>со-</i>	<i>у-</i>	<i>в-</i>	<i>за-</i>

<i>up</i>	+						+	
<i>out</i>		+						
<i>away</i>		+	+					
<i>over</i>				+				
<i>off</i>			+		+	+		
<i>in</i>							+	+
<i>down</i>					+			+

2.2. Исходя из информации, представленной в таблице, можно сделать вывод о том, что представленные выше русские префиксы могут иметь с английскими постпозитивами единичные или множественные соответствия.

Единичные соответствия касаются следующих пар префикс-постпозитив: **под-up**, напр.: подбрасывать – *to throw up*; **пере-over**, напр.: перепрыгивать – *to jump over* и **у-off**, напр.: уезжать, уходить – *to go off*.

Большинство русских префиксов имеют множественные, чаще всего, двойные соответствия постпозитивам в английском языке. Приведем несколько примеров таких соответствий. Так, русскому префиксу **вы-** соответствуют ПК-*out* и ПК-*away*, ср.: *to pull out* ‘вынимать, вытягивать’ и *take away* ‘выносить’ (при этом значения данных постпозитивов совпадают: они оба означают ‘удаление из какого-либо места’); префикс **в-** находит свое отражение в ПК-*up* и ПК-*in*, ср.: *to stand up* ‘вставать’ и *to go in* ‘входить’ (несмотря на перевод с помощью одного и того же префикса, значения постпозитивов отличаются: ПК-*up* имеет значение ‘вверх’, а ПК-*in* – ‘внутри’); префикс **за-** имеет в качестве переводческих эквивалентов ПК-*in* и ПК-*down*, ср.: *to run in* ‘забегать’ и *to slow down* ‘замедлять (напр., ход, движение)’ (значения постпозитивов в данном случае, несмотря на совпадение префиксов при переводе, отличаются: для ПК-*in* это значение ‘внутри’, а для *down* в данном конкретном случае префикс **за-** имеет значение ‘делать таким, как выражено корнем’).

2.3. Интересно, что при отсутствии префиксных эквивалентов английских ПК в составе фразовых глаголов движения переводческими эквивалентами таких постпозитивов могут быть наречия с пространственными значениями типа ‘*вперед*’, ‘*назад*’, ‘*вниз*’, ‘*дальше*’, напр.: *to come forward* ‘выходить *вперед*’, *to march on* ‘идти, ехать *вперед*’, *to turn back* ‘поворачивать *назад*’, *to climb down* ‘спускаться *вниз*’, *to move on* ‘двигаться *дальше*’.

3. Общие выводы. Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщения.

3.1. Исследование русских префиксных эквивалентов английских фразовых глаголов подтверждает тезис о том, что вторые компоненты данных глагольных сочетаний имеют особую деривационную природу, связанную с возможностью образования данных послеглагольных компонентов от древнеанглийских глагольных префиксов локативной семантики.

3.2. В результате анализа было установлено, что самым продуктивным в количественном отношении постпозитивом является *up*, которому в русском языке соответствуют два префикса *под-* и *в-* (см. 2.1., а также табл.). При этом наибольшим количеством префиксных соответствий в русском языке обладает постпозитивный компонент *off* (см. также 2.1. и табл.). Следует отметить в этом контексте, что пространственно-направительные значения проанализированных постпозитивов и соответствующих им префиксов совпадают (см. 2.1.).

3.3. При обратном рассмотрении, т.е. в результате изучения соответствий русским префиксам в системе английских постпозитивов, выясняется, что их значения часто не совпадают, что, в свою очередь, свидетельствует о более развитой полисемии и омонимии русских префиксов (см. 2.2., а также табл.).

3.4. Несмотря на выдвинутое и доказанное на определенном эмпирическом материале положение о том, что постпозитивные компоненты в английском языке и префиксы в русском языке могут рассматриваться как эквивалентные словообразовательные единицы, возможность использования в качестве переводческих эквивалентов для постпозитивов пространственных наречий в русском языке (см. 2.3.) свидетельствует о более неоднозначном происхождении английских постпозитивов не только от древнеанглийских локативных префиксов, но и от общегерманских пространственных наречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдевич Н. В. Особенности лексической многозначности английского фразового глагола [Электронный ресурс] / Н. В. Авдевич // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2008. – № 544. – С. 163-175. – Режим доступа: cyberleninka.ru.
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
3. Аничков И. Е. Адвербиальные послелogi в современном английском языке. Вопросы германской и романской филологии / И. Е. Аничков // Вопросы германской и романской филологии: Уч. зап. Пятигорского гос. пед. ин-та. – Пятигорск, 1961. – Т. 24. – С. 221-253.

4. Берлизон С. Б. Грамматические особенности глагольно-наречных фразеологических единиц в современном английском языке / С. Б. Берлизон // Учен. записки Магнитогорск. пед. ин-та. – 1957. – Вып. 11. – С. 312-322.
5. Богородицкий В. А. Введение в изучение современных романских и германских языков / В. А. Богородицкий. – М., 1953. – 184 с.
6. Жлуктенко Ю. А. О так называемых «сложных глаголах» типа stand up в современном английском языке / Ю. А. Жлуктенко // Вопросы языкознания. – М., 1954. – № 5. – С. 105-113.
7. Зильберман Л. И. Семантика наречной частицы up в составе глагольных образований типа to stand up / Л. Л. Зильберман // Романо-германская филология. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – Вып. 2. – С. 110-131.
8. Керлин А. А., Кузнец М. Д. Составные глаголы в современном английском языке / А. А. Керлин, М. Д. Кузнец. – Л.: Учпедгиз, 1959. – 129 с.
9. Кубрякова Е. С. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. // Аспекты семантических исследований – М., 1980. – С. 81-115.
10. Ненюкова А. С. К вопросу о взаимоотношении между предложениями и обстоятельственными наречиями в английском языке / А. С. Ненюкова // Иностр. яз. в школе. – М., 1953. – № 4. – С. 3-10.
11. Сидельникова Е. А. Опыт анализа англо-русского перевода фразовых глаголов / Е. А. Сидельникова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2 (21). – Ч. I. – С. 106-108.
12. Скоморощенко Н. Н. Разноуровневые признаки глаголов с послелогом в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н. Н. Скоморощенко. – МПГУ. – М., 1995. – 16 с.
13. Сонголова Ж. Г. Когнитивно-функциональные особенности фразовых существительных типа slowdown в современном английском языке / Ж. Г. Сонголова // Magister Dixit. – 2013. – № 2. – С. 40-44.
14. Трубникова Е. В. Пространственная семантика английских фразовых и русских приставочных глаголов: сопоставительный аспект / Е. В. Трубникова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 66-73.
15. Чибисова Е. Ю. Английские фразовые глаголы и их употребление в юридических документах / Е. Ю. Чибисова // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2 (21)-3. – Ч. III. – С. 178-181.

16. Curme G. O. English Grammar / G. O. Curme. – New York: Harcourt, Brace Co., 1966. – 339 p.
17. Spasov D. English Phrasal Verbs / D. Spasov. – Sofia: Naouka i Izkoustvo, 1966. – 280 p.

АННОТАЦИЯ

Воробьева О. С. Префиксные эквиваленты английских фразовых глаголов

Данная статья посвящена исследованию словообразовательных и семантических корреляций английских фразовых и русских приставочных глаголов. Приводятся префиксные соответствия английским фразовым глаголам движения в русском языке, определяются их значения и степень продуктивности.

Ключевые слова: фразовый глагол, приставочный глагол, постпозитивный компонент/постпозитив, приставка/префикс, эквивалент.

SUMMARY

Vorobyova O. S. Prefixal equivalents of English phrasal verbs

The paper focuses on the analysis of derivational and semantic correlations between English phrasal and Russian prefixal verbs. Prefixal equivalents of English phrasal verbs of movement in Russian are defined, their semantics and productivity being specified.

Key words: phrasal verb, prefixal verb, postpositive component / postposition, prefix, equivalent.

*В.А. Вострецова,
Д.С. Богодушко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811'253:778.5

ПРИМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЕРИАЛА «EVERYBODY HATES CHRIS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод как средство общения между людьми способствует передаче информации от носителей языка оригинала носителям языка перевода. Такая информация передается через тексты различных типов (например, художественные произведения, технические тексты, аудиовизуальную продукцию и т.д.). В данной статье мы остановимся на одном из видов аудиовизуальной продукции – фильмах. Цель данной статьи

состоит в рассмотрении случаев применения доместикации при переводе сериала «Everybody hates Chris» с английского языка на русский.

Необходимо отметить, что обычно проблемы, возникающие при переводе аудиовизуальной продукции, по мнению большинства исследователей, связаны с культурными различиями между языком оригинала и языком перевода. Решить данные проблемы помогает правильный выбор стратегии перевода. Переводовед Л. Венути отмечает, что «стратегии, используемые при подготовке перевода, неизбежно возникают в ответ на культурную ситуацию в принимающей стороне» [6, с. 240]. Выбор и принципы использования той или иной стратегии неоднозначны. «Стратегия перевода определяется многими факторами, среди которых немаловажное значение имеет личностная установка переводчика – его ориентированность на сохранения национально-специфических особенностей текста подлинника (форенизация перевода) или на способ выражения, принятый в языке перевода (доместикация перевода) «...» Установка переводчика на «экзотизацию» или, наоборот, «натурализацию» текста перевода может потребовать от него одновременного использования переводческих стратегий, противоположных по своей диалектической природе» [2, с. 196].

Исследователи настаивают, что «иностранный текст становится понятным, когда читатель узнает себя в переводе» [7, с. 1577]. Некоторые переводоведы настаивают на том, что всякий перевод – это неизбежная доместикация. Действительно, переводческая практика показывает, что «произведение, попадая в другую культуру посредством перевода, так или иначе, становится феноменом принимающей культуры. Оно оказывает свое влияние и т.д., но американский сериал в русском переводе назвать совершенно американским все-таки уже нельзя, так как сами русские слова несут на себе печать русской культуры и следы использования этих слов в русских контекстах» [1, с. 93]. Л. Венути также настаивает на том, что «экономические соображения иногда лежат в основе использования стратегии доместикации в переводе, но они всегда определяются текущими культурными и политическими событиями» [6, с. 241].

Итак, доместикацию можно определить как переводческую стратегию, при которой чужеродность текста оригинала сводится к минимуму. В результате использование такой стратегии может иметь место потеря части информации текста оригинала.

При переводе аудиовизуальной продукции стратегия доместикации применяется в большей степени в дублировании,

а при создании субтитров переводчики предпочитают противоположную доместикации стратегию форенизации. Это обосновано тем, что в дублированной версии аудиовизуального продукта зритель не слышит оригинальной звуковой дорожки, что дает переводчику возможность заменять отсылки к иностранной культуре на термины, приближенные к культуре целевой аудитории.

Среди преимуществ использования стратегии доместикации можно назвать следующие: зрителю кажется, что он смотрит фильм не в переводе, а в оригинале; внимание зрителя не отвлекают непонятные ему реалии других культур; отсутствует риск навязывания странных традиций и норм. Такие преимущества важны, так как в некоторых странах попытка навязать систему ценностей культуры исходного языка культуре целевого языка может быть весьма опасна. Необходимо также отметить, что доместикация – это глобальная стратегия, которая решает целый ряд переводческих задач. Она в свою очередь включает в себя различные переводческие стратегии, которые необходимы для решения каждой отдельной проблемы в переводе. К основным стратегиям доместикации, применяемым при переводе фильмов, относятся: генерализация, замена, перефразирование и опущение.

Проведя анализ текста оригинала и перевода сериала «Everybody hates Chris» («Все ненавидят Криса»), мы выделили случаи использования доместикации и выявили, что наиболее часто использованной стратегией доместикации является замена. Данная стратегия включает в себя замену элемента языка оригинала другим культурно соотнесённым элементом [3, с. 27]. В первую очередь такой тип доместикации применяется для передачи имен. В представленных ниже примерах можно заметить, что все имена главных героев были заменены. Такие непривычные для слуха русского зрителя американские имена, как *Julius*, *Rochelle* и *Drew*, превратились в *Юрия*, *Роксану* и *Андрюшу*. К некоторым именам в сериале переводчики добавили отчества, которых в американской культуре нет, в русской же версии они не добавляют ничего к смыслу фраз, но юмор, примененный при их составлении, делает имена героев более запоминающимися для зрителя.

My father Julius always kept beloni handy just in case. – *Мой отец, Юрий Антонович, всегда хранил какую-нибудь хавку на всякий случай; That's my mother Rochelle.* – *Это моя мама, Роксана Бабаяновна; That's my younger brother Drew.* – *Это мой младший брат Андрюша.*

На протяжении всего сериала переводчики заменяли не только имена главных героев, но и большинства второстепенных персонажей. Например, в следующих примерах, герои сериала обрели новые имена и фамилии, которые звучат не только привычней, но и забавней, что очень важно при переводе сериала комедийного жанра.

*There was Mr. **Jenkins**. He had all girls, so he was always screaming.* – Тут жил **Афанасий Зяськин**. У него были одни девочки, и оттого он постоянно орал; *Mr. **Parrish**'s wife cheated on him, so he was always checking to see if his kids looked like him.* – Жена **Никифора Попкина** ему изменяла, поэтому он постоянно разглядывал своих отпрысков; *Mrs. **Malone** was the school's assistant principal.* – Это наш завуч **Агнесса Павловна Шпонь**.

В то время как domestикация имен обычных людей в сериале не имеет особого значения, а лишь делает их звучание более привычным для зрителя, замена имен знаменитостей играет важную роль в понимании сюжета сериала. Так как сериал повествует о событиях 1980-х годов в Америке, то многие имена известных людей, упомянутых в сериях, могут быть неизвестны русскому зрителю. Соответственно целые фразы и диалоги, содержащие отсылки к таким знаменитостям, могут потерять свой смысл. Решение данной проблемы можно наблюдать в предложенных ниже примерах. В первом примере имя афроамериканского вокалиста и композитора Джорджа Клинтона, творчество которого, скорее всего, знакомо небольшому количеству отечественных зрителей, было заменено на имя российской исполнительницы Юлии Савичевой. Во втором примере переводчик заменил название альбома и песни указанного исполнителя (*Computer Games, Atomic Dog*) названием альбома и песни Юлии Савичевой (*Магнит, Если в сердце живет любовь*).

*What's this? – Open it. – “**Computer Games**.” Who is it? – **George Clinton**.* – Что это? – Открой. – «**Магнит**». Что это? – **Юлия Савичева**; *There's a song on there, “**Atomic Dog**”, I heard on the radio.* – Там есть песня «**Если в сердце живет любовь**». Я слышал ее по радио.

Доместикация гораздо реже применялась при передаче названий торговых марок, названий компаний и продуктов. Это связано с тем, что большинство известных американских брендов уже распространены по всему миру. Например, названия различных американских марок хлопьев и печенья, использованных в примерах, данных ниже, были заменены на более известные для целевой аудитории марки сладостей (*Fruit Loops – Рафаэлло, Cheerios – Сникерсы, Frosted Flakes – Марсы, Ginger Snaps – печенье «Юбилейное»*):

*So instead of **Fruit Loops**, **Cheerios**, or **Frosted Flakes**, we got “**Cereal**”? What is this stuff? Is it oats? Is it flakes? – Поэтому вместо «**Рафаэлло**», «**Сникерсов**» и «**Марсов**» мы покупали ... Что это? Это хлопья? Это овсянка?; And instead of **Oreos**, **Ginger Snaps**, or **Chips Ahoy**, we got “**Cookie**”? That’s right, **Cookie**. – И вместо «**Орéo**», печенья «**Юбилейное**» и «**Чоко паев**», мы покупали «**Печенько**»? Правильно «**Печенько**».*

Замена также используется при переводе реалий, связанных с традициями и религией. В представленном ниже примере упоминается Ханука – еврейский праздник. Не все знают, что на протяжении восьми дней праздника принято зажигать свечи в память о чуде, произошедшем в дни Хануки, и, таким образом, зритель может не установить связь между этим праздником и дефицитом свечей. Для того, чтобы зрителю было легче понять сравнение в этом примере, переводчик заменяет Хануку на Новый год и свечи на елку:

*You sent Chris to look for macaroni and cheese on Thanksgiving? That’s like trying to find **candles** on **Hanukkah**. – Ты послал Криса за макаронами с сыром в день Благодарения? Это все равно, что искать елку на **Новый год**.*

Стратегия замены применялась для передачи большинства географических названий в сериале. Тем не менее, такие замены не всегда были уместными, и иногда могли запутать зрителя. Например, в начале серии зрителям сообщали, что семья находится в Нью-Йорке, а в середине серии названия районов Нью-Йорка заменялись названиями районов в Москве. В данной ситуации более правильным бы было использовать метод генерализации или вообще не применять стратегию доместикации, и передать данные реалии с помощью одной из стратегий метода форенизации.

*We delivered papers in **Brooklyn**. We delivered papers in **Queens**, **Little Italy**, **Spanish Harlem**, **Puerto Rican Harlem**, **the Bronx**, **Greenwich Village**. – Мы развозили газеты на **Тверской**. Мы развозили газеты в **Измайлово**, **Бирюлево** и **Бутово**, доехали даже до **Внуково**; I was looking through the paper and they’re having TVs on sale in **Queens**. – Я смотрела тут газеты и узнала, что у них распродажа телеков в **Химках**.*

Из всех примеров реалий, связанных с названием групп людей и языками, только два были переданы заменой. В предложенном ниже примере названия двух враждующих банд, контролирующих бандитские районы Лос-Анджелеса, были заменены именами также враждующих между собой, но более известных личностей (*the Crips* and *the Bloods* – Гитлер и Сталин):

You and Caruso are going to be buddies. Just like the Crips and the Bloods. – Ты и Карузо будете корешами. Ага, прям как **Гитлер** и **Сталин**.

Стратегия замены была применена во всех случаях доместикации общих названий. Заменены были различные единицы измерения величин (*inches* – сантиметры, *rounds* – килограммы, *foot* – метры). Этот же метод использовался для перевода американской валюты. В следующем примере заменено не только название валюты, но и переведено количество денег, в соответствии с приблизительным курсом:

We're going to get a TV. And if it doesn't cost \$199, we're going home. – Мы пришли купить телевизор. Если он стоит **больше десяти тысяч рублей** – мы уходим.

Стратегия перефразирования включает в себя уменьшение количества средств выражения или полную замену всего выражения на фразу, которая более подходит по контексту. Чаше всего данная стратегия была применена при переводе имен и торговых марок. В представленном ниже примере переводчик решает не искать эквиваленты для замены имени американского ведущего Дона Карнелиуса и названия созданной им передачи, так как в этом случае лучше было просто сохранить смысл предложения, подобрав парафраз, который передает всю необходимую информацию.

See? Just because you watch Soul Train don't make you Don Cornelius. – То, что ты пару раз видел клипы **Тимоти**, не делает тебя **знатоком нашей культуры**.

В следующем примере названия различных дорогих брендов пищевых продуктов были заменены прилагательными, которые также указывают на высокую стоимость и качество продукции:

Foxy Brown sugar, Telly Savalas eggs, Dr. J stuffing, Chuck Berry cranberry sauce?! And a Larry Bird turkey! – **Сахар-рафинад, деревенские яички, натуральный фарш, настоящий клюквенный соус и свежая индеечка!**

Для перевода реалий, относящихся к религии и традициям, стратегия перефразирования была применена всего четыре раза. В представленном ниже примере упоминается религия амишей. Амиши известны тем, что они предпочитают простую жизнь, простую одежду, а также своим нежеланием принять современные технологии. Поэтому, оказавшись в Вегасе, амиш, наверняка, будет потрясен и ошеломлен. Те же эмоции переводчик компенсирует в другой части предложения, так как русской аудитории скорее всего не знакома какая-нибудь похожая на амишей религия.

I felt like an Amish kid in Vegas. – Я чувствовал себя как ребенок на **новогодней елке** в **Кремле**.

Еще одна реалия, относящаяся к традициям, которая существует в языке оригинала и не имеет замены в языке перевода, показана в приведенном ниже примере. *Picture Day* – это учебный день в школах США и Канады, когда учеников фотографирует профессиональный фотограф, чтобы потом поместить эти фото в школьный альбом. Так как в русском языке подобной реалии не существует, она заменена на фразу *школьная фотография*.

Chris, I got your outfit for Picture Day. – Крис, я нашла тебе одежду для **школьной фотографии**.

Стратегии генерализации характерна замена специфических понятий общими. Использование более общего понятия является одной из наиболее распространенных стратегий, используемых профессиональными переводчиками, в случае если они сталкиваются с проблемами неэквивалентности на уровне слова, когда в языке перевода не существует конкретного термина, или если использование этого термина неуместно и может изменить значение всей фразы [5].

Чаше всего стратегия генерализации служит способом передачи названий марок. Бренды не всегда играют важную роль для понимания фразы, поэтому их можно заменить общими терминами. Так, в следующих примерах реалии, обозначающие торговые марки, в переводе были заменены на названия товаров, которые продаются под этой торговой маркой (*Walkman* – плеер, *Kool-Aid* – газировка).

When you finally do get your Walkman, at least you'll have a tape. – Когда тебе все-таки подарят твой **плеер**, по крайней мере, у тебя уже будет кассета; *I'll allow you to drink my Kool-Aid.* – Я позволяю тебе пить свою **газировку**.

Помимо метода замены, многие географические названия в анализируемом сериале часто передаются с помощью генерализации. В особенности эта стратегия применяется к названиям районов Нью-Йорка (*Brooklyn, Bed-Stuy*). Так как эти названия не являются смысловыми для зрителя, они заменяются общим термином *район*.

To get back to Brooklyn, it felt like we went around the entire city. – Возвращаясь к себе на **район**, мы объехали весь город; *You have a beautiful wife, two good jobs, and three wonderful kids, a nice home in Bed-Stuy.* – У тебя есть прекрасная жена, две отличные работы, три удивительных ребенка, прекрасный дом в **прекраснейшем районе**.

Несмотря на то, что стратегия опущения не включает процесс перевода в его традиционном смысле, выбор переводчика

опустить некоторые элементы текста оригинала может оказывать различное воздействие на целевую аудиторию [4, с. 38]. Этот метод следует использовать только в тех случаях, когда текст невозможно перевести с помощью других стратегий и опущение части фразы не помешает зрителю понять ее смысл. Например, в следующей ситуации переводчик использует стратегию замены для передачи реалии (Oprah – Андрей Малахов), так как эта часть несет в себе основную информацию фразы, но в то же время он никак не передает название торговой марки с языка оригинала на язык перевода, так как передача этой реалии не важна для контекста. *Later that year, **Oprah** ran into Greg at **Kmart**. В тот же год Гришия случайно встретил Андрея Малахова.*

Проанализировав варианты переводов реалий с помощью методов доместикации в сериале «Everybody hates Chris» («Все ненавидят Криса»), мы можем сделать следующие выводы:

1. Наиболее частым способом доместикации реалий, примененным в данном сериале, была стратегия замены. Именно эта стратегия в большинстве случаев помогает переводчику приблизить текст оригинала к культуре целевой аудитории. На втором месте по частоте использования располагаются стратегии генерализации и перефразирования. К этим стратегиям переводчики прибегали в случаях, когда в языке перевода не существовало подходящей для замены реалии. Реже всего встречалась стратегия опущения.

2. При выборе стратегии доместикации переводчик опирался на то, к какой категории принадлежала реалия. Так, например, стратегия генерализации практически не применялась для доместикации имен, но являлась одной из основных стратегий для передачи географических названий и торговых марок. Стратегией, которая применялась ко всем видам реалий, была замена. Опущение употреблялось только для перевода таких категорий реалий, как имена, географические названия и торговые марки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнаухова Н. Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием / Н. Г. Корнаухова // Вестник Иркутск. ун-та. – 2011. – № 3(15). – С. 90-96.
2. Харитонов Е. В. Диалектика переводческих стратегий: переводная дисперсия vs переводная конвергенция / Е. В. Харитонов. – Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. – № 2. – С. 196-199.
3. Чекашкина Е. Конвенции и стратегии субтитров на финском и русском языке в ток-шоу Эллен Дедженерес [Электронный

- ресурс] / Е. Чекашина. – 2012. – Режим доступа: http://epublications.uef.fi/pub/urn_nbn_fi_uef-20140916/urn_nbn_fi_uef-20140916.pdf. – 30.04.2017.
4. Judickaitė L. The notions of foreignization and domestication applied to film translation [Электронный ресурс] / Ligita Judickaitė. – Режим доступа : http://vddb.library.lt/fedora/get/LT-eLABa-0001:J.04~2009~ISSN_1648-8776.N_2_23.PG_36-43/DS.002.1.01.ARTIC. – 30.04.2017.
 5. Translation of Extralinguistic Culture-Bound Elements In Persian Movies Subtitled Into English [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.translationaldirectory.com/articles/article2110.php>. – 29.04.2017.
 6. Venuti L. Strategies of translation / Lawrence Venuti // Routledge encyclopedia of translation studies / ed. by Mona Baker. – London : Taylor & Francis Group, 2001. – P. 240-244.
 7. Zare-Bentash E. A Diachronic Study of Domestication and Foreignization Strategies of Culture-Specific Items: in English-Persian Translations of Six of Hemingway's Works / Esmail Zare-Bentash, Firoozkoobi Sepideh // World Applied Sciences Journal. – 2009. – No. 7(12). – P. 1576-1582.

АННОТАЦИЯ

Вострецова В. А., Богодушко Д. С. Применение стратегии доместикиции при переводе сериала «Everybody hates Chris» на русский язык

В данной статье рассматриваются случаи использования стратегии доместикиции в аудиовизуальном переводе. Статья раскрывает содержание понятия доместикиции. Авторы рассматривают примеры использования стратегий доместикиции для передачи реалий на основе диалогов из сериала «Everybody hates Chris» («Все ненавидят Криса»).

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, дублирование, доместикиция, реалии, субтитры, стратегии перевода, форенизация.

SUMMARY

Vostretsova V. A., Bogodushko D. S. Using domesticating strategy in translation of the series «Everybody hates Cris» into Russian

The article deals with the use of domestication strategy in audiovisual translation. It gives a detailed analysis of the concept of domestication. The authors provide examples of the strategies of domesticating realia on the basis of the dialogue from the series «Everybody Hates Chris».

Key words: audiovisual translation, dubbing, domestication, realia, subtitles, translation strategy, foreignization.

*Е.В. Емельянова
(г. Актобе, Казахстан)*

УДК 81.272

АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ КАЗАХСКОГО, РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (НА ПРИМЕРЕ Г. АКТОБЕ)

С целью получения целостной картины современного состояния функционирования русского, казахского и английского языков в Республике Казахстан (г. Актобе) нами было проведено специально разработанное анкетирование и интервью среди представителей разных национальностей и бизнес-структур.

Отметим, что вышеупомянутое анкетирование проводилось с целью выявления:

- значимости казахского, русского и английского языков в казахстанском социолингвистическом пространстве;
- наиболее распространенных сфер использования казахского, русского и английского языков в профессиональной коммуникации Казахстана;
- основных мотивов и целей изучения русского языка бизнес-специалистами и общественностью.

В целом, в исследовании приняли участие 525 казахстанских бизнес-специалистов, из которых 25 человек из шести разных компаний (две финансовые, одна производственная, три обслуживающие компании) были предварительно отобраны для проведения интервью. Относительно социальных характеристик респондентов, следует отметить, что в анкетировании участвовало 285 женщин и 240 мужчин в возрасте от 23 до 45 лет, а также студенты, школьники, учащиеся средних специальных учебных заведений.

Для проведения интервью были разработаны вопросы, состоящие из трех блоков: а) личные данные; б) сфера и случаи использования казахского, русского и английского языков на работе; в) основные мотивы изучения казахского, русского и английского языков в профессиональной коммуникации. Впоследствии, по результатам проведенного интервью был составлен подробный вопросник для решения дальнейших задач исследования.

Данная анкета включала следующие главные секции: а) биографические данные; б) место казахского, русского и английского языков в социолингвистическом пространстве Казахстана; в) сферы использования казахского, русского и английского языков в профессиональной деятельности; г) основные мотивы и цели изучения русского языка. Отметим, что вопросы относительно названия компаний, должности, названия отдела, типа и сферы деятельности компаний, общий трудовой стаж в данной компании и владение языками были также помещены в первую секцию вопросов о личных данных респондентов. Во втором блоке участникам опроса были заданы вопросы относительно места и роли казахского, русского и английского языков в контексте лингвистической ситуации Казахстана, в частности, им были заданы вопросы, к примеру, какой язык они используют в перечисленных ситуациях; какой язык в большей степени является языком бытового, делового общения, языком культуры, СМИ и т.д.; а также степень необходимости казахского, русского и английского языков в Казахстане (нет необходимости; необходимо, но не везде; необходимо; очень необходимо). В третьей категории вопросов респонденты должны были высказать свое мнение относительно мотивов владения казахским, русским и английским языками в рамках политики триединства языков, предполагающее обязательное знание каждым казахстанцем как минимум трех языков. Четвертый блок вопросов выявлял основные случаи использования казахского, русского и английского языка непосредственно на их работе с целью выяснения частоты их использования.

Для проведения исследования мы, прежде всего, попытались определить степень владения языками казахстанскими гражданами. Проведенный опрос показал, что большая часть респондентов являются полилингвами (казахский, русский, английский и другие языки) (67,3 %) или билингвами (казахский и русские языки / русский и английский языки) (34,5 %). Стоит отметить, что у большинства опрошиваемых уровень владения английским языком достаточно высок: 70,4 % респондентов отметили, что они свободно говорят, пишут, читают, думают на английском, 28,7 % опрошенных отметили, что говорят, пишут и читают на английском языке с некоторыми затруднениями. Более того, больше половины опрошенных (62,5 %) указали, что раньше сдавали международные тесты на знание английского языка, такие, как IELTS, TOEFL и др., средний результат которых составил 6,0 (IELTS) и 500 (TOEFL). Для многих международных компаний, предполагающих использование английского языка,

наличие таких сертификатов стало одним из необходимых документов, подтверждающих владение языком, при приеме на работу в казахстанские международные и национальные компании.

Данные проведенного анкетирования свидетельствуют о значимости казахского, русского и английского языков в социальной жизни казахстанцев. Результаты проведенного анкетирования среди респондентов следующие: использование государственного языка на государственной службе – 93 %, в сфере науки и образования – 90 %, наряду с этим в сфере обслуживания населения – 86 %. Однако, следует отметить, что по оценкам опрошенных, уровень востребованности казахского языка в частном бизнесе несколько ниже, чем в перечисленных выше сферах. В настоящий момент русский язык востребован в сфере науки и образования – 88 %, в банковской и финансовой сфере – 87 %, а также в частном бизнесе – 86 %. Для большей половины респондентов в различных сферах социальной жизни языком общения все еще остается русский язык, и среди иностранных языков все большую популярность приобретает английский язык. Использование казахского, русского и английского языков в других социальных сферах более подробно представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Случаи использования казахского, русского и английского языков

Случаи использования языков	Казахский	Русский	Английский
В школе (университете)	36,9	43,1	20,0
На работе	26,4	33,3	40,3
С друзьями	42,6	39,7	17,7
С соседями	44,4	55,6	0
В магазине	41,7	58,3	0
В транспорте	48,6	51,4	0
В банке	33,3	66,7	0
В госучреждениях	51,25	48,75	0,7
На рынке	32,0	65,3	0,7
При чтении газет и журналов	36,5	43,1	2,3
При чтении художественной литературы	25,6	58,9	1,5

При чтении научной литературы	18,1	68,1	3,8
При просмотре телевидения	31,5	49,9	8,6
При работе на компьютере	9,18	56,62	4,2

Степень необходимости русского языка в Казахстане относительно двух других функционирующих языков (казахского как государственного и английского как языка международного общения) 36,5 % определили как «высокую», 37,4 % респондентов ответили, что русский язык «необходим, но не везде», 24,3 % ответили – «необходим», и только два человека (1,7 %) заявили об отсутствии необходимости в русском языке.

Язык бытового общения в Казахстане

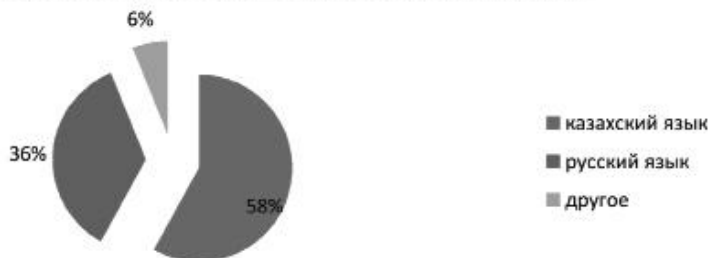

Рисунок 1. Сферы использования русского языка

По мнению большинства респондентов, русский язык для казахстанцев необходим для интеграции и поддержания связей в постсоветском пространстве, и, наряду с английским языком, для приобщения к мировому экономическому пространству. Более половины опрошиваемых полностью поддерживает политику

триединства языков не в ущерб другим функционирующим в стране языкам (2,25) и крайне отрицательно реагируют на утверждение о том, что знание языков для них не имеет никакого значения (5,26). Респонденты связывают русский язык со своим будущим в плане высокой степени информированности, большей возможности продвижения по карьерной лестнице (1,67), с приобретением более престижной и высокооплачиваемой работы.

Функционирование казахского, русского и английского языков в деловой коммуникации.

Анализ проведенного анкетирования показал следующие результаты относительно использования языков в профессиональной коммуникации Республики Казахстан: согласно ответам респондентов, казахский язык, главным образом, является языком государственных законодательных актов (98,6 %), работы государственных органов, организаций, силовых структур (95 %), законодательных актов (85 %) и официальных мероприятий (83 %) и др., русский язык выступает в качестве одного из языков ведения учетно-статистической, финансовой и технической документации (87,5 %), делового общения (85,6 %), негосударственных СМИ (79,1 %).

Кроме того, на вопрос, какие языки в Казахстане сегодня в большей степени являются языками бытового и делового общения, языками научной работы, теле/радиоинформации, культуры и искусства, английский язык наряду с другими языками был также отмечен большинством как язык делового общения в Казахстане (71,3 %). Некоторые респонденты уточнили, в каких именно сферах делового общения английский язык необходим больше всего:

«Знание английского языка, по моему мнению, больше всего востребовано в торговой сфере..., в нефтегазовой сфере, потому что именно здесь наиболее активно идет работа с иностранцами. Именно те работники, которые непосредственно работают с иностранными клиентами, управляют персоналом, разрабатывают программы, особенно нуждаются в хороших знаниях английского языка» (Алмас, менеджер АО НК «КазМунайГаз», 28 лет).

В связи с отсутствием официальных статистических данных особый интерес для настоящего исследования также представляет определение степени использования казахского, русского и английского языков в деловой документации в национальных, иностранных и совместных компаниях в Казахстане. Мы выяснили, что если государственные учреждения и организации ведут делопроизводство как на

казахском языке, так и на русском (11 %), то большинство частных компаний и фирм продолжает использовать в основном русский язык (19 %). В то же время иностранные компании и компании, в которых иностранцы выступают в качестве деловых партнеров, используют в своей коммуникации английский и русский языки (14,3 %). Как показали результаты интервью, к примеру, с резидентами других стран, договоры и контракты в основном оформляются на русском и английском языках, деловые переговоры проходят на английском языке. В крупных совместных компаниях, наряду с казахским и русским языками, английский язык выполняет роль языка делового общения.

Ряд вопросов был посвящен выявлению основных мотивов изучения русского языка и основных причин необходимости знания его на современном этапе развития Казахстана. Практически все респонденты отметили, что знание русского языка очень важно для них как для специалиста соответствующего профиля (94,8 %). Отметим несколько основных, по их мнению, причин изучения русского языка:

- дает новую информацию и способствует развитию кругозора (68,7 %);
- возможность карьерного роста (64,3 %);
- позволяет найти престижную работу (58,3 %);
- повышает престиж личности и формирует чувство уверенности в себе (53,0 %).

Кроме того, многие из респондентов отметили, что знание русского языка способствует их интеграции в мировое сообщество; открывает двери в международные компании; позволяет общаться с людьми из других стран; позволяет поделиться своими достижениями, обмениваться опытом:

«Речь, скорее всего, идет о языке как об инструменте интеграции в долгосрочной перспективе. В долгосрочной перспективе мы хотим интегрироваться в мировое общество, экономику, культуру. Знание русского языка нам в этом поможет – в том числе тем, что сделает нашу страну более доступной для иностранцев, а также сделает другие страны более доступными для среднестатистического казахстанца» (Мадина, Компания «Казахмыс ПЛС», 29 лет).

«Большинство научных статей в мире выпускаются на русском языке – это значит, что для повышения среднего уровня образования нам необходим выход в мировое интернет-пространство. Средний уровень образования сильно коррелирует с ВВП на душу населения и с долей среднего класса, так что и тут у нас бонус... Плюсов много, перечисленные мной лишь

верхушка айсберга» (Олжас, АО Национальный управляющий холдинг «КазАгро», 30 лет).

«У нас долгое время над казахским доминировал русский язык (и сейчас тоже), а сейчас вообще с введением триязычия в стране, казахский в своей же стране находится не на втором после русского, а на третьем после русского и английского» (Улжалгас, 24 года).

Какие языки наиболее часто используются при приеме на работу? Так, специалисты деловых компаний в большинстве случаев оформляют резюме на русском (95,4 %) языке, чуть реже на английском (64,3 %) и казахском (56,8 %) языках. Однако, сопроводительные письма составляются, как правило, на казахском (53,9 %) или русском (75,5 %) языках. Как было отмечено бизнес-специалистами, несмотря на то, что в целом собеседование с кандидатом проходит на русском языке (89,7 %), в то же самое время именно на данном этапе у бизнес-специалистов имеется возможность продемонстрировать свои языковые навыки на практике: на казахском языке (58,3 %) и на английском языке (63,9 %), что значительно уступает русскому языку.

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить:

Процесс глобализации, охвативший сегодня все сферы жизни во всем мире, не оставил в стороне и Казахстан. Более того, функционирование как минимум трех языков (казахского, русского и английского языков) в Республике Казахстан и, соответственно, различных национальных культур в любых сферах общения позволяет говорить о значительной доле функционирования русского языка в современном социолингвистическом пространстве страны.

Во многих отношениях русскоязычный деловой и бытовой дискурс продолжает сохранять свои позиции как с точки зрения многообразия жанров, так и масштаба коммуникативных функций. Функционирование казахского, русского и английского языков в казахстанском мультиэтническом сообществе, несомненно, требует более детального рассмотрения. Знание традиций и общего использования этих языков очень важно для понимания особенностей казахского, русского и английского языков и особенностей их функционирования в межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 2006. – 316 с.
2. Морковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М., 2007. – 286 с.

3. Недобух А.С. Вербальные сигналы мены коммуникативных ролей / А.С. Недобух // Языковое общение: процессы и единицы: Межвуз. сб. науч. тр. – М., 2011. – 218 с.
4. Сепир Э. Язык, раса, культура // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 2003. – 243 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – М.: Слово/ Slovo, 2000. – 387 с.

АННОТАЦИЯ

Емельянова Е. В. Анализ востребованности казахского, русского, английского языков в деловом общении на территории Республики Казахстан (на примере г. Актобе)

В статье автор приводит данные социологических опросов разных групп населения по определению статуса названных языков в процессе деловой коммуникации.

Ключевые слова: деловой дискурс, бизнес-структуры, мультиэтнические сообщества, респонденты, интеграция, резюме, сопроводительные письма, статистические данные.

SUMMARY

Emelyanova E. V. The analysis of the demand for Kazakh, Russian and English languages in business communication in the territory of the Republic of Kazakhstan (on the example of Aktobe city)

In the article the author gives data from sociological surveys of different population groups on the status of these languages in the process of business communication.

Key words: Business discourse, business structures, multiethnic communities, respondents, integration, summaries, cover letters, statistics.

*Н.А. Жихарева,
И.Ю. Гринева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СИНКРЕТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РЕЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИКОВ

Вопрос о влиянии синкретического речевого акта на поведение и восприятие человека вызывает интерес у лингвистов и служит материалом для новых открытий. В рамках разработки теории

речевых актов различными прагматическими школами считается, что синкретический речевой акт – это полииллокутивный речевой акт, или речевой акт, содержащий две или более иллокуций одновременно [1].

По мнению Н. А. Жихаревой, существуют следующие комбинации разных иллокутивных сил синкретических речевых актов:

- 1) экспрессив + директив;
- 2) директив + комиссив;
- 3) экспрессив + директив + комиссив [2].

В процессе анализа 100 текстов современного англоязычного политического дискурса (политических речей Дэвида Кэмерона, Гордона Брауна, Дональда Трампа и Хиллари Клинтон) нами были выделены следующие типы речевых актов (далее – РА): прямой речевой акт (ПРА), косвенный речевой акт (КРА), синкретический речевой акт (СРА). Следует отметить, что СРА употребляется реже, чем остальные, а именно у Дэвида Кэмерона – 6,2 %, Гордона Брауна – 15 %, Дональда Трампа – 5,8 %, Хиллари Клинтон – 9,3 %.

Чтобы разобраться в особенностях употребления СРА, рассмотрим анализируемые тексты британских и американских политиков попарно (Дэвид Кэмерон – Гордон Браун; Дональд Трамп – Хиллари Клинтон).

Анализируя британский политический дискурс, рассмотрим сначала СРА в рамках политических выступлений Дэвида Кэмерона.

Наибольшее количество СРА наблюдается в политическом дискурсе «Cameron's Resignation Speech». Данная речь направлена на сообщение о результатах референдума и о решении Дэвида Кэмерона оставить пост Премьер-министра в связи с поддержкой оппозиционной точки зрения (Дэвид Кэмерон выступил против выхода Великобритании из состава ЕС). В связи с этим, речь политика наполнена СРА, которые дают и личную оценку происходящего, и призыв к действию, и определенные обещания политика одновременно:

But the British people have made a very clear decision to take a different path and as such I think the country requires fresh leadership to take it in this direction [9]. Эксплицитная перформативная формула (далее – ЭПФ): I accept the decision of the people + Let's have another leader who finds this decision right;

I will do everything I can as Prime Minister to steady the ship over the coming weeks and months but I do not think it would be right for me to try to be the captain that steers our country to its next destination [9]. ЭПФ: It's not right to rule the country when

you do not agree with the decision of people + Let's have another leader + I will work hard during my last days as Prime Minister.

Наименьшее количество СРА наблюдается в политической речи «Transforming the British Economy: Coalition Strategy for Economic Growth». Главной причиной использования малого количества СРА стала тематика речи и ее целевая направленность. Такая политическая речь предполагает, прежде всего, описание общей экономической ситуации, демонстрацию возможных выходов из сложностей и призыв к приложению общих усилий. Таким образом, в данной речи мы наблюдаем СРА, направленные на призыв к совместной борьбе с экономической ситуацией и одновременно на раскрытие содержания обещания определенных действий, то есть СРА подвида «директив + комиссив»:

And for Britain, the prize of turning our economy around is this: well-paid jobs, rising living standards, the sense that each year we are providing more for our families and moving forward as a country [10]. ЭПФ: Let's improve our economy together + I promise to provide well-paid jobs, rising living standards, the sense that each year we are providing more for our families and moving forward as a country.

Следует отметить, что во многих политических выступлениях Дэвид Кэмерон использует всего лишь один подвид СРА: «экспрессив + директив», «директив + комиссив» или «экспрессив + директив + комиссив».

Политик использует СРА, а именно «экспрессив + директив» в 45,1 % в среднем. Данный РА ярко отражает личное отношение субъекта к определенному предмету и косвенным образом предлагает совместное сотрудничество или обычное выполнение своих обязательств. Таким образом, данный СРА ненавязчиво формирует отношение адресата к определенному предмету и способствует появлению мотивации к действию:

Quite simply, we have been encouraging working-age people to have children and not work, when we should be enabling working-age people to work and have children [8]. ЭПФ: I don't think it is right to support working-age people to have children and not to work + Let's support working people to work and to have children.

Оратор использует СРА подвида «директив + комиссив» в 10,7 % высказываний в среднем. С одной стороны, данный РА способствует призыву к действию, с другой – выражает некое обещание адресата. На практике это способствует ненавязчивому вовлечению в деятельность путем раскрытия обещания выполнить те или иные действия:

For every single one of those new-born babies let us pledge today that we will build something better ... a land of opportunity [7].

ЭПФ: Support me in the election + I will help you to build a land of opportunity for everyone.

В политических дискурсах Дэвида Кэмерона СРА подвида «экспрессив + директив + комиссив» используется в 15,7 % в среднем. Это говорит о том, что политик использует в своей речи РА, которые содержат три иллокутивные силы, что делает его речь более содержательной при экономии языковых ресурсов. Как мы помним, данный СРА выражает одновременно личную оценку говорящего, призыв к действию и его обещание. Таким образом, можно считать, что данный СРА наиболее сильно влияет на мнение адресата, а именно стимулирует его мотивацию к действию путем ненавязчивого внедрения своего мировоззрения и выражения обещания выполнить какое-либо действие в свою очередь:

And I am proud to announce today that if we win the election he will be responsible in government for bringing together all our work to help mend the broken society [7]. ЭПФ: I am proud of it + Vote for us + He will be responsible in government for bringing together all our work in order to help to mend the broken society.

Что касается политических дискурсов Гордона Брауна, то наибольшее количество СРА, а именно 31,3 %, мы встречаем в политической речи «Chancellor's Speech». Главной особенностью данной речи является использование всех подвидов СРА, а значит, адресант старался сделать свою речь не просто содержательной, но и максимально влиятельной в отношении формирования точки зрения и будущих поступков адресатов:

– «экспрессив + директив»:

Let us be clear: the only Britain that can genuinely be considered fair for all is a Britain where we have once and for all lifted the shame of child poverty from future generations [3]. ЭПФ: Let's realize that we have once and for all lifted the shame of child poverty from future generations + I consider it fair for all;

– «директив + комиссив»:

With a Labour Government economic progress and social justice can advance together [3]. ЭПФ: Let's have a Labour Government + I promise that economic progress and social justice will advance together;

– «экспрессив + директив + комиссив»:

For today in Britain in 2003 too many of our citizens are still denied work, too many are low paid in their work, too many face poverty in retirement and our promise must be that for them too there will be social justice [3]. ЭПФ: I regret that in Britain in 2003 too many of our citizens are still denied work, too many are low paid in their work, too many face poverty in retirement + Let's promise them + We will provide them with social justice.

Наименьшее количество СРА, а именно 4,6 %, мы наблюдаем в речи «Farewell Speech». Более того, в данной речи используется всего один подвид СРА, а именно «экспрессив + директив»:

I wish the next prime minister well as he makes the important choices for the future [4]. ЭПФ: I respect the next prime minister + Let him make the important choices for the future.

Данное явление объясняется отсутствием необходимости использования СРА, так как данный политический дискурс носит прощальный характер и не несет в себе агитационной иллюции.

Только одна политическая речь содержит единственный подвид СРА, а именно «Farewell Speech», которую мы рассмотрели выше и которая содержит наибольшее количество СРА подвида «экспрессив + директив», в то время как другие содержат 2-3 подвида СРА. В среднем адресант использует указанный подвид СРА в 97,6 % от всех подвидов СРА.

Что касается СРА подвида «директив + комиссив», то политик использует его в среднем в 14,1 % от всех подвидов СРА. Так, наибольшее количество данного подвида, а именно 44,4 %, мы наблюдаем в политическом выступлении «Chancellor's Speech». В некоторых случаях данный подвид выражает одновременно просьбу и обещание:

So let me say honestly to the party and the country that in meeting the long term challenges ahead we must and will take no risks with the long term policies for stability and prudence I have and I will set out [5]. ЭПФ: Let's take no risks in meeting the long term challenges ahead + I promise to set out the long term policies for stability and prudence;

в других – предложение-совет и обещание:

Have confidence united in our values we will build the progressive consensus of prosperity and justice for all [5]. ЭПФ: Let's have confidence united in our values + We will build the progressive consensus of prosperity and justice for all.

Следующий подвид СРА, который мы рассмотрим, будет «экспрессив + директив + комиссив». В среднем адресант употребляет его в речи в 26,1 % от всех подвидов СРА. Наибольшее количество данного подвида, а именно 50 %, находится в политическом дискурсе «Speech at the New Deal Conference», оказывая косвенное влияние на точку зрения адресата, подталкивая его к действию и, в то же время, актуализируя свое обещание:

And ensure that the economy can sustain higher growth with low inflation for longer, bringing higher living standards for all [6]. ЭПФ: I am proud of our economy that can sustain higher growth with low

inflation for longer + Be sure of it + I promise that it will bring higher living standards for all.

Кроме того, следует отметить, что Гордон Браун часто не использует отдельные подвиды СРА.

Рассмотрев использование СРА у британской пары политиков, мы пришли к следующему выводу, что оба политика используют СРА в меньшей степени, чем другие типы РА. Более того, оба политика отдают предпочтение СРА подвида «экспрессив + директив» (Дэвид Кэмерон – 45,1 %, Гордон Браун – 15 %). Несмотря на то, что средний процент у Дэвида Кэмерона больше, что обусловлено отсутствием других видов СРА, в данном случае политические речи Гордона Брауна более эффективны. Синтаксическое строение РА Гордона Брауна способствует наличию нескольких интенций одновременно.

Анализируя американский политический дискурс, обратимся к выступлениям Дональда Трампа.

Наибольший процент употребления СРА, а именно 16 %, мы наблюдаем в политической речи «Accepting of Nomination at GOP Convention». Данное выступление очень содержательно и охватывает рассмотрение всех аспектов жизни американского народа. Кроме того, данная речь содержит ярко выраженную интенцию агитации, которая проявляется в СРА подвида «директив + комиссив»:

Many have witnessed this violence personally, some have even been its victims I have a message for all of you: the crime and violence that today afflicts our nation will soon come to an end [16]. ЭПФ: People, who witnessed violence personally or have been its victims, listen to me + I will stop the crime and violence that today afflicts our nation.

Предоставляется адресатам также право на выбор между политическими силами, однако, при этом присутствует оценка самого адресанта в виде СРА подвида «экспрессив + директив»:

So if you want to hear the corporate spin, the carefully-crafted lies, and the media Myths the Democrats are holding their convention next week [16]. ЭПФ: The Democrats say carefully-crafted lies and the media Myths + If you like it, go there.

Сравнение своего плана действий в качестве Президента США и оппонента в виде СРА подвида «экспрессив + директив»:

My plan is the exact opposite of the radical and dangerous immigration policy of Hillary Clinton [16]. ЭПФ: The plan of Hillary Clinton contains the radical and dangerous immigration policy whereas mine is opposite + Vote for me.

Дональд Трамп часто в своих политических речах использует всего один подвид СРА.

Есть также и политическая речь, в которой отсутствуют все подвиды СРА одновременно, а именно «Speech at the Al Smith Dinner». Это объясняется тем, что данная речь несет светский характер и не имеет агитационной цели. В связи с этим, отсутствие таких видов РА считаем оправданным, так как более востребованными в подобной ситуации являются ПРА.

Рассмотрим использование каждого подвида СРА. Дональд Трамп использовал СРА подвида «экспрессив + директив» в 36,5 % случаев в среднем. Данный политик использует этот подвид СРА для формирования мнения, подобного его собственному, путем косвенного выражения своего отношения и для выражения косвенного призыва к определенному действию:

So we need people that are smart, we need people that are successful and they got successful because generally speaking, they're smart [18]. ЭПФ: I find it necessary to succeed + Let's call smart and successful people.

СРА подвида «директив + комиссив» были использованы в 44 % в среднем от всех подвидов СРА. Дональд Трамп в своих политических речах использовал данный СРА для решения агитационных целей:

And if I'm elected president, that will not change, I will tell you, that will not change over the next four years [19]. ЭПФ: Vote for me + I promise to keep it unchanged for the next four years.

СРА подвида «экспрессив + директив + комиссив» используется в политических речах Дональда Трампа в 15,5 % в среднем от общего количества всех подвидов СРА. Такой речевой акт содержит в себе сразу три иллокутивные силы, которые способны косвенно повлиять на мнение адресата, дать мотивацию к действию и выразить обещание по поводу дальнейшей деятельности. Такой подвид СРА можно считать по праву самым содержательным:

When you win it's beautiful and we're going to start – we are going to start winning for our country [17]. ЭПФ: It's beautiful to win + Let's start to win + I promise that we will win for our country.

Рассмотрим политические выступления Хиллари Клинтон на предмет содержания СРА.

Наибольшее количество СРА, а именно 23 %, было использовано в политической речи «Statement on the 51st Anniversary of the Voting Rights Act». Здесь представлен только один подвид СРА – «директив + экспрессив»:

Make no mistake, new voter restriction laws in seventeen states have replaced poll taxes and literacy tests as a thinly veiled attempt to achieve an old objective: disenfranchising African Americans, Latinos, low-income people, young people, and people with disabilities [15].

ЭПФ: I resent new voter restriction laws in seventeen states that have replaced poll taxes and literacy tests as a thinly veiled attempt to achieve an old objective: disenfranchising African Americans, Latinos, low-income people, young people, and people with disabilities + Let's make no mistake.

Меньше всего CPA мы наблюдаем в политическом дискурсе «Remarks at a rally on Tuesday in New York City», где они составляют 2 % от общего количества PA. В этой речи представлены также CPA подвида «экспрессив + директив»:

Lady Liberty's presence and the towers' absence are a constant reminder that here in America we are resilient, we are courageous, we embrace all of our people, and that, when we face our challenges together, there is no barrier we can't overcome, no dream we can't realize, nothing we can't do if we just start acting like Americans again [11]. ЭПФ: I admire Lady Liberty's presence and the towers' absence that are a constant reminder that here in America we are resilient, courageous, embrace all of our people + Let's face our challenges together, overcome every barrier, realize our dreams, start acting like Americans again.

Одной из особенностей является использование всего одного подвида CPA в политических дискурсах Хиллари Клинтон.

Наименьшее количество CPA подвида «экспрессив + директив», а именно 61,9 %, находится в политическом выступлении Хиллари Клинтон «Address to the Ministerial Conference on Internet Freedom»:

It belongs to all of us: first, because we all have a responsibility to support human rights and fundamental freedoms everywhere [11]. ЭПФ: It belongs to all of us + Let's support human rights and fundamental freedoms everywhere.

Наибольшее количество CPA подвида «директив + комиссив», а именно 33,3 %, находится в политической речи Хиллари Клинтон «On the 9/11 Death of American Personnel in Benghazi, Libya»:

There will be more time later to reflect, but today, we have work to do [12]. ЭПФ: Let's do our work + Then we will have time to reflect.

Наибольшее количество CPA подвида «экспрессив + директив + комиссив», а именно 55,6 %, использованы при выступлении Хиллари Клинтон «Press Conference on Wikileaks Release on Confidential Documents»:

I would also add that to the American people and to our friends and partners, I want you to know that we are taking aggressive steps to hold responsible those who stole this information [14]. ЭПФ: I resent stealing this information + Let me inform you, American people, friends and partners about our current actions to hold responsible those

who stole this information + I promise to continue taking aggressive steps to hold responsible those who stole this information.

Рассмотрев политические выступления американской пары политиков на предмет наличия в них СРА, мы пришли к следующим выводам: оба политика используют данный РА меньше всего. Кроме того, часто их речи содержат всего один подвид СРА. В результате, средний процент использования СРА составляет 5,8 % у Дональда Трампа и 9,3 % у Хиллари Клинтон. Что касается преимуществ одного из подвидов СРА, то у Дональда Трампа – это СРА подвида «директив + комиссив», а у Хиллари Клинтон – СРА «экспрессив + директив + комиссив». На основе этого, мы считаем, что политические речи Хиллари Клинтон наиболее эффективны по воздействию на аудиторию, подготовленную к декодированию сложных прагматических образований, в то время, как речи Дональда Трампа, более прозрачные по своей прагматике, рассчитаны на широкие и разнородные по своему составу группы адресатов.

Подводя итог, сопоставим также и политические дискурсы четырех политиков. Общими чертами являются наименьший процент использования СРА по сравнению с другими видами РА. Главными отличиями является то, что у политиков различные предпочтения подвидов СРА (Дэвид Кэмерон – «экспрессив + директив», Гордон Браун – «экспрессив + директив», Дональд Трамп – «директив + комиссив», Хиллари Клинтон – «экспрессив + директив + комиссив»). Кроме того, трое из четырех политиков часто используют всего лишь один подвид в одном политическом выступлении (Дэвид Кэмерон, Дональд Трамп, Хиллари Клинтон). В связи с этим, мы считаем, что, базируясь на этом признаке, более разноплановые политические выступления Гордона Брауна являются наиболее эффективными для оказания влияния на разнородные по своему составу аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габідулліна А. Р. Основи теорії мовленнєвої комунікації: навч. посіб. для вузів / А. Р. Габідулліна, М. В. Жарикова. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. – Горлівка : Вид-во ГДПІМ, 2005. – 282 с.
2. Жихарева Н. А. Про деякі проблеми експлікації непрямої ілюкції мовленнєвого акту (на матеріалі англійської та української мов XIX–XX століть) / Н. А. Жихарева // Вісник Запорізького державного університету. Серія «Філологічні науки». – Запоріжжя : Запорізький державний університет, 2003. – № 2. – С. 64-73.

3. Brown G. Chancellor's Speech (Bournemouth, 2003) / G. Brown // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=274>
4. Brown G. Farewell Speech (London, 2010) / G. Brown // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=218>
5. Brown G. Foreign Policy Speech (Wisconsin, April 27, 2016) / G. Brown // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=220>
6. Brown G. Speech at the New Deal Conference (London, 2000) / G. Brown // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=308>
7. Cameron D. Leader's Speech (Manchester, 2013) / D. Cameron // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=354>
8. Cameron D. Speech at the University of Nottingham (Malaysia, 2012) / D. Cameron // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=330>
9. Cameron D. Cameron's Resignation Speech (London, June 24, 2016) / D. Cameron // Mirror [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/david-camersons-resignation-speech-full-8271809>
10. Cameron D. «Transforming the British Economy: Coalition Strategy for Economic Growth» (Shipley, 2010) / D. Cameron // British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm?speech=351>
11. Clinton H. Address to the Ministerial Conference on Internet Freedom (the Hague, December 8, 2011) / H. Clinton // American Rhetoric [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/hillaryclintoninternetfreedomconference.html>
12. Clinton H. On the 9/11 Death of American Personnel in Benghazi, Libya (Washington, September 12, 2012) / H. Clinton // American Rhetoric [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/hillaryclintonbenghazilibyatragedy.html>
13. Clinton H. Remarks at a Rally on Tuesday in New York (New York, June 4, 2008) / H. Clinton // The Telegraph [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/>

- worldnews/democrats/2073000/Hillary-Clintons-speech-Full-text.html
14. Clinton H. Press Conference on Wikileaks Release on Confidential Documents (Washington, November 29, 2010) / H. Clinton // American Rhetoric [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/hillaryclintonwikileakspressspeech.html>
 15. Clinton H. Statement on the 51st Anniversary of the Voting Rights Act (Washington, August 6, 2016) / H. Clinton // Hillary Clinton Speeches [Электронный ресурс]. – Режим доступа: hillaryspeeches.com/2016/08/06hillary-clinton-statement-on-the-51st-anniversary-of-the-voting-rights-act/
 16. Trump D. Accepting of Nomination at GOP Convention (Cleveland, July 21, 2016) / D. Trump // The Hill [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://thehill.com/blogs/pundits-blog/presidential-campaign/288830-full-speech-donald-trump-accepts-nomination-at>
 17. Trump D. After Losing the Iowa caucuses (Iowa, February 1, 2016) / D. Trump // Vox [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vox.com/2016/2/1/10892610/donald-trump-iowa>
 18. Trump D. Holding a News Conference (New York, January 11, 2017) / D. Trump // BBC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38536671>
 19. Trump D. Second Amendment Speech (Wilmington, August 9, 2016) / D. Trump // The Time [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://time.com/4445813/donald-trump-second-amendment-speech/>

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Гринева И. Ю. Особенности употребления синкретических речевых актов в речи англоязычных политиков

Данная статья направлена на изучение особенностей употребления синкретических речевых актов в речи англоязычных политиков. Комплексный анализ 50 британских и 50 американских современных политических дискурсов помог выявить частотность использования синкретического вида речевого акта, его подвидов и характера его влияния на адресата. Результатом данного исследования стало определение стратегически эффективных современных англоязычных политических дискурсов.

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, речевой акт, прямой речевой акт, косвенный речевой акт, синкретический речевой акт.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Grineva I. U. Peculiarities of using syncretic speech acts in the speech of English politicians

The research is devoted to the study of peculiarities of using syncretic speech acts in the speech of English politicians. A comprehensive analysis of 50 British and 50 American modern political discourses helped to highlight frequency of occurrence of the syncretic speech act, its subtypes and character of its influence upon the addressee. The research results in the definition of strategically effective modern English political discourses.

Key words: discourse, political discourse, speech act, direct speech act, indirect speech act, syncretic speech act.

*Н.А. Жихарева,
О.Н. Селищева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'371(=111)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ КОСВЕННЫХ АККУЗАТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ

Категория «контекст» и ее влияние на дискурсивные акты является широко исследуемой. Изучение лингвистического контекста обусловлено многообразием его оформления в текстах. Для детального анализа влияния лингвистического контекста на использование косвенных аккузативов в речах персонажей в современной англоязычной драме было проанализировано 5 британских и 5 американских современных драм.

В данной статье мы предлагаем к рассмотрению основные способы оформления лингвистического контекста, влияющие на правильную интерпретацию аккузативов – конфликтогенных инициальных или реактивных речевых блоков, телеология которых направлена на ликоповреждение собеседника – обвинение его в нарушении чего-либо (морали, традиций, норм), приписывание ему какой-либо провинности, осуждение его поступков, оцениваемых как неправомерные [1, с. 112].

Прежде всего, следует отметить использование различных групп частиц (22,5% в британских и 53,75% в американских драмах), которые служат для эмфатического и смыслового выделения конкретного слова и всего высказывания в целом. Рассмотрим влияние частиц на примере выделительно-ограничительной частицы *so*:

а) британская драма (6,25%)

MAURICE (CON'T) Has thou a body, oh beautiful Goddess!

[She applauds him as he climbs to his feet].

*DORIS Oh, you're **so mad**, you are, Maurice [10, с. 2];*

б) американская драма (10%)

PHIL Thank you. But I suck at being dumped.

*JOSH **So do I.***

PHIL I'll say! [To KATIE] He thought making me an online stalker profile would help!

JOSH I never called it that [5, с. 79].

Наряду с частицами на экспрессивность аккумулятива оказывают влияние наречия (28,75% в британской и 35% в американской драме), которые усиливают значение тех слов и выражений, которые следуют за ними. Наречие снабжает нас дополнительной информацией о действии, предмете или качестве предмета. Одним из наиболее частотных является наречие **too**:

а) британская драма (5%)

CORY Sorry, I must've misread the situation.

CAITLIN Yeah, you did. I just want to chill out.

CORY Okay. [A beat].

CORY (CONT'D) I didn't mean to be forward like that. I just, I thought.

CAITLIN You think too much Cory, you know this. We all know this [9, с. 12];

б) американская драма (7,5%)

HERMAN O.K. You win! We'll go. [Herman and the Wiz grab heir things and get up].

WOMAN It's too late. [Gesturing to the doors of the palace] Get your ass in there! Now! [Herman and Wiz begin to exit, followed by the man and woman with the gun. Lights dim] [7, с. 14].

Далее, определенное влияние также оказывают усилительные прилагательные (1,25% в британских и 1,25% в американских драмах), которые вступают во взаимосвязь с различными частями речи, делая их ярче и богаче. Кроме того, прилагательные выражают функцию определения характеристик предметов, например:

– **Such**, например:

а) британская драма (1,25%)

HORACE I don't want to disparage you, Maurice, but to me it looks like the work of a ten year old.

*MAURICE Now I know you are just being stupid. **It is not possible to say such a thing.***

HORACE Well it's definitely her, I'll give you that. I can tell by the ear lobe, it's missing.

MAURICE I know that [10, с. 46];

б) американская драма (1,25%)

HERMAN Just answer the question. You like it tasty, or bland?

WIZ Tasty. Why?

HERMAN Well there's your problem.

WIZ What?

HERMAN You probably put too much salt and such on your food. Bad for the taste buds. Shrinks them down like a slug.

WIZ Nah! [7, с. 5].

Также, усиливающий эффект на контекст оказывают местоимения (3,75% в британской и 6,25% в американской драме). Местоимения заменяют собой существительное и подчеркивают важность прямого обращения к определенному лицу. Наибольший интерес представляет использование личного местоимения **you**, например:

а) британская драма (1,25%)

MEAGHAN Welcome. Come in. Come in.

CORY This is my apartment!

LAURANT Hey, don't talk to her like that.

CORY I'll talk however way I want. It's my apartment. You two are renting the room in MY apartment.

LAURANT Cory, I'm not kidding. Yell at my girlfriend again and I'll beat the shit out of you. Say sorry.

CORY Just break out some lines.

LAURANT Say sorry [9, с. 6];

б) американская драма (3,75%)

KATIE You two made fast friends.

JOSH Yeah, we have something in common.

KATIE Mm, I'll bet.

JOSH We're both dumped.

KATIE Ah. Sure. Yeah, it's been kind of a mess around here since Megan cut him loose [5, с. 39].

Следующим немаловажным пунктом, влияющим на контекст, а именно на использование аккузатива, является сослагательное наклонение, при котором действие рассматривается не как реальный факт, а как предположение или пожелание, например:

а) британская драма (6,25%)

NATHAN: Come on, man, you've got let this Charlotte thing go. I mean, do you know what it would do to your reputation if you let it slip that you were in love with Charlotte?

CHESTER: Well, it's better than when people thought he was in love with my mother.

BARNEY: Hey! That was innocent! I told her I liked her chocolate chip cookies – and it just got out of control from there!

NATHAN: Yeah, well, trust me, you don't want this spreading around [2, с. 11];

б) американская драма (23,75%)

BLAINE [Facing the bar] Nikki... NIKKI! I need you to get off the bar and hand me your Molotov Cocktail.

NIKKI Okay, but if that fucker comes back I'm gonna light his ass up.

BLAINE It's wine, Nikki, it's not flammable.

NIKKI Dammit.

[NIKKI hands BLAINE the bottle and climbs down] [4, с. 5].

Отдельно следует отметить употребление модальных глаголов (28,75% в британской и 49,95% в американской драме), которые показывают отношение говорящего к тому или иному действию, предмету, лицу. Влияние модальных глаголов рассмотрим на примере модального глагола **should**, например:

а) британская драма (3,75%)

SEAN KEENAN: No, I'm sorry, but I've got something really important to do.

LIAM KEENAN: What could be more important than your own brother? **Someone should teach you a lesson or two about family loyalty.**

SEAN KEENAN: This is something I've got to do, Uncle Liam I must go now, or it'll be too late [6, с. 23];

б) американская драма (1,25%)

HERMAN Jesus! What the hell is that! Put that away!

WIZ What?

[Herman grabs the Hula girl, shuts it off and shoves it in the bag].

HERMAN What's wrong with you? Didn't I just tell you?

WIZ What? I bought the stuff at the Hawaiian Mart! **They should be happy!** [7, с. 10].

На аккузативы также оказывает влияние такое языковое явление, как очуждение (5% в британских и 1,25% в американских драмах), которое позволяет отстраниться от предлагаемых обстоятельств и высказать свою точку зрения косвенно, не указывая на конкретное лицо. В британской драме наблюдается использование местоимения **we** вместо **you** (3,75%), например:

MRS. HONEYWELL: So you still think you're a cow, huh? [Phoebe nods] Alright, then. Nathan? Where is your homework?

NATHAN: Homework's for losers! [the entire class GASPS in horror]

MRS. HONEYWELL: Nathan! **We don't use that word!**

NATHAN: Okay. Homework's for stupid stupid-heads, then! [they gasp again] [2, с. 3].

В американской драме наблюдается использование **you** вместо **we** (1,25%), например:

WIZ *Yeah. Now I'm throwing it away because it's full of squid.*

HERMAN True. *But at least you're making an informed decision. It's very important. **Especially when you're in a foreign place...you have to stay one step ahead.** Know the history, the culture...* [7, с. 9].

Довольно широко в британских драмах используются клише (10% в британских и 18,75% в американских драмах). Употребление клише вызвано необходимостью обеспечения непрерывности протекания речевого акта и максимальной комфортности ситуации общения. Рассмотрим их использование на примере клише «**Are you sure?**», например:

а) британская драма (1,25%)

DORIS *Then kiss me again and I'll believe you.*

MAURICE **Are you sure we should be doing this, Doris?** *You're a married woman after all* [10, с. 14];

б) американская драма (1,25%)

RANDI-PANTZ **Are you sure this is where he'll be?** *How do you know? You didn't even ask him.*

DICK *Carlo told me he always hangs out at these jazz clubs on the weekend. I'm pretty sure he'll show up. [Dick suddenly freezes]. I think I see him. Can you see anyone coming this way?* [8, с. 40].

Отдельным немаловажным фактором является употребление капитализации, которая также выражает обвинение, упрек и возмущение. Например:

а) британская драма (11,25%)

HORACE **THEN WHY DON'T YOU JUST GO AND FUCK HIM THEN.**

DORIS **HOW DO YOU KNOW I ALREADY HAVEN'T?**

[She lobs her glass at him but it misses and hits the wall].

HORACE **I BET HE'S HAD YOU IN EVERY POSITION KNOWN TO MAN!**

DORIS **HOW FUCKIN' DARE YOU INSULT ME! I'M S'POSED TO BE YOUR WIFE, YOU FAT PIG!** [10, с. 30];

б) американская драма (27,5%)

WIZ *The white man?*

LILY *That's right! **THE WHITE MAN!** The Japanese! The Chinese! **EVERYONE** but the Hawaiians! And you know what? This fucking piece of shit tells me that not one of you foreigners gives a damn about who or what you have to sell to get what you want!* [7, с. 17-18].

Кроме того, для выражения косвенного аккузатива используется апозиопезис, который указывает на недосказанность. Например:

а) британская драма (2,5%)

CHESTER: *Ooh! Mrs. Honeywell and Mr. Wallace, sitting in a tree, K-I-S-um - K-I-S...* [struggles to spell the word] **KISSING!**

MRS. HONEYWELL: *Chester! That's enough. Now, class, there are arts and crafts supplies in the back of the classroom. If you need any help, just let me know!* [2, с. 21];

б) американская драма (27,5%)

DICK (cont'd) *the one hand, he doesn't want us talking to any of his people but when something goes wrong, who do you think gets blamed? That's right, Ace, we do!* [muttering] *Reminds me of my father, that old....* [lowering his voice] *told Hector... Yeah, that's right, I told Hector he'd better get those guys in shape or we'd lose the account and....* [8, с. 3].

Конвенционализированные предложения нарушают традиционный инвертированный порядок слов в вопросительном предложении, в таком случае они способствуют передачи эмоций и чувств героев драм. Например:

а) британские драмы (15%)

TOM KEENAN: *A letter arrived for you this morning from Dublin University. Congratulations you've been offered a place, Mary.*

MARY KEENAN: **You opened my letter? You opened my letter without permission and read it?** *How could you, Dad? You have no respect for my privacy at all, have you, Dad?* [6, с. 19];

б) американские драмы (27,5%)

LILY [angry] *Did you lock all the gates? What do you mean, you think so? What the hell is wrong with you? You send some bodies to the East gate right now before I come down there and...what? Wha—what? I can't understand what you're—wait...are you eating?...* [7, с. 15].

Далее, немаловажным фактором является использование риторических вопросов, которые привлекают внимание адресата и выражают эмоцию, например:

а) британская драма (2,5%)

MONIQUE OK. *Ring me when you are close.*

HORACE *I will.* [pause] *Are you going to pick me up, or shall I jump in a cab?*

MONIQUE **Are you crazy!** *What do you think? I will be there, waiting* [10, с. 15];

б) американские драмы (5%)

VLYNN. *I just wanted to shake the young man up enough to the point where he'd get scared and get out. I wasn't trying to hurt him. But in an instant, though, we were approaching a cliff and I knew I wouldn't be able to slow down in time. I got out in time before the car went down.*

PERNEY. *Vlynn how could you...the injustice and crime of your actions...and to a kid... HOW COULD YOU!* [3, с. 7].

Разделительные вопросы в данном случае играют значительную роль, т. к. посредством их использования выражается психоэмоциональное состояние героев. Например:

а) британская драма (2,5%)

KIMBERLY: *Hey! I am so going to get bazillions of valentines this year. Way more than you are!*

BARNEY: *You are not!*

KIMBERLY: *I am too!*

BARNEY: *You am not!*

KIMBERLY: *I are too!*

MRS. HONEYWELL: *Children! Calm down, please. We wouldn't want to spoil this lovely morning, now would we?* [2, с. 21-22];

б) американская драма (5%)

PHIL *Let's finish my profile before my buzz wears off, come on, open your computer!*

JOSH *Your buzz isn't going to wear off until sometime tomorrow. You're not too drunk for this, are you?* [5, с. 56].

Антитеза, в данном случае, помогает показать контраст как в психо-эмоциональном состоянии, так и в характере и манере поведения героев. Например:

а) британская драма (3,75%)

MARY KEENAN: *I knew he had a horse.*

TOM KEENAN: *Shut up, I wasn't talking to you!*

MARY KEENAN: *[SHOUTING] No, you shut up! Sean got up at dawn every day to take care of that pony. The poor animal may not have had anywhere better than the park to live in, but Sean made sure he never wanted for anything. Nobody could have taken better care of him. ...* [6, с. 38-39];

б) американская драма (17,5%)

BLAINE *You don't have anything, and you don't love anything. You're fucked. I don't know what I'm going to do. Everything's been a waste, I gotta start over, but I don't even know what I like.*

BIG MATT *One other thing besides what in Tarnation. They have a gun. What if they shoot me with it?* [4, с. 42].

Для выражения косвенных аккузативов примечательно использование как грамматического, так и стилистического сравнения (17,5% в британской драме, 22,5% в американской драме), с помощью которого устанавливается сходство или различие между предметами или людьми. Наиболее частотным является сравнение при помощи *like*, например:

а) британская драма (11,25%)

BARNEY: I – [looks to NATHAN and CHESTER for approval, who nod back] Well, I really, really, really hate you, that's all. I just hate the sight of you.

CHARLOTTE: ...But I –

BARNEY: Shh. [dramatically puts a finger over her lips] Say nothing. Just know that I hate you. And that your dress is ugly, **your hair looks like you got attacked by wild geese on the way to school, and your breath smells like peanut butter** [2, с. 12] – стилистическое сравнение;

б) американская драма (21,25%)

FREDDY So what do we do? [Herman thinks for a beat].

HERMAN First, you have to have your demands ready. **Because when they come to get you, you can't be the one to look like you don't know what you're doing** [7, с. 24] – стилистическое сравнение.

Также, следует обратить внимание на использование повелительного наклонения, способствующего выражению упрека, обвинения и придающего высказыванию некоторую иронию. Например:

а) британская драма (2,5%)

DORIS You turned it down! You turned it down! You big nincompoop!

HORACE That's right, Doris. **Start insulting me, go on.**

DORIS I'm only asking you why you turned it down for god-sake! [10, с. 18];

б) американская драма (11,25%)

JOSH I'm going to put no preference hoping that you do get a Muslim, so she can educate your ignorant ass. Her relationship status? ...**PHIL! Wake up! Relationship status!**

PHIL Just, you know. Looking around, like me or whatever [5, с. 67].

Из вышеизложенного мы видим, что существует множество способов выразить косвенные аккузативы при помощи элементов лингвистического контекста. Однако при всем многообразии лингвистических средств, которые способствуют интерпретации дискурсивного акта как аккузатива, однозначная трактовка дискурсивного акта не обходится без создания экстралингвистического контекста посредством авторских ремарок, что и является предметом для дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология / А. Н. Приходько // Когниция, коммуникация, дискурс. – 2010. – № 1. – С. 101-122.

2. Cox B. Valentine [Электронный ресурс] / B. Cox // Simply Scripts Discussion Board. – 40 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/FinishedOneAct.doc>
3. Davis C. Qualms [Электронный ресурс] / C. Davis // Simply Scripts Discussion Board. – 9 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/QualmsnFinaln.pdf>
4. Johnson J. Red as Hell [Электронный ресурс] / J. Johnson // Simply Scripts Discussion Board. – 76 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/RadasHell.pdf>
5. Johnson J. Stragglers [Электронный ресурс] / J. Johnson // Simply Scripts Discussion Board. – 109 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/Stragglers.pdf>
6. Keiller P. A Pony for Sean [Электронный ресурс] / P. Keiller // Simply Scripts Discussion Board. – 41 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/APONYFORSEANVERSION1.doc>
7. Mackey C. How to secede in Hawaii [Электронный ресурс] / C. Mackey // Simply Scripts Discussion Board. – 50 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/HowtoSecedeinHawaiiDraft.pdf>
8. Neri J. Keep a Good Thought [Электронный ресурс] / J. Neri // Simply Scripts Discussion Board. – 52 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.com/scripts/KeepaGoodThought.pdf>
9. Park D. A drug fueled shit show [Электронный ресурс] / D. Park // Simply Scripts Discussion Board. – 21 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.net/cgi-bin/Blah/Blah.pl?v-print/m-1437441007/>
10. Stone J. Rivalry. Recognition and Rejection [Электронный ресурс] / J. Stone // Simply Scripts Discussion Board. – 98 с. – Режим доступа: <http://www.simplyscripts.net/cgi-bin/Blah/Blah.pl?v-print/m-1429471318/>

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Селищева О. Н. Лингвистические особенности оформления косвенных аккузативов в современной англоязычной драме

Статья посвящена рассмотрению проблемы влияния элементов лингвистического контекста на косвенные аккузативы в современной англоязычной драме. Проанализированы основные способы употребления лингвистического контекста для интерпретации дискурсивного акта как аккузатива. Особое внимание уделяется рассмотрению каждого элемента контекста в текстах 5 британских и 5 американских современных драм. На основе примеров использования аккузатива в драматических

текстах приводится анализ основных лингвистических факторов, оказывающих влияние на интерпретацию косвенных аккузативов.

Ключевые слова: аккузатив, дискурсивный акт, драма, лингвистический контекст.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Selishcheva O. N. Linguistic peculiarities of indirect accusatives presentation in modern English dramas

The article is devoted to the problems of influence of the linguistic context elements on indirect accusatives in modern English dramas. The basic ways of using the linguistic context to interpret the discourse act as the accusative are analyzed. Special attention is paid to every element of the context in the texts of 5 British and 5 American contemporary dramas. The analysis of the main linguistic factors that influence the interpretation of indirect accusatives is carried out on the basis of the examples of their functioning in the dramatic texts.

Key words: accusative, discursive act, drama, linguistic context.

Н.А. Иванова

(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.4

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ
ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА
М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)**

Современное переводоведение, как и любая другая наука, не стоит на месте, постоянно меняясь и совершенствуясь, выявляя новые области, которые становятся предметом различных исследований и изысканий учёных. Одной из таких активно обсуждаемых в среде теоретиков и практиков перевода тем является проблема передачи идиостиля писателя в процессе перевода. Идиостиль (индивидуальный стиль) – система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения.

Термин «идиостиль» очень тесно связан с термином «идиолект». В теории художественной литературы под идиолектом определенного автора понимается вся совокупность созданных им текстов в исходной хронологической последовательности. Согласно В. П. Григорьеву, под идиостилем

понимается совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определенного автора, которые определили появление этих текстов именно в такой последовательности [4, с. 54].

Понятия идиостиля и идиолекта, которые по-разному определяются исследователями и, соответственно, «попадают в разные ряды соотношений с понятиями языка, текста и «языковой личности», находятся в последнее время в центре интереса лингвистической поэтики» [3, с. 175]. Это связано с растущим вниманием, уделяемым вопросам индивидуального языкового творчества.

В настоящее время взгляды на то, что такое «идиостиль» и какие лингвистические и экстралингвистические факторы влияют на особенности его передачи при переводе художественной литературы, различаются достаточно широко. Так, В. В. Ивановым высказывалось мнение, что «XX век характеризуется развитием «семиотических игр», ведущих в результате к появлению у одной творческой личности нескольких языков» [7, с. 115]. Подобный взгляд на идиостиль оспаривался С. И. Гиндиным, утверждавшим, что за широким «диапазоном речевых перевоплощений творческой индивидуальности всегда можно увидеть структурообразующий стержень творчества, в чем усматривается характерная черта русской литературной традиции и ее представителей, дорожащих своей индивидуальностью» [4, с. 97].

Среди многообразия точек зрения на соотношение таких понятий, как художественный текст, идиостиль и идиолект, можно выделить два основных подхода. Первый состоит в том, что идиолект и идиостиль считаются соотносящимися между собой как поверхностная и глубинная структуры [5, с. 81]. По В. П. Григорьеву, «описание идиостиля должно быть устремлено к выявлению глубинной семантической и категориальной связности его элементов, воплощающих в языке творческий путь поэта, к сущности его явной и неявной рефлексии над языком» [4, с. 128].

Вторая тенденция развития научной мысли выражается в предпочтении функционально-доминантного подхода при целостном описании идиостиля. Такой точки зрения придерживались Ю. Н. Тынянова, а также Л. С. Выготский. Предполагается, что «поэтический идиолект может быть описан как система связанных между собой доминант и их функциональных областей» [6, с. 63].

Определение индивидуальных особенностей стиля писателя практически невозможно без более или менее широких

сопоставлений: 1) с литературным языком его времени как нормой, на фоне которой выявляются специфические черты своеобразия, в той или иной степени, отклоняющиеся от неё; 2) с индивидуальными стилями других писателей-современников или предшественников.

Одним из требований, предъявляемых к переводу, в том числе и художественному, является требование эквивалентности текста оригинала и перевода. Для одних ученых наибольшую важность представляет эквивалентность семантическая, т.е. соотнесенность с одной и той же ситуацией [2, с. 15], для других – максимально идентичное и полное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия подлинника и информации, содержащейся в тексте оригинала [3, с. 23]. Однако большинство теоретиков и практиков перевода сходятся во мнении, что сохранение стиля – требование весьма проблематичное и неосуществимое в полной мере, поэтому следует сохранять не формальные черты подлинника, а смысловые и эстетические качества, так как опыт, объем знаний читателя оригинала отличается от опыта и объема знаний читателя перевода.

Выбрав **объектом** нашего исследования роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» и его перевод на английский язык, выполненный Робертом Даглишем (Robert Daglish), а **предметом** исследования – просторечную и диалектную лексику как одну из характерных черт идиостиля писателя, мы сделали попытку проанализировать степень достижения лексико-семантической, стилистической и прагматической эквивалентности при передаче просторечий и диалектизмов, использование которых автором в романе позволяет читателю воспроизвести неповторимый колорит жизни донских казаков, их быта и культуры.

Необходимость исследований культурного аспекта перевода художественных произведений на английский язык по причине недостаточности внимания или игнорирования национально-культурных особенностей, которые приводят к потерям национального колорита, образности и эмоциональной окраски текста перевода и, в свою очередь, к неверному пониманию иноязычным читателем художественного произведения, обуславливает **актуальность** нашего исследования. **Целью** нашей работы является выявление трудностей передачи просторечной и диалектной лексики, с которыми сталкивается переводчик в попытке достичь эквивалентности на стилистическом и прагматическом уровне при переводе романа «Тихий Дон» на английский язык, а также анализ лакун, образовавшихся в результате неспособности достичь такой эквивалентности.

Язык М. А. Шолохова – явление особое и неповторимое. Он раскрывает тайны замысла писателя, широту картины мира, глубину проникновения в жизнь казачества, психологию людей, кровно связанных с родной природой, с землёй, с историей. Свообразные условия жизни на Дону, особенности характера и мировоззрения донских казаков предопределили возникновение оригинальной культуры донского казачества, которая, являясь частью русской культуры, в то же время была наиболее открытой для тесного общения с соседними народами ближневосточной исламской, по преимуществу тюркской культуры. Проявлялось также несомненное влияние близкой украинской культуры, проводником которой выступали запорожцы.

Ярким свидетельством взаимопроникновения культур является язык донских казаков, уникальный донской диалект, относящийся к курско-орловской группе южнорусского наречия. К основным чертам донского диалекта относятся: донской тип диссимилятивного яканья; большая частотность употребления слов с окончанием *-о* под ударением, перешедших из женского, реже мужского, рода в средний (*стено, копно, стрело*); значительное число слов с окончанием *-ми* у существительных в форме творительного падежа мн. числа (*ночьми, грудьми*); смягчение окончания *-ит* у глаголов 3-го лица мн. числа (*бегаю[т'], забираю[т']*). В донских говорах сохранились южнорусские слова, утраченные другими диалектами (однако зафиксированные в письменных памятниках): *сула* «судак», *займище* «заливной луг». Существует пласт исключительно донских слов: *баз* «огороженное место для скота, двор», *курень* «квадратный казачий дом с четырёхскатной крышей, жилой дом», *волочить* «бороновать», *жалмерка* «жена казака, ушедшего на военную службу» и др. На лексико-семантическом уровне присутствуют заимствования из тюркских языков (турецкого, татарского, ногайского): *арьян, ирьян, ирян* «напиток из отцеженного кислого молока, разведённый водой», *бирюк* «волк», *чакан* «рогоз широколистный»; калмыцкого: *будан* «бульон», *шурган* «буран, метель»; и украинского: *жменя* «пригоршня», *шукать* «искать» [1, с. 9-10].

В романе «Тихий Дон» на примере жизни донского казака Григория Мелехова, исковерканной революцией и гражданской войной, писатель изобразил трагические сломы человеческой судьбы, втянутой в водоворот истории. Язык этого произведения самобытен и уникален. Детально воспроизведенный быт, красочное описание донской природы, меткая образная речь позволяют читателю полностью ощутить

казачий уклад жизни, понять традиции, которые издревле определяли жизнь казака. Первое, что привлекает внимание, это диалектная лексика и просторечие, которые используются не только для обозначения бытовых реалий, описания военных и свадебных обрядов, но и присутствуют в репликах персонажей и авторских описаниях.

Наличие или отсутствие диалектизмов в авторской речи зависит от содержания повествования: там, где М. Шолохов повествует о казаках, где сообщение автора прерывается диалогами или монологами персонажей-казаков, передающими особенности народного говора, – там диалектизмы используются и в авторской речи. Если же действующими лицами являются русские рабочие, солдаты, офицеры, генералы, то в речи персонажей нет и не может быть диалектизмов, поэтому их нет и в авторской речи.

Просторечие – это одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком. От территориальных диалектов просторечие отличается тем, что не локализовано в тех или иных географических рамках, а от литературного языка (включая разговорную речь, являющуюся его разновидностью) – своей некодифицированностью, а нормативностью, смешанным характером используемых языковых средств.

Когда сформировалась и стала функционировать в рамках русского литературного языка разговорная речь, границы просторечия стабилизировались. Сложились формы соотношения и взаимодействия просторечия с литературным языком, в результате чего образовалось литературное просторечие, – особый стилистический пласт слов, фразеологизмов, форм, оборотов речи, объединяемых яркой экспрессивной окраской сниженности, грубоватости, фамильярности. Наряду с просторечными словами в литературное просторечие включаются диалектизмы и жаргонизмы, утратившие свою локальную и социально ограниченную прикрепленность [8, с. 76].

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» просторечные элементы использованы в самом широком диапазоне от грамматических и лексических неточностей и искаженности произношения слов до сленгизмов, вульгаризмов и жаргонизмов. Именно на материале данного произведения мы проследим способы перевода на английский язык вышеуказанных просторечных элементов как одного из элементов идиостиля писателя, а в случае если какой-либо из подвидов просторечия не получил адекватного перевода, постараемся объяснить причины данного явления.

При обращении к родителям главные герои произведения, Григорий, Петр и Дуняша Мелеховы, используют просторечия *маманя и батя (батяня)*. В английском переводе романа эти лексические единицы заменены нейтральными аналогами *mother* и *father*, хотя, на наш взгляд, в качестве эквивалента возможно употребление разговорных форм *mom (mummy)* и *dad (daddy)*:

А приваду, маманя, сварили? – сипло спросил он, выходя за отцом в сенцы. – Mother, have you boiled the bait? – he asked hoarsely, as he followed his father into the porch. Доусть гнедой – попоуме его батя. – When he's done eating, water him, father.

Кроме того, в данном примере русскоязычная реалия *сенцы*, которая обозначает «входная часть традиционного русского дома; неотапливаемое и нежилое помещение», переведена на английский язык лексической единицей *porch* «подъезд, подход, крыльцо, веранда, терраса», которая совершенно не передает значение русскоязычной лексической единицы, поскольку этот тип помещения в английском доме функционально не соответствует типу помещения «сени» в русском доме. Целесообразнее в данном случае транслитерировать реалию (*сенцы – sentsy*) и в сносках к главе либо ко всему произведению дать ее описание.

Насыщенным просторечной лексикой является следующий пример:

– За что, батяня? – За дело, су-у-укин сын! Не пакости соседу, не страми отца, не таскайся, кобелина. – What's that for, father? – For your goings-on, you son of a bitch! Don't wrong your neighbour! Don't shame your father! Don't run after women, you young buck!

Вульгаризм *сукин сын* в английском переводе имеет прямой эквивалент *son of a bitch*, что дает возможность читателю ощутить весь гнев и презрение Пантелея Прокофьевича, охватившие его в данной ситуации по отношению к своему сыну Григорию и его неподобающему поведению. Что касается лексической единицы *кобелина*, употребленной с отрицательной коннотацией в значении «похотливый мужчина, сластолюбец». В английском варианте имеем *young buck* «молодой самец животного». На наш взгляд, сленговое выражение *hound dog* «бабник, гуляка, распутник» является более точным и более колоритным эквивалентом. Кроме того, следует указать, что использование нейтральных лексических единиц *wrong* и *shame* для передачи значения просторечия *пакостить* «совершать какие-либо мерзкие, отвратительные поступки, нанося кому-либо вред» и слова с региональным изменением на уровне фонемы

страмить «навлекать позор, бесчестье на кого-л., что-л.» не способствуют достижению эквивалентности на стилистическом и прагматическом уровнях.

При передаче лексических диалектизмов переводчик в основном пользуется описательным методом или заменой нейтральным аналогом, что приводит к стилистическим, а иногда и смысловым потерям. Так, диалектизм *гутарить* в значении «говорить» в романе употребляется довольно часто в речи казаков и во всех случаях переведен нейтральным аналогом *talk*:

– Ты гляди, парень, – уже жестко и зло продолжал старик, – я с тобой не так **загутарю**. – *You watch out, young fellow, – the old man continued, now roughly and angrily, – or I'll be having another kind of talk with you.*

– И-и-и, моя милушка, – перебивала ее Ильинична, левой рукой подпирая щеку, а правой поддерживая под локоть левую, до скольких разов **гутарила** ему, сукиному сыну! – *My dear, Ilyinichna interrupted her, supporting her cheek with her left hand and holding her left elbow in her right hand, – so I've told him, I don't know how many times, the son of a bitch.*

Просторечное выражение *до скольких разов* тоже передано нейтральным эквивалентом *how many times*.

Аналогичное решение нашел переводчик для передачи выражения *пущай покличет*, прибегнув к использованию нейтрального эквивалента *ask her to fetch*:

– Ну, накинь *зипун* и скачи к Аксинье. Ежели пойдет, **пущай покличет** Малашику Фролову. – *Put on your coat and run to Aksinya, her father told her. – If she'll go, ask her to fetch Malashka Frolova, too.*

Кроме того, реалия *зипун* «верхняя одежда у крестьян, без воротника, изготовленная из грубого самодельного сукна» переведена лексической единицей *coat* «верхняя одежда, которая покрывает верхнюю часть туловища и руки». В принципе, в данном случае эквивалентность на лексико-семантическом уровне достигнута, хотя, на наш взгляд, созданный при помощи калькирования вариант *homespun coat* «одежда из грубого домотканого сукна» был бы более понятен англоязычному читателю.

В случае с диалектизмом *дурнопьян* «растение семейства пасленовых (белена, дурман)» переводчик использует нейтральный английский эквивалент *henbane* «белена черная»:

– Волосы у тебя **дурнопьяном** пахнут. Знаешь, *этаким* цветком белым... – шепнул, наклоняясь, Григорий. – *Your hair smells like henbane. Do you know that white flower? – Grigory whispered, bending towards her.*

Особое место в романе «Тихий Дон» занимает диалектизм *лазоре́вый цветок* «дикий степной тюльпан, распускающийся на короткое время в весенней степи». По казачьим поверьям и легендам, в жизни степи наступает момент, когда солнечный свет отражается на земле в виде маленьких фонариков – полевых тюльпанов, которые первыми встречают зорьку. В англоязычном переводе употреблен поэтический вариант *azure flower* «цветок лазурного (ярко-синего цвета)», причем переводчик допускает ошибку в обозначении цвета: *лазоре́вый* в литературном русском языке, то есть «голубой», не равнозначен диалектному варианту *лазоре́вый*, который обозначает «красный, желтый»:

Дуняшка смуглыми ладонями растирала полыхавшие щеки, прижимая пальцы к вискам, вызванивала молодым беспричинным смехом:

– Ты, гутарит, как *цветок лазоре́вый!*..

Dunya rubbed her burning cheeks with her brown palms, pressed her fingers to her temples, and her laughter tinkled out youthfully and without cause.

– *He said I was like a little azure flower.*

Диалектизм *баглайничать* «бездельничать, вести беспорядочный образ жизни» передан в переводе сленговым фразовым глаголом *laze about* «слоняться без дела», что является оправданным с точки зрения функционально-стилистических и прагматических особенностей текста перевода:

*Дед, любивший рыбу, для видимости **запротивился**:*

– *Отец говорил – конопи молотить завтра. Нечего **баглайничать**. Ишь, рыбалка!*

– *The old man had a weakness for fish but he made a pretence of **opposing** Mitka's designs.*

– *Your father said the hemp must be beaten tomorrow. There's no time **to laze about**.*

Просторечие же *запротивиться* «не соглашаться», «начать противиться» передано нейтральной лексической единицей *oppose*, хотя, на наш взгляд, более корректным было бы употребление в качестве английского эквивалента сленгового фразового глагола *push back*.

Таким образом, при передаче просторечия и диалектной лексики на английский язык переводчик, в основном, прибегает к приему нейтрализации, реже – к использованию лексических и морфосинтаксических элементов сниженного стиля (просторечий, сленгизмов, разговорно-фамильярных форм), а также к описательному переводу. В результате этого можно сделать вывод о том, что англоязычный перевод в полной мере не передает идейно-художественное содержание романа

М. А. Шолохова. Из перевода читатель не сможет понять, что главные персонажи – не просто крестьяне или сельские жители, а казаки, для которых воля, бескрайние степные просторы и воинская служба на благо Отечества является главной составляющей их картины мира. В результате, англоязычный вариант романа «Тихий Дон» может трактоваться просто как правда очевидца и участника этих событий о русской революции, нашедшая воплощение в художественном произведении, а стиль М. А. Шолохова, плавный при повествовании, роскошный при описании пейзажей и ритмичный при зарисовке боевых действий, как и его язык повествования, пронизанный любовью к родной земле, наполненный казачьей лексикой, вульгаризмами и варваризмами, встречающимися в диалогах и в описаниях героев, остается нераскрытым и непонятным для англоязычного читателя.

Проведенное исследование побуждает к дальнейшему изучению идиостиля М. А. Шолохова в переводческом аспекте, а неспособность при переводе романа на английский язык в полной мере достичь эквивалентности на лексико-семантическом, стилистическом и прагматическом уровнях ставит перед переводчиками сложную, но очень интересную задачу преодоления лакуарности при передаче лексических и стилистических компонентов идиостиля М. А. Шолохова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь донского казачества. – М. : Русские словари – АСТ – Астрель, 2003. – 657 с.
2. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского на русский / Е. В. Бреус. – М. : Флинта, 2001. – 241 с.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
4. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: В. Хлебников. – М. : 1983. – 105 с.
5. Жолковский А. К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст [Электронный ресурс] / А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов. – Режим доступа : http://littera.websib.ru/volsky/text_article.htm?119
6. Золян С. Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С. Т. Золян. – М. : ВШ, 1989. – 263 с.
7. Иванов В. В. О языковых причинах трудностей перевода художественного текста / В. В. Иванов. – М. : ВШ, 1988. – 195 с.

8. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М. : ВШ, 1989. – 347 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Особенности передачи идиостиля писателя при переводе художественной литературы на английский язык (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»)

Статья посвящена проблеме передачи особенностей идиостиля М. А. Шолохова при переводе романа «Тихий Дон» на английский язык. Особое внимание уделяется способам достижения эквивалентности при переводе просторечной лексики и диалектизмов, анализу трудностей и путей их преодоления.

Ключевые слова: идиостиль, идиолект, просторечие, диалектизм, эквивалентность, сленгизм, вульгаризм.

SUMMARY

Ivanova N. A. Peculiarities of rendering the writer's individual style when translating fiction into English (based on the novel «Quiet Flows the Don» by Mikhail A. Sholokhov)

The article deals with the problem of rendering Mikhail Sholokhov's individual style while translating his novel «Quiet Flows the Don» into English. Special attention is paid to the means of achieving equivalent translation of colloquialisms and dialectal words, analysis of the main difficulties and ways to overcome them.

Key words: individual style, idiolect, colloquialism, dialectism, equivalency, slang word, vulgarism.

*М.Н. Ивахненко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 82.03

О КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВЫБОРА ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РОДНОЙ ЯЗЫК

Полисемия как семантическое явление, способствующее качественному развитию словарного запаса языка, является одним из важнейших лексических средств, позволяющих «экономить» словесный материал. «Словарь синонимов русского языка» З. Александровой в качестве синонима для термина «полисемия» дает «многозначность», которую различные источники трактуют как способность одного слова передавать различную информацию о предметах и явлениях внеязыковой действительности [1, с. 351].

Особенности объединения значений в пределах одного слова во многом определяют своеобразие словарного состава каждого языка. Исследования А. Потебни, Л. Щербы, И. Смирницкого, О. Есперсена и др. по-разному представляют анализируемый материал, так что трудно вывести общезыковые закономерности. В связи с этим, исследуемая нами тема представляет актуальность при передаче однозначных и многозначных лексических единиц английского языка на русский, так как предполагает выявление путей развития полисемии, а также роль контекста при выборе значений английского глагола при переводе на родной язык.

Во многих языках многозначные слова преобладают над однозначными. Слово приобретает многозначность в процессе исторического развития языка, отражающего изменения в обществе и природе. Так наше мышление обогащается новыми понятиями. Объем словаря любого языка ограничен, поэтому развитие лексики происходит не только благодаря созданию новых слов, но и в результате увеличения числа значений у ранее известных, отмирания одних значений и возникновения новых. Это приводит не только к количественным, но и к качественным изменениям в лексике. Многозначность может быть обусловлена и лингвистически: слова способны употребляться в переносных значениях. Таким образом, можно предположить, что развитие значений слов вызывается как языковыми, так и внеязыковыми (экстралингвистическими) факторами.

В процессе коммуникации, то есть при функционировании языковой системы, многозначность слова потенциально создает определенные сложности. Адресат высказывания при восприятии многозначного слова всегда имеет дело с выбором, поскольку слово как отдельная единица включает неоднозначное указание на тот сегмент содержания высказывания, который представлен в тексте этим словом. Выбор осуществляется на основе указаний, которые присутствуют или в самом тексте, в речевом произведении (лингвистический контекст), или вне текста, в реальной ситуации (экстралингвистический контекст). Потенциальная многозначность слова в языке регулярно получает решение при актуальном функционировании слова в тексте [8, с. 26-28].

Отношения значений полисемии могут быть различными, однако значения в определенной степени зависят также от отношений с другими словами, то есть, от контекста, в котором эти слова употребляются. Таким образом, конкретное стилистическое значение многозначной леммы определяется в контексте, или становится выразительнее благодаря определенной ситуации речи. Правильно построенный контекст устраняет многозначность

в восприятии слова, не создает двусмысленности. В каждом отдельном контексте многозначное слово должно восприниматься только в одном смысле. Исключения составляют случаи, когда говорящий с определенной коммуникативной целью затеняет истинную суть излагаемого или сознательно придает ему юмористическое, иногда даже каламбурное звучание. В контексте проявляются активные семантические валентности слова, то есть, те способности, с помощью которых к ним присоединяются другие слова. При этом реализуется, как правило, только одно из значений слова. Семантические валентности принадлежат непосредственно лексическому значению слова и определяют его как конкретную языковую единицу. Контекстуальная обусловленность выбора значений, в первую очередь, касается английских глаголов, поскольку в английском языке наблюдается наличие большого количества многозначных глаголов.

Взяв для примера глагол *to go*, мы определяем его инвариантные значения, как «идти, двигаться, ехать». В разных синтаксических окружениях глагол приобретает, по крайней мере, следующие значения: 1) *go about* – “to move or travel around”; 2) *go along* – “to proceed, make progress”; 3) *go at* – “to rush at attack”; 4) *go back* – “to return”; “to fail to fulfil”; 5) *go behind* – “to examine”; 6) *go by* – “to pass without being noticed”. Таким образом, содержательные валентности глагола указывают на различные виды движений и действий. Из приведенного примера видно, что контекст – это минимальный оттенок речи, где определяется отдельное значение полисемичного слова. В.Я. Мыркин рассматривает контекст как факт формальной структуры текста, и как семантическое явление, и как прагматическое явление, и даже как «семиологическое явление, включающее как соседние части данной части текста, так и ситуацию, благодаря которым возникает новое значение» [10, с. 87].

Существует разновидность полисемии, где четких границ значений, вследствие различных причин, нет. Это может быть накладка значений (*overlapping*), употребление одного из значений во многих подязыках и диффузия значений, когда между ними существует нечеткая промежуточная плоскость. Первые два случая нечеткости значений вызваны, собственно, третьей. Нечеткость разграничений значений одной языковой единицы присуща всем самостоятельным частям речи. Так, в выражениях *to get to school* и *to cut a piece of word* контекстуального окружения недостаточно, чтобы разграничить значения глаголов *to get* – «доехать до школы, попасть в школу как в учебное заведение» и *to cut* – «резать, разрезать пополам». Такая многозначность обусловлена недостатками синтаксического, лексического

и семантического контекста или синкретическим (при совпадающем определении различных концептов) выражением [12, с. 261-273]. Отсутствие прямых отношений между формой и значением, невозможность четкого выяснения соотношенности вызывает смешение значений в многозначной структуре слова [2, с. 192-203].

Общепризнанными контекстами считаются лексический и грамматический, реже встречается контекст ситуативный. Лексический контекст – это такая разновидность окружения лексических значений, в котором воспроизводится денотат нужного нам слова. Минимальный лексический контекст – необходимое условие для выявления отдельного значения слов, имеющих распространенную полисемию. Это касается таких, например, глаголов, как *to go*, *to get*, *to sum*, *to look*, *to take*. Приведенные слова составляют основу многочисленных идиом. В минимальном контексте можно разграничить значение слов в параллельных выражениях: *to come home – to come to the point*; *to get a letter – to get the train*; *to leave the cinema – to leave a fingerprint – to leave a message*; *to run fait – to run into debt*. Слова, употребляемые постоянно с одним из значений полисемичного слова, считаются лексически (иногда фразеологически) связанными. В подавляющем большинстве словосочетаний такие значения используются как раз с соединяемой лексикой. В этих условиях контексты могут быть специализированными – к ним относятся бытовой, производственный, технический и др. Все эти контексты называются «горизонтальными» в противовес контексту, который называется «вертикальным» [11, с. 94-96]. Вертикальный контекст – это историко-филологический контекст данного литературного произведения, а фоновое значение составляет совокупность культурных, исторических, географических и других данных отдельного периода в истории развития человечества.

В грамматическом контексте определяется грамматическая структура словосочетания (а иногда и отдельного слова), что помогает выяснить употребление многозначного слова. Грамматическим признаком контекста является порядок сочетаемости слов и их расположение в структуре контекста.

Разграничивая грамматически и структурно связанные значение глагола *to get*, вычленим такие контексты, когда глагол: а) требует прямого дополнения, например: *to get letter – получать, выбирать корреспонденцию*; б) требует косвенного приложения, например: *to get me a chair – принесите мне стул*; в) употребляется с предлогом или наречием, составляя целый ряд полуфразеологических сочетаний, например: *to get across –*

перебраться; *to get along* – *поживать*; *to get at* – *добраться до*; *to get away* – *отъехать, убежать*; *to get back* – *вернуться*; *to get off* – *подняться*; *to get up* – *встать* и т. д. Значение глагола может меняться в зависимости от синтаксической функции: глагол употребляется как подлежащее, составная часть сказуемого, приложение, обстоятельство [4, с. 92-99].

Глагол *to break* может иметь различные значения, но основным его значением является «ломать, разбивать, рвать», например: *He should not be surprised if they began to break the windows.* – Он не удивился бы, если бы они начали бить окна. Глагол *to break* может также иметь следующие значения: 1) *Bossiney broke the silence.* – Боссини нарушил молчание; 2) *If Irene broke such laws what does it matter?* – Если Ирен нарушила такие законы, то что это значит? 3) *John broke with her long ago because of her being unfaithful.* – Джон давно порвал с ней все отношения из-за ее измены; 4) *I tried to break of smoking many times but I could not do it.* – Я пытался бросить курить много раз, но не смог этого сделать; 5) *“Shall I take you round the house, sir, while I send the cook to break it to him?”* – «Может, сэр, я пошлю повара сообщить ему об этом, когда я буду показывать вам дом?» 6) *The day was breaking when we came back home.* – Светало, когда мы вернулись домой; 7) *He worried a lot, that’s why his voice was breaking with excitement.* – Он очень волновался, поэтому его голос дрожал [3, с. 426-429]. В научно-технической литературе глагол *to break* обычно имеет значение «прерывать», например: *We had to break the flow of electric current because of some technical problems.* – Нам пришлось прервать электрический ток из-за некоторых технических проблем (перев. авт.) [7, с. 18-24]. В сочетаниях с разными словами глагол *to break* приобретает новые значения, например: 1) *He broke out laughing after her silly remark* – Он рассмеялся после ее нелепого замечания; 2) *A rash broke out on his body.* – У него по телу выступила сыпь; 3) *All the participants were broken up into three groups.* – Всех участников разделили на три группы; 4) *Lord Henry was first who broke the news.* – Лорд Генри первым сообщил новость; 5) *You should not rely on him, he may break your secrets.* – Тебе не следует на него полагаться, он может выдать твои тайны [9, с. 165-187].

При анализе полисемичного слова в языковом контексте мы принимаем во внимание только полные признаки – классы слов, их лексико-морфологические свойства, синтаксические структуры, модальность слов и т. д. Ситуативное (коннотативное, как правило) значение определяется не языковыми факторами, а ситуацией, в которой слово употребляется. Ситуативный контекст объединяет возможности нескольких специфических

контекстов. Это может быть речь нескольких языковых центров. Контекст в значительной степени связан со стилями речи. Отсюда делаем вывод, что контекст, как минимальный оттенок речи, время необходимое для определения отдельных значений [6, с. 14-19].

Таким образом, все вышесказанное дает возможность выделить следующее: во-первых, выбор значения полисемичного глагола зависит от контекста и ситуации, в которой он употребляется; во-вторых, при переводе многозначных глаголов следует обращать внимание не только на лексическое значение, но и на грамматическое окружение слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : Практический справочник : Ок. 11000 синоним. рядов / З.Е. Александрова. – 11-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 2001. – 568 с.
2. Амосова Н.Н. English Contextology / Н.Н. Амосова. – Ленинград, 1968. – 322 с.
3. Андрушина Г.Б. Лексикология английского языка / Г.Б. Андрушина. – М. : Высш. шк., 1985. – 432 с.
4. Арнольд И.В. The English Word / И.В. Арнольд. – М. : Высш. шк., 1973. – 352 с.
5. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М. : ИИЛ, 1958. – 354 с.
6. Гинсбург Р.С. О взаимосвязи лингвистического и экстралингвистического в лексике / Р.С. Гинсбург // Иностранные языки в школе. – 1972. – № 5. – С. 14-19.
7. Карабан В.І. Переклад англійської наукової і технічної літератури / В.І. Карабан. – Вінниця : Нова книга, 2001. – 303 с.
8. Левицкий В.В. Опыт экспериментального развития лексической полисемии и омонимии / В.В. Левицкий // Психолингвистические исследования. Лексика. Фонетика. – Калинин : Наука, 1985. – 414 с.
9. Мальчевская Т.Н. Сборник упражнений по переводу / Т.Н. Мальчевская. – Ленинград : Наука, 1970. – 213 с.
10. Мыркин В.Я. Текст, подтекст и контекст / В.Я. Мыркин // Вопросы языкознания. – 1976. – №2. – С. 86-93.
11. Никитин М.В. Лексическое значение слова / М.В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 234 с.
12. Чернов Ф.И. Основы синхронного перевода / Ф.И. Чернов. – М. : Наука, 1986. – 431 с.

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М. Н. О контекстуальной обусловленности выбора значений английского глагола при переводе на родной язык

В статье анализируется явление полисемии, прослеживаются пути ее развития; рассматривается роль контекста при выборе значений английского глагола при переводе на родной язык. Автор делает вывод о значимости как лексического значения, так и грамматического окружения слова при переводе многозначных глаголов.

Ключевые слова: полисемия, контекст, лексическое значение, грамматическое окружение.

SUMMARY

Ivakhnenko M. N. On contextual conditioning of the choice of the English verb meanings when translated into the native language

The article analyzes the phenomenon of polysemy, traces the ways of its development. The role of the context is considered when choosing the meanings of the English verb while translating into the native language. The author stresses the significance of both the lexical meaning and the grammatical environment of the word when translating polysemantic verbs.

Key words: polysemy, context, lexical meaning, grammatical environment.

*И.А. Кудрейко
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81'27:37(477.6)

ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ: СТАТИКА И ДИНАМИКА

Статья посвящена исследованию языковой ситуации в культурно-образовательной системе Донецкой области в период с 1897 года по 2017 год.

Целью статьи является анализ динамики создания образовательных школ с национальным языком обучения в соответствии с демографической обстановкой, политической, социально-экономической ситуацией на исследуемой территории. Цель предполагает решение следующих задач: 1) определить демографическую, коммуникативную мощь наиболее распространенных языков на территории Донецкой области;

2) выявить наличие этнических школ / групп на территории Донецкой области в исследуемый период; 3) установить факторы, способствовавшие формированию языковой ситуации в образовательной сфере в течение 120 лет.

Донецкая область характеризуется полиэтничностью. На ее территории проживает 133 этнические группы, что обусловлено особенностями заселения края. Постоянное население появилось здесь в XVII в. В XIX в. значительная часть современной Донецкой области (Мариупольский и Бахмутский уезды) принадлежала Екатеринославской губернии. В Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года так описывается заселение этих территорий: «Край, часть которого является Екатеринославской губернией, начал заселяться только во второй половине XVIII в., когда на границе Малороссии и Польши образовались небольшие поселки из малороссийских казаков и русских беглецов. В 1753 году с приходом сербов, поселившихся между реками Луганью и Бахмутом, заселенный край был разделен на две части: Ново-Сербию – к западу от Днепра и Славяно-Сербию – к востоку от него. В 1764 году Ново-Сербия была преобразована в Новороссийскую губернию, а Славяно-Сербия – в Екатеринославскую провинцию, подчиненную Новороссийской губернии. В 1783 году обе эти части получили название Екатеринославского наместничества, от которого в 1803 году была отделена Екатеринославская губерния. С самого начала в состав Екатеринославской губернии входило 8 уездов: Екатеринославский, Александровский, Бахмутский, Верхнеднепровский, Новомосковский, Павлоградский, Славяносербский, Ростовский-на-Дону и Таганрогское градоначальство. В 1874 году Александровский уезд был разделен на два: Александровский и Мариупольский уезды, а в 1887 году от Екатеринославской губернии отделили Ростовский-на-Дону уезд и Таганрогское градоначальство. Границами Екатеринославской губернии с севера стали Полтавская и Харьковская губернии, с востока – Область Войска Донского, с юга – Азовское море и Таврическая губерния, а с запада – Херсонская губерния» [10, с. 3].

К концу XVIII в. на территории нынешней Донецкой области насчитывалось более 200 тыс. человек, представлявших до 40 этнических групп. В первой половине XIX в. продолжалось дальнейшее заселение края. В этот период на территории современной Донецкой области активно расселялись греки, немцы, евреи. Во второй половине XIX в. в связи с индустриализацией Донбасса усиливается приток русского населения. В подавляющем большинстве из русских и

формировался местный управленческий персонал. Это и определило ту ситуацию, что города Донбасса в основном были русскоязычными, в то время как село оставалось украиноязычным [10, с. 13-14].

«Впервые в отдельную административную единицу Донбасс был выделен 1 февраля 1919 года в составе двух уездов Екатеринославской губернии: Бахмутского и Славяносербского. Центром Донецкой губернии была станция Яма Северская, а затем – Бахмут. В 1920 году, после восстановления советской власти в крае, вопрос о конструировании Донецкой губернии вновь был поднят на заседании Центрального Исполнительного Комитета Российской Федеративной Республики в присутствии Владимира Ильича Ленина 23 марта, а 16 апреля 1920 года на Президиуме Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета было принято решение о создании Донецкой губернии. Общая территория вновь созданной губернии равнялась 54 тысячам квадратных километров с населением 2 миллиона 660000 человек. В 1925 году губерния была ликвидирована, осталось 4 округа. В 1932 году создана новая Донецкая область примерно в таких же территориальных границах. В 1939 году Донецкая область разделена на две области: на Ворошиловградскую с центром в городе Луганск и Сталинскую с центром – Сталино. Известно, что в 1961 году Сталинская область была переименована в Донецкую» (цит. по: [6, с. 95]).

В конце XIX века в Екатеринославской губернии (как и всей России) началось бурное развитие промышленности, культуры, социальной сферы, что привело к изменениям в системе народного образования. По «Положению об учебных народных училищах» от 25 мая 1874 года на территории всей России начали открываться различные типы школ, среди которых значительное место занимали земские, так как именно они, по определению К. Ушинского, «являются прочным основанием народного просвещения в России» (цит. по: [3, с. 33]). В недорогих земских школах в течение трёх лет ученики занимались с одним учителем. Именно земские школы стали основой начальной школы в современной системе образования.

Первые земские школы на территории Екатеринославской губернии возникли после появления уездных земских управ в 1868 – 1869 гг. Количество школ значительно увеличивалось. Так, в 1894 году на территории губернии было 340 земских школ, в 1910 году – 805, среди которых 789 сельских (776 – одноклассных, 13 – двухклассных), в 1915 году – 1149 школ, из которых 1127 сельских (1097 – одноклассных, 30 – двухклассных) [6, с. 78].

Из вышеотмеченного следует, что в начале XX в. земские школы получили интенсивное развитие на территории современной Донецкой области, чему способствовал закон об обязательном учебном образовании. Земства не экономили на образовании, и в 1914 году 400 земств начали вводить начальное образование высокого уровня.

С начала основания одноклассные и двухклассные земские школы давали элементарные знания, не было определено, какие предметы и в каком объеме должны изучаться. Однако 7 февраля 1897 были введены «Приблизительные программы предметов, преподаваемых в народных училищах ведомства Министерства народного просвещения», которые подробно определяли дисциплины и их почасовую разбивку:

Учебный план народных училищ (1897 г.)

Учебные предметы	Количество часов в неделю
Закон Божий	6
Церковнославянская грамота	3
Русский язык	8
Чистописание	2
Арифметика	5
Общее количество	24

[6, с. 85].

Начиная с 1897 года, образование на территории Екатеринославской губернии осуществлялось на русском языке.

По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в Екатеринославской губернии из 2113674 человек грамотных – 454284 чел. (21,49%); в Бахмутском уезде – 21,36% грамотных, в Бахмуте – 44,54%, в Мариупольском уезде – 26,21%, в Мариуполе – 48,65%, в Славяносербском уезде – 15,06%, в Славяносербске – 23,88%. Наибольший процент грамотных в Мариупольском уезде, наименьший – в Славяносербском [10, с. 11, 19, 23, 34-55].

Согласно итогам сплошной подворной переписи Донецкой губернии 1923 года, на исследуемой территории проживало 2518010 человек, среди которых грамотных было 895395, что составляло 35,55% от общего количества населения. По уровню грамотности среди представителей разных национальностей распределение от общего количества грамотного населения губернии было таким: украинцев – 54,01%, русских – 31,37%, немцев – 3,78%, греков – 5,27%, болгар – 0,05%, поляков – 0,44%, татар – 0,01%, евреев – 3,39%, среди представителей других этносов – 0,62%, неизвестных (не знают своей национальности) – 0,93% [5, с. 458-459].

Следует отметить, что по уровню грамотности среди представителей определенной национальности распределение было таким: евреев (71,13% грамотных от общего количества евреев, проживающих на территории губернии), поляков (59,8%), немцев (59,61%), греков (54,45%), болгар (50,63%), русских (42,82%), украинцев (30,05%), татар (22,4%).

С 20-х годов XX века начинается внедрение политического курса на возрождение украинского языка и культуры. Это происходит нелегко, поскольку в УССР сложная военно-политическая и экономическая ситуация, к тому же определенное количество партийных работников связывали возрождение украинского языка с национализмом, контрреволюцией. Проблема украинского языка широко обсуждалась на ноябрьском (1920 г.) Пленуме ЦК КП(б)У, 1-м Всеукраинском совещании КП(б)У (1921 г.), на февральском и октябрьском (1922 г.) пленумах ЦККП(б)У. Февральский Пленум подтвердил необходимость знания государственными служащими украинского языка. Октябрьский Пленум ЦК КП(б) в 1922 г. дополнил постановление февральского Пленума, приняв его как директивы по национальному вопросу. В этом документе намечались меры по развитию украинского языка, культуры, школьного и издательского дела. Было зафиксировано также положение о введении русского языка как учебной дисциплины в школах с украинским языком обучения и украинского языка – в школах с русским языком обучения [1, с. 80-81].

По переписи и статистическим данным отделов народного образования и ЦСУ УССР на 1 января 1922 года, из 12109 школ обучение на украинском языке проводилось в 6105 школах, на русском – в 4037 школах, украинско-русском (смешанном) – в 1967 школах.

Совнарком УССР 27 июля 1923 издал декрет «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений», а 1 августа этого же года ВУЦИК и Совнарком УССР опубликовали постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию украинского языка». Оба эти документа подтверждали равноправие языков всех национальностей, проживающих на территории УССР, и создавали каждому гражданину любой национальности равные возможности и права в его отношениях с государственными органами [1, с. 82].

Все эти меры привели к тому, что к концу 20-х годов в Украине открывались национальные школы для болгар, немцев, евреев, греков, поляков. Создание национальных учебных заведений в рамках советской образовательной системы на территории

Донбасса началось в 1924/1925 учебном году. К этому времени, как свидетельствует отчет национального подотдела Донецкого губернского отдела народного образования, из 16 еврейских школ (открытых после 1917 года) – 7 закрыты во время голодомора 1921 – 1922 гг. В Мариупольском округе до 1924 года было организовано 8 еврейских учебных заведений на 1260 обучающихся при 14 учителях, а в самом Мариуполе работало только 4, рассчитанных на 144 обучающихся при 16 учителях. Обучение во всех этих школах велось на еврейском языке [7, с. 61].

На исследуемой территории в 1925/1926 учебном году были организованы национальные школы / группы: русские – 198 / 0, немецкие – 33 / 87, татарские (греческие) – 5 / 7, армянские – 2 / 0, еврейские – 1 / 2. Начиная с 1926/1927 учебного года, количество национальных школ / групп увеличивалось: русских – 140 / 875, греко-эллинских – 0 / 5, немецких – 33 / 101, татарских (греческих) – 4 / 6, армянских – 2 / 6, еврейских – 1 / 5; в 1927/1928 учебном году количество национальных школ / групп: русских – 150 / 907, греко-эллинских – 0 / 10, немецких – 33 / 104, татарских (греческих) – 9 / 33, армянских – 2 / 8, еврейских – 1 / 5 [10, с. 58].

Следует отметить, что в этот же период на территории Донбасса работала 181 украинская школа с 546 украинскими учителями [2, с. 102].

Начиная с 30-х годов XX века, русский язык получает статус языка межнационального общения. Престиж русского языка растет, увеличивается количество учебных заведений с русским языком обучения.

В 1958 году после принятия «Закона об укреплении связи школы с жизнью» родителям было предоставлено право выбора языка обучения для своих детей.

Русский язык становится базовым языком обучения в школах Донбасса, а украинский – учебной дисциплиной.

Сравним, если в 1960/1961 учебном году на территории Донецкой области работало 877 школ с украинским языком обучения и количеством учащихся 124500 (20,4% от общего количества учащихся), то в 1978/1979 учебном году функционировало лишь 204 школы, в которых количество учащихся составляло 34600 (5,7% от общего количества учащихся). Как результат, к концу 80-х годов школы с украинским языком обучения были только в сельской местности [3, с. 2-3].

В период принятия Закона УССР «О языках в Украинской ССР» (1989 г.) на территории Донецкой области языковая ситуация характеризовалась как русско-украинское двуязычие с такими признаками:

1) доминирующими на территории области были русский и украинский языки;

2) демографическая мощьность русского и украинского языков различна: по-русски говорило большинство населения региона;

3) коммуникативная мощьность русского языка больше, так как значительное количество говорящих удовлетворяло свои коммуникативные потребности в различных сферах деятельности по-русски;

4) языком обучения в большинстве учебных заведений всех уровней аккредитации был русский язык. Более 250000 учащихся (40% от общего количества) были освобождены от изучения украинского языка (цит. по: [6, с. 75]).

Начиная с 2004 года, в Донецкой области действовала целевая комплексная Программа развития и функционирования украинского языка на 2004 – 2010 годы. Эта Программа была утверждена решением совместного заседания коллегий облгосадминистрации и Министерства образования и науки Украины от 18.12.2003 № 12 / 6-2.

Согласно статистическим данным в 2004/2005 учебном году 661 заведение учебного воспитания области имело статус русскоязычного, что от общего количества учреждений (1166) составляло 56,7%. Украиноязычных общеобразовательных школ в области было 612 (53,4%) от общего количества соответствующих учреждений (1145), в которых обучалось на украинском языке 113750 учащихся, т.е. 26% от их общего количества (444369). Количество профессионально-технических училищ области составляло 117 учреждений, из них украиноязычных – 13, то есть – 11%. От общего контингента учащихся системы профессионально-технической подготовки обучалось на украинском языке только 2,5%. В области работало 112 высших учебных заведений всех уровней аккредитации, из них: III уровня – 82, III – IV – 30, с общим количеством студентов – 213,5 тыс., из которых 68,6 тыс. обучалось на украинском языке (32,1%) [5: 66].

По данным управления образования Донецкой области, в 2008/2009 учебном году на территории области работало 1106 учебных заведений среднего образования с общим количеством учащихся 344191. С украинским языком обучения – 741 учебное заведение (67%), где обучалось 138802 ученика (40,3% от общего количества учащихся Донецкой области). В 2009/2010 учебном году на территории области работало 1099 учебных заведений среднего образования с общим количеством учащихся – 340667 человек. С украинским языком обучения 750 учебных заведений (68,2%), количество обучаемых – 147570 человек (43,3% от общего количества детей школьного возраста, что на 3 процентных

пункта больше, чем в 2008/2009 учебном году). В 2010/2011 учебном году общее количество учебных заведений среднего образования в области – 1080, среди них полностью украинских (по языку обучения) – 392, русских с украинскими классами – 154. Количество учащихся, которые обучались на украинском языке (как в украинских школах, так и в двуязычных), – 46,7% от общего количества школьников. В 2011/2012 учебном году общее количество учебных заведений среднего образования на территории области – 1058. Полностью украинских (по языку обучения) – 402, двуязычных – 478, русских – 178. Количество учащихся, обучавшихся на украинском языке в процентном соотношении составляло 48,4. В 2012/2013 учебном году на территории области работало 1058 учебных заведений среднего образования, среди которых полностью украинских – 454, двуязычных – 418, русских – 186. Количество учащихся, обучавшихся на украинском языке, составляло 50% от общего количества детей школьного возраста. Стоит заметить, что в 2012/2013 учебном году на территории области увеличилось количество школ как с украинским языком обучения, так и с русским, что свидетельствует о динамической языковой ситуации на территории области.

В период с 2014 года по 2017 год языковая ситуация в системе образования изменилась: за три учебных года все общеобразовательные организации Донецкой Народной Республики поэтапно перешли с украинского языка обучения на русский язык обучения. В 2014 году на русском языке обучалось 50% учащихся, в 2015 году – 88%, начиная с 2016 года, русский язык стал основным языком обучения, а украинский язык – предметом.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода с 1897 года по 2017 год базовыми языками обучения на территории современной Донецкой области попеременно были как украинский, так русский языки.

Учитывая социально-экономические, культурно-исторические, географические и другие факторы, необходимо способствовать сохранению функционирования русского/украинского языков на исследуемой территории, развитию языков других этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В. М. Українізація : здобутки і втрати (20-30-ті роки) / В. М. Даниленко // Проблеми історії України : Факти, судження, пошуки : [республіканський міжвідомчий збірник наукових праць / гол. ред. Ю. Ю. Кондуфор]. – Вип. 2. – К. : Наук. думка, 1992. – С. 79-92.

2. До історії міжнаціональних процесів України : документи та матеріали // Український історичний журнал. – № 1. – К. : Наук. думка, 1991. – С. 99-113.
3. Егоров С. Ф. Хрестоматия по истории школы и педагогики в России до Великой Октябрьской социалистической революции / С. Ф. Егоров. – М. : Просвещение, 1974. – 152 с.
4. Жовтобрюх М. А. Українізація / М. А. Жовтобрюх // Українська мова : Енциклопедія / [редкол. : Русанівський В. М. (співголова), Тараненко О. О. (співголова), Зяблюк М. П. та ін.]. – [2-ге вид., випр. і доп.] – К. : Вид-во „Укр. енцикл.” ім. М. П. Бажана, 2004. – С. 688-700.
5. Загнітко А. П. Білінгвізм і мовна компетенція / А. П. Загнітко, І. О. Кудрейко // Компетентнісноорієнтована освіта : досвід, проблеми, перспективи : матеріали Міжнародної наук.-практ. конф., 5-6 листоп. 2008 р., Донецьк. Т. 1 / М-во освіти і науки України, Академія педагогічних наук України [та ін.]. – Донецьк : Каштан, 2008. – Т. 1. – С. 60-70.
6. Калиновська О. Мовна ситуація в сфері освіти / О. Калиновська // Мовна політика та мовна ситуація в Україні : Аналіз і рекомендації. – ВД „Києво-Могилянська академія”, 2008. – С. 196-234.
7. Кудрейко І. О. Соціолінгвістичні портрети міст Донеччини : Монографія / І. О. Кудрейко. – Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2013. – 174 с.
8. Лихачева Л. Б. Земские школы Екатеринославской губернии в конце XIX – начале XX вв. / Л. Б. Лихачева, С. М. Нестерцова // Нові сторінки в історії Донбасу : [ст. / головн. ред. З. Г. Лихолобова]. – Донецьк : Донбас, 1992. – Кн. 1. – С. 77-90.
9. Мартинчук І. І. Формування мережі загальноосвітніх шкіл етнічних груп Донбасу в 1920 – першій половині 1930-х років // Нові сторінки історії Донбасу : [ст. / головн. ред. З. Г. Лихолобова]. – Донецьк : ДонНУ, 2006. – Кн. 12. – С. 59-68.
10. Мацюк Г. П. Нова роль соціолінгвістики ієрархії дисциплін мовознавчого циклу / Г. П. Мацюк // Вісник Львівського університету. – Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2006. – Вип. 38. – С. 3-12.
11. Никольский В. Н. Национальные проблемы 20-х годов и их решение / В. Н. Никольский // Нові сторінки в історії Донбасу : [ст. / упоряд. З. Г. Лихолобова]. – Донецьк : Донбас, 1992. – Кн. 2. – С. 51-70.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, XIII т., Екатеринославская губерния. – Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел под редакцией А. Тройницкого, 1904. – 234 с.
2. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь, февраль 1923 г.) т. четв. Итоги демографической переписи Донбасса, Харьков: Типо-лито-фото-цинкография Военно-Редакц. Сов. УВО им. Фрунзе, 1923. – 461 с.
3. Цільова комплексна програма розвитку та функціонування української мови в Донецькій області на 2004 – 2010 роки : Затверджено рішенням спільного засідання колегій Міністерства освіти і науки України та Донецької обласної державної адміністрації. – [К. ; Донецьк], [2004 ?]. – 47 с.

АННОТАЦИЯ

Кудрейко И. А. Язык в системе образования Донецкой области: статика и динамика

В статье проанализирована динамика национально-языкового состава населения на территории Донецкой области за период с 1897 года по 2017 год, определены факторы, способствующие формированию и становлению современной языковой ситуации на исследуемой территории.

Ключевые слова: социолингвистический портрет, языковая ситуация, коммуникативная, демографическая мощность языка, система образования.

SUMMARY

Kudreyko I. A. The language in the system of education of Donetsk region: statics and dynamics

The article analyzes dynamics of the national linguistic structure of the population in the territory of Donetsk region for the period from 1897 to 2017, identifies the factors contributing to the formation and development of modern language situation in the investigated territory.

Key words: sociolinguistic portrait, language situation, communicative, demographic power of language, education system.

УДК 811.161.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ

Не вполне преодолены представления (особенно распространенные среди школьных учителей) о том, что язык, в частности русский, достиг своего совершенства, из чего следует, что вариантность портит язык и ее необходимо искоренять. Еще не так давно К.С. Горбачевич писал: «Многие считают, что наличие подобных дублетов является несовершенством, болезнью языка, и обвиняют языковедов в чрезмерной терпимости и даже в губительном попустительстве. Общественность нередко призывает ученых принять решительные меры для искоренения вариантности» [3, с. 25]. «Причины современного неоднозначного отношения к вариантным формам языка в России и Украине, – справедливо замечает Ю.В. Дорофеев, – являются следствием социальных отношений, претерпевших трансформацию в условиях тоталитарного государства». До сих пор вариантность может расцениваться как свидетельство расшатанности норм. В настоящее время хорошо известно, что любое отступление от нормы со временем может стать нормативным. Следует помнить и о том, что при таком проявлении языкового кризиса, как «умирание языка», наблюдается стремительный рост беспорядочной, затрудняющей коммуникацию вариантности наряду с упрощением структуры языка и исчезновением в нем стилистических различий.

Понимание статуса языковой вариантности как ненужной случайности языкового развития в основном стало достоянием прошлого, однако неслучайность грамматической вариантности обосновывается не более чем общими декларациями о грамматическом варьировании как следствии и необходимом условии языкового развития. По нашему убеждению, общая мысль «варианты развивают язык» требует конкретизирующего объяснения.

Представление грамматических вариантов в практических стилистиках и словарях характеризуется традиционной ориентацией на разделы грамматики, части речи и грамматические категории. Данный традиционный подход оборачивается отсутствием системной презентации таких вариантов, ориентированной на интеграцию их семантических и стилистических характеристик, из-за чего у носителей языка, в том числе лингвистов, не

складывается соответствующего системного представления. Например, они не имеют возможности сразу убедиться в том, что морфологические варианты числа типа *моторное масло* – *моторные масла* обозначают абстрактные и конкретные понятия так же, как синтаксические варианты падежа именной части сказуемого типа *Он был мастером* – *Он был мастер* или варианты управления типа *ждать поезда* – *ждать поезд*.

Нередко оказывается, что внутри одного – обобщенного по грамматическому признаку – «типа вариантов» содержатся принципиально разные вариантные различия. Например, в «типе вариантов» форм повелительного наклонения 2-го лица единственного числа содержится пять подтипов: 1) глаголы с ударяемой финалью *-ить* типа *доить*; 2) глаголы с накоренным ударением типа *помедлить*; 3) глаголы с ударяемой приставкой *вы-* типа *выгрузить*; 4) некоторые глаголы с основой на губной и сонорный типа *уведомить* или только сонорный типа *откупорить*; 5) возвратные глаголы, которые в повелительном наклонении «в устных приказах, в среде военных, в туристских, школьных, лагерных командах» имеют «усеченные формы на *-сь*» типа *равняйся* [4, с. 269–274]. Некоторые из этих подтипов – в силу специфики наблюдаемой в них дифференциации – вполне могут быть представлены как отдельные стилистические типы вариантов, а не как один тип, объединение в который осуществлено лишь по признаку колебания в форме повелительного наклонения. Варианты типа «*после окончания* – *по окончании* – *по окончанию*» на самом деле представляют собой не одну тройную оппозицию, а четыре бинарные: *после окончания* – *по окончании* с семантическим различием, *после окончания* – *по окончании* со стилистическим различием, *по окончании* – *по окончанию* со стилистическим различием и *после окончания* – *по окончанию* со стилистическим различием.

Если грамматические разделы ортологических пособий пишутся разными авторами, это может приводить к тому, что одни и те же типы вариантов оказываются представленными в разных разделах одного пособия. Так, в словаре в разделе «Морфология» (автор Л.К. Граудина) показаны «Варианты типа *снега* – *снегу*. Родительный единственного существительных мужского рода на твердый согласный» [4, с. 169–177], а в разделе «Синтаксис» (автор В.А. Ицкович) разъясняется употребление вариантов типа «*купить табак* – *купить табака* – *купить табаку*. Формы родительного или винительного падежа в количественно-выделительном (партитивном) значении» [4, с. 43], хотя на самом деле это один и тот же тип вариантов. В этом же словаре в разделе «Синтаксис» В.А. Ицкович представляет варианты

типа *по пять – по пяти* [4, с.64–65], а в разделе «Морфология» Л.К. Граудина представляет однотипные вариантам *по пять – по пяти* варианты *по несколько – по несколькоу*, на наблюдении В.А. Ицковича не ссылаясь [4, с. 363–364]. При этом В.А. Ицкович считает, что в *по пять* предлог *по* управляет винительным падежом числительного, а Л.К. Граудина полагает, что в *по пять* и *по несколько* наблюдаются несклоняемые формы числительных. Семантико-стилистическое обобщение в одном пособии вариантов разных грамматических ярусов позволило бы избежать таких недоразумений.

Собственно грамматическая характеристика типа грамматических вариантов не является гарантией того, что такой тип будет корректно отнесен к своей грамматической категории. Это объясняется взаимной зависимостью смежных языковых уровней. В связи с этим понятно, почему одни и те же явления грамматической вариантности оказываются отнесенными к разным разделам в разных ортологических пособиях, однако из этого понимания не следует, что категориальная принадлежность таких явлений на самом деле неоднозначна. Например, варианты типа *МИД заявил – МИД заявило* Д.Э. Розенталь и его последователи И.Б. Голуб, Г.Я. Солганик и Ю.А. Бельчиков, называя вариантами согласования аббревиатур, относят к сфере синтаксиса, а Л.К. Граудина, называя вариантами рода аббревиатур, – к сфере морфологии. Очевидно, что в данном случае корректна точка зрения Л.К. Граудиной, поскольку род аббревиатур от контекстного окружения не зависит. В то же время в раздел «Синтаксис» второго издания «Грамматической правильности русской речи...» Л.К. Граудиной включена написанная ею по материалам книги В.А. Ицковича «Очерки синтаксической нормы» словарная статья о вариантах типа *изучать бациллы – изучать бацилл*. Это не вполне понятное решение и В.А. Ицковича, и затем Л.К. Граудиной, поскольку в данном случае речь идет об одушевленности-неодушевленности существительных некоторых специфических в этом отношении групп, которая контекстом не детерминируется и потому синтаксическим явлением считаться не может. В том же словаре статьи «Варианты типа *она чемпионка – она чемпион*. Женские соответствия к мужским в наименованиях лиц», «Варианты типа *Иван Никитович – Иван Никитич*. Формы отчества, образованные от мужских личных имен на *-а*», «Варианты типа *сборная России – сборная команда России*. Субстантивированные прилагательные и причастия», «Варианты типа *достигнуть – достичь*. Формы инфинитива некоторых глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *сох – сохнул*. Формы прошедшего времени

бесприставочных и без приставок не употребляющихся глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *промок – промокнул*. Формы прошедшего времени приставочных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *мокнувший – мокий*». Параллельные формы причастий прошедшего времени от бесприставочных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *промерзший – промерзнувший*. Параллельные формы причастий прошедшего времени от приставочных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *возникнув – возникши*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *увидев – увидя*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от класса продуктивных глаголов на *-еть*», «Варианты типа *унеся – унесши*. Параллельные формы деепричастий от глаголов движения», «Варианты типа *замерев – замерши*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от глаголов на *-ереть*», «Варианты типа *вторгнись – вторгнувшись*. Параллельные формы деепричастий совершенного вида от возвратных глаголов на *-нуть*», «Варианты типа *ветрен – ветренен*. Краткие формы прилагательных мужского рода на *-енный*» помещены Л.К. Граудиной в раздел «Морфология», хотя и в названии второй статьи («Формы отчества, образованные...»), и в содержании всех этих статей (где представлены суффиксы и префиксы, различающие описываемые формы, а также имеется термин «субстантивация») [4] наблюдаются факты, дающие все основания считать эти типы словообразовательными. Здесь же словарные статьи «Варианты типа *директор пришла – директор пришел*. Согласование сказуемого, выраженного глагольной формой прошедшего времени, и подлежащего, выраженного существительным мужского рода в применении к лицам женского пола», «Варианты типа *уважаемый президент г. Финнбогадоттир – уважаемая президент г. Финнбогадоттир*. Согласованное определение при именах существительных мужского рода, обозначающих лиц женского пола» и «Варианты типа *английский и французский язык – английский и французский языки*. Число существительных при однородных определениях, обозначающих видовые признаки предметов одного рода» тоже находятся в разделе «Морфология» [4], хотя термины, употребляемые даже в названиях этих статей, а именно «согласование», «сказуемое», «подлежащее», «определение», «однородные определения», красноречиво свидетельствуют о том, что этим словарным статьям место – в разделе «Синтаксис».

Уточним, что не все кодификаторские аргументы убедительны, поскольку не подтверждаются узусом, фиксировать который

призвана кодификация. Например, объяснение В.А. Ицковича, что *по истечении* свойственно официально-деловому стилю, а *после истечения* нейтрально [4, с. 62–63], не позволяет понять, почему в официальном употреблении невозможно сочетание *через три дня по истечении срока командировки* при допустимости *через три дня после истечения срока командировки* (причина: не учтено семантическое различие между *по* и *после*).

Кодификаторы не всегда объективны, в частности без достаточных оснований негативно относятся к употреблением, противоречащим их рекомендациям, и игнорируют несовпадающие с их убеждениями мнения коллег. Например, Д.Н. Овсяннико-Куликовский в 1907 году пишет по поводу предложения *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» [5, с. 29]. По убеждению ученого, правильным согласованием является *моего брата и сестру*. Д.Э. Розенталь, ссылаясь на приведенное нами выше эмоциональное высказывание Д.Н. Овсяннико-Куликовского, рекомендует форму ед. ч. адъектива в сочетаниях типа *мой отец с матерью пришли* [6, с. 220], и последователи Д.Э. Розенталя эту рекомендацию репродуцируют. Однако преобладание такого ед. ч. адъектива – с приведением соответствующих примеров – ставится под сомнение вначале М.В. Ломоносовым, а затем Ф.И. Буслаевым, В.И. Чернышевым и А.А. Шахматовым, поскольку еще с XVIII века в этих случаях нередким является более логичное мн. ч. адъектива: *мои отец с матерью пришли*.

Как следствие теоретического непризнания динамичности языковой нормы не всегда учитывается ее изменчивость. Так, синтетические формы совместного действия с постфиксом вежливости типа *поедемте*, варианты распространенным аналитическим формам совместного действия типа *давайте поедем*, представлены как живые не только в академических грамматиках русского языка, но и в современном справочнике Ю.А. Бельчикова, однако И.А. Шаронов примерами из НКРЯ убедительно доказывает, что синтетический вариант в настоящее время почти не употребляется.

Не всегда соблюдаются такие критерии признания вариантного явления нормативным, как массовая и регулярная воспроизводимость данного явления в процессе коммуникации и общественное одобрение и признание соответствующего явления нормативным. Так, Ю.А. Бельчиков в том же справочнике предписывает варианты *огорошивать* – *огорашивать*, *обусловливать* – *обуславливать*, *условливаться* – *уславливаться* считать «равноправными», а также, признавая вариант типа *согласно закону* общелитературным, предписывает считать

вариант типа *согласно закона* относящимся к официально-деловой сфере, с чем многие носители языка не согласны, и это несогласие подчеркивает, что данное предписание противоречит указанным критериям нормативности.

Все отмеченные выше теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности могут быть разрешены в рамках заявленного в названии работы когнитивно-эволюционного подхода. В соответствии с принципами когнитивной науки и эволюционной эпистемологии мы ставим вопросы о том, как и почему вариантность развивает грамматику, а именно какова в этом развитии роль логики как строя мышления и каков механизм восприятия вариантных явлений. Ответы на эти вопросы призваны укрепить теоретическую базу грамматической вариантности и при этом не только ответить на вопросы о механизме и причинах «развития вариантами грамматики», но и усовершенствовать механизм дифференциации грамматических вариантов и осуществить то, о чем Л.К. Граудина написала еще в 1980 году: интеграцию грамматических вариантов на основании обобщения их семантических и стилистических характеристик, облегчающую их системное восприятие [4, с. 85].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельська А. М. Методи компонентного аналізу і компонентного синтезу в сучасних ономазіологічних дослідженнях / А. М. Архангельська // Мовознавство. – 2010. – № 1. – С. 45–53.
2. Ахманова О. С. Об основных понятиях «нормы речи» (ортология) / О. С. Ахманова, В. Ф. Беляев, В. В. Веселитский // Филологические науки. – 1965. – № 4. – С. 88–98.
3. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка / Кирилл Сергеевич Горбачевич. – [3-е изд., испр.]. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.
4. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Наука, 2001. – 557 с.
5. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка / Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский. – М. : Тип. Сытина, 1907. – 237 с.
6. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка / Дитмар Эльяшевич Розенталь. – [4-е изд., испр.]. – М. : Высш. шк., 1977. – 316 с.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Теоретические и практические проблемы изучения грамматической вариантности

Вариантность как лингвистическое явление портит язык, и ее необходимо искоренять, так как язык достиг своего совершенства. До сих пор вариантность расценивается как свидетельство расшатанности норм. В настоящее время хорошо известно, что любое отступление от нормы со временем может стать нормативным.

Ключевые слова: вариантность, норма, нормативность, язык.

SUMMARY

Leshkova N. V. Theoretical and practical aspects of the language grammatical variation specifics

The article highlights the problem of the language system variation. The focus of this research is primarily on the dubious essence of the variation phenomenon that should be eradicated for it comes into conflict with the language perfection. Peculiarities of the variation as evidence of the weakened language norm are singled out. It is generally considered that any deviation from the norm may become normative in the course of time.

Key words: variation, norm, normative, language.

*N.A. Navrotskaya
(Gorlovka, DPR)*

УДК 81'44+811.1/2+81'367.625+81'371+81'373.611

THE STRUCTURAL PECULIARITIES OF THE PSYCHOEMOTIONAL VERBS IN THE ENGLISH, GERMAN, SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES

The contrastive-comparative analysis of the semantics of the verbs that denote the psychoemotional state of a person in the English, German, Spanish and Russian languages is actual because in the comparative aspect the verbs of the above mentioned semantics were not studied. The fundamental works where some basics of the analysis were described are accepted in the research and further worked out in the different direction [1; 2; 3]. The verbs under analysis were chosen from the authoritative monolingual and bilingual dictionaries, then classified into three semantic groups: essive, inchoative and causative. In all languages chosen for the experiment the verbs that denote the psychoemotional state of a person exist and can be classified according to the suggested principle.

To interpret the meaning of the essive verbs the following linguistic formula was suggested: “S is in the state of...”, e.g. the English verb *to abominate*: “S is in the state of hate”; the German verb *dulden*: “S is in the state of suffering from something”. In Spanish and in Russian the equivalents to the above mentioned English and German verbs exist: the Spanish verbs: *odiar*, *detestar*, *aborrecer* and in Russian – *ненавидеть*.

To interpret the inchoative verbs the following formula was worked out: “S begins to be in the state of ... (begins to feel, to experience an emotion or emotional complex)”. In English, e.g. the verb *to pale* has the following formula: “S gets pale being in a state of shock”; in German there is a verbal equivalent *erblassen*, in Spanish – *palidecer*, in Russian – *бледнеть*.

To interpret the semantics of the causative verbs the following formula was used: “S causes O to experience the psychoemotional state (to be in the state)”. In the English language, e.g., the verb *to aggravate*: “S causes O to be angry”. In German there is also a verbal equivalent *ärgern* ‘злит’, which is interpreted with the help of the same formula, in Spanish – *enfadar*, *excitar* and in Russian there is a verbal equivalent *злит*.

The quantitative difference can be explained in this way: 1) the number of corresponding lexical units is explained by the absence of the semantically corresponding equivalents in the languages contrasted; 2) by the structural peculiarities of the languages which are structurally different. The latter reason is in the centre of this scientific research. The objective of the work is to compare the structural peculiarities of the verbs that denote the psychoemotional state in the English, German, Spanish and Russian languages. The analysis may help us understand and see the isomorphic and allomorphic features of the verbs under research.

The essive verbs which are distinguished in all four languages are simple in their structure or derivatives. Derived verbs have prefixes, suffixes in their structure but this peculiarity is more typical of the verbs in Russian, then less for the German essive verbs and the least of the English. Among Spanish verbs this peculiarity is not productive. But the general attention should be drawn to the similar structural feature – the occurrence of the reflexive pronoun *sich* in German (*sich ängstigen*, *sich trüben*, *sich schrecken*, *sich ergötzen*, *sich erfreuen*), the reflexive particle *-ся* in Russian (*бояться*, *баловаться*, *забавляться*, *веселиться*, *тешиться*) and *-se* in Spanish (*interesarse* (*por*), *alegrarse*, *gozarse*, *enternecer(se)*, *conmover(se)*). In English this peculiarity is not productive – 1 verb (0, 2%) (*to abase oneself*).

The analysis of the structural peculiarities of the essive verbs helped to reveal that the essive verbs of all four languages have

different structural peculiarities. For the English verbs the most typical structural features are converted verbs (verbs which were converted from nouns or adjectives). Prefixation is less productive while suffixation is not a productive way of verb formation. Also word combination and reversion are not productive ways for the essive verbs in English.

For the German verbs the most numerous are those verbs which were formed by adding of the reflexive pronoun *sich*. Less numerous are those formed by word combination and suffixation. The combination of prefixes and suffixes and just suffixes – these ways are not numerous in the word formation of verbs.

The Russian essive verbs have different prefixes, suffixes, both prefixes and suffixes in their structure. The verbs with the postfix *-ся* are very numerous. In Russian the verbs are not formed by conversion and reversion. The research gave a conclusion that the prefixal-suffixal way of verb formation is typical only of Russian essive verbs.

For the Spanish essive verbs under analysis the most distinctive structural feature is the reflexive particle *-se*.

The inchoative verbs which are the most numerous in Russian and Spanish have common distinctive features. Russian verbs which have the postfix *-ся* in their structure are numerous (*завеспокоиться, развеселиться, разбаловаться, разозлиться*). The Spanish inchoative verbs ending in *-se* are also numerous (*interesarse, apasionarse, entusiasarse, enamorarse, prendarse, asustarse, asedrentarse, espantarse, asustarse, entumecerse, pasarse, aletargarse*).

The prefix and suffix – the combination of them at the same derivational step is the way which help build Russian inchoative verbs (*безуметь, покраснеть, разозлиться*). Among the English, German and Spanish verbs there are not verbs built in this way.

For the Russian inchoative verbs prefixation is the most peculiar feature because the prefixes give the meaning ‘the beginning of the state’ (*желать – пожелать, любить – полюбить, ненавидеть – возненавидеть*). By adding the prefix the verb of the essive semantics becomes the inchoative: *бунтовать – взбунтоваться, сомневаться – засомневаться*. The postfix *-ся* in the above mentioned examples doesn’t render the semantic strength. In contrast, in German only several verbs have prefix in their structure but it gives the meaning ‘the beginning of being in the state’ (*aufbrausen, erblassen, erröten, (sich) erschrecken (vor, über), verkrüppeln, verblöden, verdummen*). In English some inchoative verbs have the prefixes in their structure (*to befoul (foul), to dissolve 6, to enamo(u)r (amour), to overtake 2, to relapse 2, return 3*). The English prefixal verbs are not numerous, but the prefixes (*be-*, *dis-*, *en-*, *over-*, *re-*)

have the meaning 'to gain the quality, to transit into another state'. So when joined to the stems they give another meaning to the verbs, as a result, the verbs can be classified as inchoative.

The causative verbs of all studied languages are either simple in their structure or derivatives. The common peculiar feature is the occurrence of the prefixes in the English, German, Russian and Spanish causative verbs though in different quantitative rate.

The English prefixal verbs are not so numerous in number as German. So, English causative verbs are derived from nouns (*to discomfit* 1, 2, 3, *to disarm*, *to dishonor*, *to befoul*, *to overwhelm* 5, *to empoison* 2, *to distress*, *to discourage*. They are also derived from verbs: *to discompose*, *to disconcert*, *to disappoint*, *to overawe*, *to overtax* 2, *to dissolve* 7, *to disconcert* 1, 2, *to destruct* 3. And also some verbs are derived from adjectives: *to belittle*, *to benumb*, *to bewilder*.

Among German causative verbs the prefixal verbs are also numerous: *beschimpfen*, *erschrecken*, *verschrecken*, *aufschrecken*, *verblüffen*, *umgarnen*, *aufmuntern*, *belüsten*, *ergötzen*, *auffordern*, *verärgern*, *befremden*, *verblenden*, *bedrängen*, *verwirren* 3. Among German causative verbs the verbs which are formed with the help of the semi-prefixes (24 verbs): *abhalten* (*halten*), *anecken* 2, *anstacheln* 3, *anspornen* 2, *anregen* 2, *angreifen* 3, *angreifen* 5, *ankotzen* 2; *aufschrecken* 1, *aufmuntern* 1, *aufregen* 1, *aufregen* 2, *auffordern*, *aufwühlen* 2, *aufwühlen* 3, *aufwühlen* 4; *auslösen* 3; *mitreißen*, *umgarnen* 2, *umkehren* 2 (*перен.*), *zuhaue*n 3, *zuspitzen* 2 (*перен.*); *überladen*, *überraschen*, *übermüden*.

The Russian causative verbs are also numerous: *зававлять*, *захвалить*, *веселить*, *радовать*, *порадовать*, *смешить*, *рассмешить*, *напугать*, *влюбить*, *предостеречь*, *испортить*, *тревожить*, *потревожить* и т.д.

The Spanish causative verbs are numerous in number but the problem with the differentiation and definition of their structural peculiarities is obvious. Sometimes it is difficult to define the way the verb was derived from or on which derivation step it was created. It is known that not all morphemes which occur in contact position can be connected. Two elements of the semantic unity being ultimate constituents cannot be at the same time immediate constituents. The Spanish causative verb *indisponer* actually is not derived from the verb *disponer* with the help of the prefix *in-*. The way this causative verb is created is called back-formation (or back-derivation, reversion) *indipuesto* – *indisponer*. Other examples should be also mentioned, e.g. *desordenar*, *desaficionar*, *desamar* – are verbs which are derived from verbs with the help of prefix *des-*. Taking the examples into consideration the Spanish causative verbs have prefixes in their

structure but the way the verbs are formed should be thoroughly studied. Sometimes it is difficult to distinguish but still possible.

All facts and examples considered in connection with the structural peculiarities of the verbs that denote the psychoemotional state of a person in the English, German, Spanish and Russian languages, it is possible to make a conclusion that the structure of the verbs vary greatly in different groups of verbs. For essive verbs in all four languages the similar feature is the simple verb structure (without any derivational morphemes). For the inchoative German, Spanish and Russian verbs the reflexive pronoun *sich* (German verbs), the postfix *-ся* (Russian) and the postfix *-se* (Spanish verbs) are the constituent elements of the majority of verbs. But this feature is not typical of the English inchoative verbs. Still the fact which should be mentioned that for the English and for the Spanish language the meaning 'to begin experience a state' is expressed with the help of the phrase, e.g. in English *to fall in love*; in Spanish *ponerse rojo* 'to become red', *perder la cabeza* 'to lose control', *perder la fe* 'to lose the faith'.

For the causative verbs in the English, German, Spanish and Russian languages the prefixes in the verb formation play an important role, still one should bear in mind that prefixation is the most productive way of verb formation for the Russian verbs, then for the German verbs, then for the English and the last position is occupied by the Spanish causative verbs. Suffixation is also productive for the causative verbs among all four languages. But still the most productive for the Russian, then for the English verbs, then for the German verbs and the last position is occupied by the Spanish verbs. The common feature for all studied essive, inchoative and causative verbs is that among all of them the greater quantity is occupied by the verbs which are simple in structure. For further study the verbs of other structurally different languages are to be included to reveal special and common peculiarities and to make new conclusions which are actual for modern contrastive-comparative linguistics.

LITERATURE

1. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования / Н. Д. Арутюнова. – М., 2007. – 219 с.
2. Кубрякова Е. С. Что такое словообразование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 78 с.
3. Мешков Ю. Д. Словообразование современного английского языка / Ю. Д. Мешков. – М. : Наука, 1976. – 245 с.

АННОТАЦИЯ

Навроцкая Н. А. Структурные особенности глаголов, которые обозначают психоэмоциональное состояние

человека, в английском, немецком, испанском и русском языках

В статье идёт речь о сравнительно-сопоставительном исследовании глаголов, которые выражают психоэмоциональное состояние человека, в английском, немецком, испанском и русском языках. Особенное внимание уделяется сравнению структурных особенностей глаголов, которые классифицированы как эссивные, инхоативные и каузативные. Исследование особенностей структурного оформления глаголов английского, немецкого, испанского и русского языков даёт возможность сделать выводы относительно количественного расхождения глаголов, которые были выбраны методом сплошной выборки и являются материалом исследования.

Ключевые слова: семантика, словообразование, эссив, инхоатив, каузатив.

SUMMARY

Navrotskaya N. A. The structural peculiarities of the psychoemotional verbs in the English, German, Spanish and Russian languages

The article presents the contrastive-comparative analysis of the verbs that denote the psychoemotional state of a person in the English, German, Spanish and Russian languages. Special attention is paid to the comparison of the structural peculiarities of the verbs which are classified as essive, inchoative and causative. The analysis of the peculiarities of the structure of the verbs makes it possible to suggest the conclusions as for the quantitative differences in the number of the verbs chosen for the research.

Key verbs: semantics, word formation, essive, inchoative, causative.

*И.В. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'272'81'373.49

**ДИСФЕМИЗМ КАК СРЕДСТВО ПРОЯВЛЕНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ АГРЕССИИ**

Сегодняшние экономические и социально-политические процессы отражаются в лексической и словообразовательной подсистемах языка, подвергая их значительным изменениям. Следствием данных изменений стало усиление проявления языковой личности в тексте, ослабление самоцензуры,

привнесение разнообразных деформаций нормы и увеличение оценочных новообразований, как позитивной, так и негативной направленности. Новообразование, как единица языковой картины мира человека, несет собеседнику не только информацию, но и личностную эмоционально-оценочную характеристику той или иной ситуации, что обуславливает актуальность нашего исследования. Дисфемизм, как разновидность оценочной формы наименования (обычно негативной направленности), выбирается говорящим намеренно для маркирования ситуации одновременно культурной, социальной и коммуникативной напряженности. И в этом смысле изучение дисфемизма позволяет выявить национальные и социокультурные предпочтения носителей языка, их ценностные установки, что, в свою очередь, представляет интерес как для филолога, анализирующего языковой материал, так и переводчика, которому необходимо владеть всем арсеналом языка источника и языка перевода.

Таким образом, целью нашего исследования является определение статуса дисфемизма, анализ его роли в современной языковой картине, отнесенности к средствам языковой агрессии, а также взаимоотношений дисфемизма со смежными явлениями и литературной нормой.

В связи с обозначенными выше изменениями журналистика будто бы приобрела новую установку – максимально отражая живую речевую ситуацию в обществе, вобрать в себя самые разнообразные формы речевого общения. Современная пресса стремится отразить речевую практику многих социальных групп, что приводит к сосуществованию и активному взаимодействию в языке современных СМИ крайне разнородных языковых средств. Наше исследование базируется на материалах текстов СМИ в силу того, что именно СМИ выступают сегодня одной из важнейших форм существования общественно-языковой среды и отображения социально-культурной действительности, они выступают мощнейшим средством формирования общественной мысли, урегулирования отношений и осуществления социального контроля.

Несмотря на то, что лингвистика заинтересовалась изучением феномена речевой агрессии сравнительно недавно, в отличие от таких наук, как социология, психология и политология, эта тема уже довольно широко представлена в современных лингвистических исследованиях.

Преимущественно предметом лингвистических студий становится осознанная речевая агрессия, то есть намеренное вторжение адресанта в коммуникативное пространство адресата, огрубление, вульгаризация литературного языка, проявляющиеся

в употреблении ненормативной лексики, негативной оценке личности через использование ярлыков. В нашем понимании, подобные ярлыки собственно и являются дисфемизмами. В этом случае адресант сознательно выбирает определенные речевые стратегии и тактики.

В последние десятилетия внимание лингвистов (например, работы Е.В. Кокориной) привлекли проблемы речевой агрессии в текстах СМИ. Наличие элементов речевой агрессии в журналистском тексте обычно рассматривают с позиций лингвистического, лингвоидеологического и риторического анализа. Лингвистический анализ предполагает анализ собственно языковых средств, в первую очередь лексических. Лингвоидеологический анализ направлен на проявляющуюся в тексте систему ценностей, находящихся в своем речевом выражении в идеологемах. Риторический анализ текста рассматривает способы внутренней организации текста, к примеру, степень его диалогичности.

На уровне языковых средств выражения негативное отношение к субъекту или ситуации чаще всего маркируется использованием нарочито грубых, вульгарных, стилистически сниженных слов и выражений, дискредитирующих оппонента и формирующих восприятие субъекта как ненадежного, нежелательного, вызывающего неприязнь, отвращение и/или ненависть. Это позволяет нам утвердиться во мнении, что современный дисфемизм – не просто стилистическое средство, это средство проявления языковой агрессии.

Первое упоминание о дисфемизме сделано в «Очерках по стилистике английского языка» И.Р. Гальперина. Автор понимает дисфемизм как лексико-фразеологическое стилистическое средство, указывая, что в английском языке существует группа слов, которые называются дисфемизмами или какофемизмами [2, с. 165]. Их стилистическая функция противопоставляется той, которую выполняют эвфемизмы. Они выражают понятия в более резкой и грубой, обычно нелитературной, форме в сравнении со словом, закрепленным за этим понятием.

Позднее дисфемизм упоминается в большинстве работ в связи с изучением средств эвфемии как прямое противопоставление последним по своему характеру и предназначению [4]. В некоторых трудах [1; 5; 6] акцентируется синонимическая природа дисфемизма, вербализирующего противоположное эвфемизму направление на оси оценочного денотата, или категорично фиксирующего тот или иной факт, традиционно подаваемый литературной нормой в более мягком варианте.

Несмотря на то, что последнее время лингвисты значительно чаще вспоминают о существовании дисфемизма (например, исследования В.И. Жельвис, О.А. Ставицкой, Г.Ч. Гусейнова), ученые рассматривают дисфемизм преимущественно как элемент инвективной лексики, определяемой как намеренное переключивание слов с целью придания им грубого инвективного значения [3, с. 205].

В нашем исследовании мы определили дисфемизм как целенаправленное выпячивание негативных сторон и/или недостатков денотата, значительное ухудшение характеристик объекта. Исходя из определения термина, правомерным оказывается вопрос взаимодействия дисфемизма и нормы.

Традиционно чистота речи связывается с отсутствием в ней нелитературных элементов языка (прежде всего диалектных, просторечных и жаргонных слов и словосочетаний) и элементов языка, речевых оборотов, противоречащих нормам этики. В процессе развития языка отношения литературной нормы и речевой практики оказываются неоднородными. На современном этапе, характеризующемся значительной демократизацией литературной речи, привлечением в нее языковых средств, не отвечающих требованиям нормы, консервативность и строгость нормы слабеют, местами даже нивелируются. Это позволяет внедриться в литературную речь элементам, ранее безоговорочно не принимаемым нормой, выбраковываемым как ненормативные.

Далеко не последнюю, а возможно даже и основную, роль в этом процессе играют СМИ. Исследователи средств массовой информации, их роли, значимости и влияния, определяют интервью, ток-шоу и (политические) дебаты самыми популярными жанрами публицистики. Интервью тяготеет к перерастанию в развернутый проблемный диалог. В политических предвыборных дебатах и ток-шоу зачастую собеседники вынуждены реагировать спонтанно, использовать неподготовленные тексты, что ведет к использованию ими первых, пришедших в голову и показавшихся уместными языковых единиц, что, в свою очередь, ведет к нарушениям нормы и далее, к закреплению в речи новых словосочетаний, синтаксических и других моделей.

Так в русский язык (как и во многие другие) внедрились и продолжают внедряться огромное количество заимствований, преимущественно из английского языка, доказательством чему служат многочисленные исследования влияния английского языка на русский, украинский, французский, немецкий и другие языки.

Современный дисфемизм обладает шаржевой сущностью. Шарж, как разновидность карикатуры, при сохранении внешней схожести, выделяет, или выпячивает, заостряет и заменяет характерные признаки объекта. Таким образом, дисфемизм можно признать оружием языковой карикатуры, при помощи которой некая «жертва» предстает в нелепом и несуразном виде. Дисфемизм призван актуализировать негативную составляющую характеристики объекта.

Например, нейтральное по шкале оценки слово *умереть* (англ. *to die*) может быть представлено целым списком дисфемизмов практически в любом языке: русск. *сыграть в ящик, отбросить коньки, откинуть хвост, откинуть копыта, отдать концы, дуба дать, загнуться*; укр. *врізати дуба, склеїти ласти, скопититися, подохнути, здохнути, відкоптіти, відчадіти, згинутися, відпердітися, відісцятися, накритися кришкою*; англ. *to kick the bucket, to go off the hooks, to peg out, to go belly up, to snuff it, to bite the dust, to pushing up daisies*.

В связи с изменением общественной ситуации происходит закономерное обновление языка, новые реалии вносят в язык свои наименования. Новообразования последнего времени широко представлены в языке средств массовой информации. Это объясняется тем, что СМИ, как вид массовой коммуникации, разносторонне и быстро отражают события каждого нового дня. СМИ значительно быстрее всех других жанров письменной речи отражают сдвиги, которые происходят во всех сферах жизни общества, и в большинстве случаев являются первым письменным источником, фиксирующим рождение новых слов, значений и выражений, претендующих на вхождение в общеупотребительную лексику. Кроме того, именно в СМИ возникают и определяются многие важнейшие тенденции развития современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. – 378 с.
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во лит-ры на ин. яз., 1958. – 459 с.
3. Жельвис В. И. Слово и дело : юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 194-206.
4. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия / А. М. Кацев. – Л. : Изд-во ЛГПИ, 1988. – 80 с.

5. Крысин Л. П. Эвфемизмы современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 384-407.
6. Шейгал Е. И. Эвфемизация в политическом дискурсе / Е. И. Шейгал // Языковая личность : проблемы креативной семантики : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 158-171.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В. Дисфемизм как средство проявления языковой агрессии

В статье анализируется современный статус дисфемизма, прослеживается история возникновения понятия и соотношение дисфемизма, нормы и языковой агрессии в средствах массовой информации.

Ключевые слова: языковая агрессия, норма, дисфемизм.

SUMMARY

Reshetarova I. V. Dysphemism as a means of the linguistic aggression manifestation

The article speculates on the dysphemism status in modern language. The analysis results into the contrivance of dysphemism definition and identification of its role, impact and functions together with their relations with the literary norm and the linguistic aggression in modern mass media.

Key words: linguistic aggression, norm, dysphemism.

*И.В. Розова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 801.6+802.085

СИМВОЛЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В АНГЛИЙСКОМ САТИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ XX СТОЛЕТИЯ

Система образов художественного текста функционирует в определенных пространственно-временных рамках [2, с. 147], которые отличаются от реального времени. Автору-сатирику присущ своеобразный, неповторимый творческий метод, которому свойственна специфика изображения временно-пространственных категорий.

В современной лингвистике считается, что проблемы пространства и времени так, как они ставятся в художественном

произведении, имеют три аспекта: **художественно-гносеологический** (отражение искусством как особым способом познания мира его пространственных и временных отношений, а также отражение этих отношений в соответствии со спецификой художественного освоения мира); **онтологический** (так как каждое произведение искусства, будучи материализацией некоего духовного содержания, попадает в пространственно-временной континуум, в котором реально существует все материальное); **психологический** (созерцание человеком художественного произведения – просмотр кинофильма, спектакля и т.д. – когда за короткий период реального времени зритель способен прожить вместе с персонажем дни, месяцы, годы) [4].

Выделяются такие свойства художественного времени, как одномерность/многомерность, динамичность/статичность, разнонаправленность и т.д. [7, с. 99]. Рассматриваются такие свойства, как **стяжение времени** – техника, при которой события нескольких десятилетий, поколений даются в их последовательности в рамках одного произведения и **растяжение времени** – показ событий одного дня, суток в рамках целого эпического произведения. При этом отмечается, что временная ориентация повествования – одна из наиболее существенных характеристик художественного текста [3].

Большой вклад в разработку вопросов художественного времени и пространства внесли такие ученые, как Д. Лихачев, Л.Я. Тураева, В.В. Иванов и др. М.М. Бахтин не только осуществил детальный анализ художественного времени в произведениях различных жанров, но и ввел термин «хронотоп», который понимается как формально-содержательная категория литературы. В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. При этом время в нем не сгущается, уплотняется, становится художественно зрелым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории [1, с. 121-122]. В сатирических текстах пространство и время образуют единый хронотоп, который достаточно сложно расчленишь. Данный символ сатирического текста не подвержен видоизменениям и преобразованиям контекстуального характера.

Необходимо отметить связь категории художественного времени с темпоральной структурой текста. Под темпоральной структурой текста понимается сеть отношений, связывающая языковые элементы, включающиеся в передачу временных отношений и объединенные функциональной и семантической общностью. Для интерпретации вариативности времени,

моделируемого в различных текстах, важно учитывать, помимо темпоральной структуры, их временную соотнесенность с внеязыковой действительностью [7, с. 86].

Функционально-семантическая категория темпоральности и категория художественного времени имеют ряд различий. Темпоральность в тексте создается за счет микросистемы видовременных форм, включающей лексические показатели времени, формы косвенных наклонений, сочетания инфинитива с модальными глаголами и др. Художественное время моделируется с помощью комплекса взаимодействующих средств различных уровней: композиции, лексической системы, разного рода поворотов, стилистических приемов и пр. Важная роль в формировании художественного времени принадлежит композиции произведения [7].

Рассмотрим функциональные аспекты темпоральной структуры рассказа И. Во «Bella Fleace gave a party». Напыщенная, жеманная мещанка преклонных лет Бэлла Флис устраивает Рождественский Бал, которому предшествует тщательная подготовка: «благородная леди» приглашает представителей местной «элиты», тратит огромные деньги (чтобы не достались наследнику), в результате же остается одна – на бал никто не приходит, так как приглашения остаются неотправленными.

Рассказ необычен своим сюжетом. Топофон здесь достаточно актуален, место действия – старинное родовое поместье, пришедшее в упадок. Текст содержит большое количество временных наречий, а также адвербиальные и временные группы. Текст возможно разделить на несколько логических частей. Во второй логической части повествования функционируют 4 временных элемента, указывающих на стремительное развитие сюжета:

In winter before the sne we are talking of she had been extremely ill. She emerged in April, rosy cheeked as ever... In June took the unprecedented ster of inviting her heir to visit her. He arrived in August. (Waugh, The Complete Short stories p. 157)

В третьей части количество временных индикаторов вырастает, хотя главный акцент делается на описании напряженного ожидания героини.

On the day of the ball, before noon. She had no luncheon that day. At six she went up to dress. It struck eight. Bella waited Nobody came. At half past twelve Bella rose from her chair.

(Waugh, The Complete Short stories p. 158)

Кульминацией рассказа является появление «незваных гостей» – «Lord and Lady Mock Stock, Sir Samuel and Lady Gordon». Героиня уходит из жизни, не в силах вынести

разочарования. Умирая, она произносит всего одну лишь фразу: “They came unwited, those two ... and nobody else”. Целая неделя понадобилась племяннику Бэллы для разбора личных вещей: “among them he found in her escritoire stamped, addressed, but unposted, the insitations to the ball”.

В соответствии с гипотезой, предложенной Н.И. Панасенко, сюжетная структура сатирического текста может соответствовать четырем типам: «вилка», «цепочка», «кольцо», «веер» [6].

Данный рассказ является образцом вероятного развития сюжета в соответствии с позицией действующего лица и читателя. Так, для леди, которая создает иллюзию общения с элитой, педантично готовясь к балу и забыв отправить приглашения, модель развития сюжета представляет собой веер. Для наследника, который попадает в старинное поместье с определенным интервалом, – это цепочка. Смерть Бэллы создает замкнутый круг, и читатель воспринимает этот сюжет как кольцо. Набор времени Present, Past Indefinite, Past Perfect в сочетании с адвербиальными и именными группами служит одной цели: показать равнодушие и цинизм в чувствах и поведении персонажей. Отсутствие Future tenses указывает на тот факт, что будущего у этих людей нет, они пусты настолько, что от них остается лишь оболочка из светских предрассудков, небрежных жестов и изысканных манер.

Рассмотрим некоторые аспекты отражения художественного времени и пространства в сатирических текстах больших форм, т.е. сатирических романах. Сатирический роман представляет собой системное единство, возникшее как оппозиция двух структур: объективной (общество) и субъективной (автор). Данная оппозиция практически реализуется в семантике, где биполярность лингвистического знака – «означаемое – означающее» соответствует биполярности объективной и субъективной структур.

Как и в любом другом художественном тексте, в сатирическом романе присутствуют текстообразующие и текстоформирующие элементы, обеспечивающие организованность содержания романа, его относительную смысловую законченность. Textoобразующие элементы, являясь носителем информации сигнификативного плана, составляют интеллективное ядро романа. Они представлены такими фабульными фрагментами текста, как экспозиция, завязка, кульминация и развязка. Данные фрагменты продвигают сюжет романа и способствуют восприятию романа как реально функционирующего коммуникативного целого.

Сатирический роман существует в особом концептуальном пространстве и времени, которые «отражают свойства реальности на уровне понятий и представлений» [7, с. 20].

Идеальная сторона сатирического романа, мир образов, создаваемых в нем, реализуется в сатирическом хронотопе – пространственно-временных границах повествования. Пространство и время выступают в качестве взаимосвязанных и взаимоотражающих понятий и находятся между собой в отношении дополнительности [5].

Хронотоп английского сатирического текста представляет собой «не элемент материального мира, который существует в реальном времени и пространстве, а образную модель действительности, которая создается в произведении» [7, с. 20].

При анализе пространственно-временных границ английского сатирического романа (АСР) представляется возможным выделить внешний хронотоп, связанный с локализацией целостного повествования в историческом пространстве – времени человеческого бытия, и внутренний хронотоп, т.е. ограниченное пространство – время самого романа.

Внешний хронотоп (АСР) представляет собой комбинацию двух типов, а именно: нефиксированного и фиксированного во времени. И тот, и другой виды хронотопа отнесены на хронологической оси к прошлому. Но, в отличие от фиксированного хронотопа, нефиксированный хронотоп не ассоциируется с какой-либо конкретной или условной точкой на этой оси.

К примеру фиксированного внешнего хронотопа отнесем роман И. Во “The Sword of Honour Trilogy” – “Men at Arms, Officers and Gentlemen”, “Unconditional Surrender”, роман “Put out more Flags”, – относящиеся к периоду Второй мировой войны, примерами нефиксированного внешнего хронотопа являются романы И. Во “Decline and Fall”, “The Scoop”, “Black Mischief”.

Внутренний хронотоп романа, т.е. его собственный **временной** и **пространственный** локусы, имеет свою специфику. Временной локус внутреннего хронотопа связан с длительностью протекания описываемых в романе событий. События романа могут разворачиваться как в течение одной недели – кратковременный хронотоп (“The Scoop” И. Во), так и в течение нескольких лет (“Brideshead Revisited”, который может быть определен как длительный хронотоп). Согласно данным количественного анализа, для АСР характерен длительный хронотоп, встречающийся в большинстве романов.

Специфика внутреннего хронотопа АСР в плане пространственного локуса заключается в том, что из двух возможных вариантов – локус холистичный (т.е. единство места описываемых в романе событий) и локус членимый (как разведенность событий в пространстве) – в АСР

реализуется второй. То есть, общее пространство романа задается перемещениями главного героя (героев) из одной пространственной области в другую.

Общее внутреннее пространство событий сатирического романа имеет свою концептуальную «прорисовку», обусловленную наличием индивидуальных топосов сатирических персонажей. Индивидуальный топос может быть динамичным в том случае, если для сатирического актанта характерны перемещения в пространстве, и статичным, если местонахождение сатирического персонажа неизменно, стабильно. Концептуальная модель общего внутривпространственного локуса АСР задается способами взаимодействия индивидуальных статичных и динамичных топосов.

Таким образом, анализируя символы художественного времени и пространства, можем сделать вывод о том, что в английском сатирическом тексте художественное время и пространство отличаются от реального благодаря динамике сюжета, героям, участвующим в нем, ретроспективному показу событий и описанием событий, которые произойдут через некоторое время, а также параллельным существованием нескольких времен.

Способы выражения художественного времени и пространства зависят от авторского мировидения, образного переосмысления неповторимого сатирического хронотопа возможного мира автора-сатирика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М. : Сов. писатель, 1963. – 363 с.
2. В'язовський Г.А. Світ художньої літератури / Г.А. В'язовський. – К. : Дніпро, 1987. – 252 с.
3. Домашнев А.И. Интерпретация художественного текста: немецкий язык: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностранные языки» / А.И. Домашнев, И.П. Шишкина, Е.А. Гончарова. – М. : Просвещение, 1989. – 208 с.
4. Каган М.С. Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки / М.С. Каган // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л. : Наука, 1974. – С. 26-39.
5. Мелетинский Е.Н. Поэтика мифа / Е.Н. Мелетинский. – М. : Просвещение, 1995. – 275 с.
6. Панасенко Н.И. Категория художественного времени в прозаических, поэтических и песенных текстах / Н.И. Панасенко // Мова і література. Серія філологія. Вип. 5.

- Том 1. Частина друга. Філософія мови і культури. Видавничий Дім Дмитра Бураго. – Київ, 2002. – С. 120-130.
7. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Пособие для студентов пед. ин-тов / З.Я. Тураева. – М., 1986. – 127 с.
8. Waugh E. The Complete Short Stories / E. Waugh. – Everyman's library, 1998. – 592 p.

АННОТАЦИЯ

Розова И. В. Символы художественного времени и пространства в английском сатирическом тексте XX столетия

В статье раскрываются специфические особенности пространственно-временных категорий сатирического текста. Рассматривается темпоральная структура произведения как малой (уровень рассказа), так и большой (уровень романа) формы. Изучается структура внешнего и внутреннего хронотопа английского сатирического романа. Внешний хронотоп представляет собой комбинацию двух типов: нефиксированного и фиксированного во времени. Внутренний хронотоп отмечается наличием собственно временного и пространственного локусов. Специфика внутреннего хронотопа заключается в наличии двух вариантов – локуса холистичного и локуса членимого.

Ключевые слова: хронотоп, внешний хронотоп, внутренний хронотоп, временно-пространственные отношения, сатирические тексты больших и малых форм.

SUMMARY

Rozova I. V. Symbols of artistic time and space in English satirical texts of the XXth century

The article focuses on the problems of disclosing the specific temporal and distance categories of a satirical text. Two textual forms (of a story and of a novel) are being submitted through their representation of peculiar temporal and distance features of the English satirical novel. The outside chronotope presents the combination of two types: temporally fixed and non-fixed. The inside chronotope is marked by definitely temporal and distance locations. The specific essence of the inside chronotope is being disclosed by two variants: divisible and indivisible ones correspondingly.

Key words: chronotope, outside chronotope, inside chronotope, temporal-local relations, satirical texts of large and small forms.

*Е.В. Рочняк, А.В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.612.2(811.161.1+811.111+81.133.1):656.2

СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Семантические способы словообразования основаны на переосмыслении исходного слова, в результате которого появляется новое значение. Поэтому, исходное и новое слово при полном внешнем (прежде всего, звуковом) совпадении различаются не только по значению, но и по словообразовательным и грамматическим признакам.

Слова, возникшие семантическим путем, нередко отличаются экспрессивно-стилистической окрашенностью, образностью в связи с тем, что они возникают в результате метонимических и метафорических переносов путем ассоциативного и коннотативного мышления.

Специфика семантического способа образования терминов, в отличие от общелитературного семантического словообразования, проявляется в том, что обычно семантические образования являются результатом длительной эволюции слова, завершающейся, как правило, образованием слов-омонимов. В терминологическом же образовании происходит приспособление существующих слов за короткий срок.

Отечественный терминовед Д. С. Лотте [2, с. 285] отмечает следующие достоинства терминов, образованных семантическим путём: краткость, меткость и доходчивость. Но подобные образования, по его мнению, обладают и отрицательными чертами: эти термины часто не отражают или даже затемняют и искажают классификационные связи, которые существуют между соответственными понятиями. Отмечаются и другие недостатки терминов семантического образования:

а) термины находятся в отношениях омонимии со словами общеупотребительными;

б) аналогии, характерные для семантического терминообразования, создают условия для экспрессивности и эмоциональности термина, чего не должно быть у термина.

Материалом для терминообразования семантическим способом издавна служили, в первую очередь, слова основного словарного запаса, давно живущие в языке, обозначающие жизненно важные, окружающие человека предметы и типичные явления.

Современная терминология, являясь актуальным вопросом современных лингвистических учений, особое внимание уделяет вопросам переноса значения (метафоризации и метонимизации), которым посвящен ряд работ. В частности, следует назвать работы С. В. Микони, В. В. Примы, О. О. Селивановой, И. В. Скуратова, Э. А. Сорокина, А. Х. Султанова, В. А. Татаринова.

Рассмотрим железнодорожные термины, образованные посредством видов семантического переноса.

Метафоризация, т.е. расширение смыслового объема слова за счет возникновения переносных значений и усиления значения, образует следующие термины английского, французского и русского языков.

Английский язык: *arm, bed, blade, body, chair, coat, diamond, dress.*

Французский язык: *sabot, crémaillère, coude, crampon, depot.*

Русский язык: башмак, горка, горло, гребень, колено, костыль, крыло.

Метафоризация является одним из наиболее распространенных и продуктивных способов терминообразования. Поэтому семантический перенос непосредственным образом участвует в создании и пополнении любой отраслевой терминологии.

Согласно Е. В. Демишкевич [1], в английском языке выделяются следующие группы терминов, образованных посредством метафорического переноса:

1. Внешнее сходство частей тела человека или живых существ, например: *arm* – кронштейн; *tongue* – остряк; *frog* – крестовина; *body* – кузов вагона; *foot* – кабина.

2. Сходство функций одежды или ее частей, например: *pocket* – балластное корыто (пространство, заполненное щебёночным или асбестовым балластом, общелитературное значение слова *pocket* – карман); *arm* – пролёт; *shoe* – башмак.

3. Сходство функций предметов, используемых в быту: *bed* – полотно, от *bed* – кровать; *pan* – башмак (опрокидывающий), от *pan* – кастрюля; *refrigerator* – изотермический вагон, от *refrigerator* – холодильник; *umbrella* – водозащитный зонт, от *umbrella* – зонт, *cheese* – круглая заготовка для бандажей, от *cheese* – круглая головка сыра.

4. Сходство действия: *bleed* – делитель напряжения образовано от глагола *to bleed* – кровоточить, проливать кровь, пускать кровь.

Подобные группы можно выделить и во французской железнодорожной терминосистеме:

1. Внешнее сходство с предметами окружающего мира, с животными, например: *un wagon à plate-forme* – вагон без бортов (с плоской формой дна); *un wagon-grue* – железнодорожный кран (где *grue* – журавль); *un T (té)* – крестовина (форма буквы напоминает предмет).

2. Сходство функций одежды или ее частей, например: *un wagon à chaussettes* – вагон с низкими бортами (дословно *chaussettes* – носки).

3. Сходство функций предметов, используемых в быту: *une locomotive de pousse* – толкач (от глагола *pousser* – толкать); *une locomotive à prise de courant* – контактный электровоз (от *prendre* – брать, *courant* – ток); *une locomotive à turbine* – турбовоз, *un wagon autoréfrigérant* – вагон-рефрижератор; *un wagon climatisé* – вагон с кондиционированием воздуха.

4. Сходство действия: *un wagon de coulée* – разливочная тележка (от глагола *couler* – разливаться, течь); *un support* – кронштейн (от глагола *supporter* – поддерживать, выносить, выдерживать).

Термин приобретает новое значение посредством и при помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора. Использование семантического переноса при образовании терминов в каждом из исследуемых языков является проявлением национального сознания, отражая способ метафоричности определенного языка, который может быть различным в силу ряда причин.

Во-первых, разнообразны сами способы образования исходной языковой формы, например, заостренная часть стрелки в английском языке называется *tongue* – чистая метафора, а в русском – *остряк* – термин, образованный морфологическим способом; *плеть* – русская метафора, имеет в английском языке аналог, образованный синтаксическим способом – *long welded rail*;

Во-вторых, если в разных языках в основу номинации и положен семантический перенос, то признак, лежащий в основе переноса в этих языках, может отличаться: так, русскому метафоричному термину *полотно* в английском соответствует метафорический термин *bed* (буквальный перевод – *кровать*).

Метафора способствует лучшему восприятию научных понятий и приводит к существенной экономии языковых средств. В условиях быстрого развития науки и техники это обстоятельство является весьма существенным.

The trend toward widespread piggyback services led to development of hub-and-spoke operations. (Тенденция к распространению контейнерных перевозок привела к развитию «веерных» технологий.)

Термины, образованные с помощью метафоризации или, другими словами, ассоциации по каким-либо признакам – либо внешнее сходство, либо сходство функций. Очевидно, что ассоциация по внешнему сходству более простая и формирует большую часть терминов-метафор в терминологии железнодорожного транспорта.

Так, во французском языке, термины *l'âme* (сердечник), *l'arbre* (вал), *chemin de fer de ceinture* (окружная железная дорога), *un tête de coupe* (головка шнекового бура) были образованы на основе схожести предметов.

Термин *arbre* – дерево (техническое значение «вал») образовалось на основе внешней схожести (формы) предметов, так же как и *une fourche* (тех. скоба, вилка). Значение «сердечник» появилось от основного значения – *l'âme* «душа», так как он расположен в центре и является главной частью механизма, а *le berceau au moteur* (цилиндрическое крепление мотора) пошло от *le berceau* (колыбель), то есть можно наблюдать сходство как внешнего вида, так и функций – место, где «лежит» мотор.

Следует отметить, что метафоризация характерна не только для моноксемных терминов, но и в ещё большей степени для полилексемных. Так, например, среди английских многокомпонентных железнодорожных терминов, образованных с помощью метафорического переноса, можно назвать следующие:

<i>railfoot</i>	<i>bedofballast</i>	<i>boilerbody</i>	<i>steamlap</i>
<i>boilercradle</i>	<i>boilerfoot</i>	<i>boilerhead</i>	<i>boilerjacket</i>
<i>boilershell</i>	<i>carbody</i>	<i>fishplate</i>	<i>plate-nail</i>
<i>railhead</i>	<i>railwaybed</i>	<i>steambox</i>	<i>steamchest</i>

К многокомпонентным терминам во французском языке относятся:

<i>patin de câble</i>	<i>patin de palier</i>	<i>rail denté</i>
<i>boîte d'essieu</i>	<i>patin de la crosse</i>	<i>patin de rail</i>
<i>rail de guidage</i>	<i>clou à crochet</i>	<i>patin de frein</i>
<i>rail d'appui</i>	<i>rail à patin</i>	<i>plate-forme</i>
<i>patin guide</i>	<i>rail de contact</i>	<i>rail en U</i>
<i>wagon-grue</i>		

Русские термины (многокомпонентные), образованные с помощью метафорического переноса:

<i>барабан котла</i>	<i>головка рельса</i>	<i>гребень колеса</i>
<i>земляное полотно</i>	<i>подошва рельса</i>	<i>капот двигателя</i>
<i>кожух котла</i>	<i>корпус котла</i>	<i>костыль</i>

паровой змеевик

паровой колпак

паровой рукав

профиль рельса

подбрюшник котла

подушка

В ходе исследования выяснилось, что данные термины можно систематизировать по родо-видовой иерархии, например:

Английский язык: *yard, departureyard, flatyard, freightyard, holdyard, marshallingyard, repairyard, sortingyard*.

Французский язык: *voie, voie auxiliaire, voie birail, voie de branchement, voie de communication, voie direct, voie électifiée, voie double / monorail, voie large / étroite, voie de raccordement, voie de remisage*.

Русский язык: *парк, грузовой парк, парк путей, парк отправления, отстойный парк, безгорочный сортировочный парк, подгорочный сортировочный парк, приёмно-отправочный парк*.

Данные термины образованы при помощи родового метафоризированного термина (*парк, voie* и *yard*).

Более сложными считаются ассоциации, появившиеся вследствие сходства функций, так как для их появления мало исключительно внешнего сходства, но и сходства в самой сущности сравниваемых предметов, реалий, объектов научного познания. Одним из примеров данной ассоциации может служить английский термин *frog* («лягушка»), соответствующий русскому термину «крестовина стрелочного перевода». В данном случае в английском языке ассоциация возникает по аналогии с прыжком лягушки, так как функцией стрелки является перевод поезда между путями, в русском же языке данный термин образуется по внешнему сходству – *крестовина*.

Во французском языке примером подобного типа может служить термин «*patin de frein*» – тормозной башмак, где значение *patin* – конька, который скользит, используется в значении башмак на основе общего качества предмета.

Метафора создается не только на основе существенных и общих качеств предметов или явлений, но также и на всех их второстепенных значениях. Поэтому метафора может быть развернутой, если в словосочетании используются два компонента, появившиеся в результате метафорического переноса. Например: *arbre coudé* (коленчатый вал), *manchon à griffes* (кулачковая муфта), *coude avec la bride* (колесо трубы с фланцем).

Семантический перенос, а в частности, метафоризация, более продуктивен в английском языке, чем в русском и французском,

что некоторые исследователи, в частности Л.А. Чернышова [3], называют отражением характера данного национального языкового сознания.

Метонимия основывается на смежности значений, понятий или явлений, и в отличие от метафоры общий семантический элемент может отсутствовать, что не исключает взаимосвязь значений, понятий и предметов.

Смысл метонимии заключается в том, что она выделяет в явлении свойство, которое по своему характеру может замещать остальные. Метонимия может отличаться от метафоры, с одной стороны, большей реальной взаимосвязью замещающих членов, а с другой стороны, – большей ограничительной способностью, устранением тех черт, которые не заметны в данном явлении непосредственно. Метонимия создает различные категории отношений с реальной действительностью и ее отражением в человеческом сознании, отношения между предметами, лицами, действиями, процессами, явлениями, социальными институтами и событиями, местом, временем...

Например: *J'ai profité du chemin de fer pour arriver le matin.* – Я воспользовался железной дорогой, чтобы прибыть утром. В этом предложении «железная дорога» заменяет значение «поезд».

Примером в английском языке может служить следующее предложение: «*These wheels will drive you at your pleasure*». В нём словосочетание «*these wheels*» употреблено как разновидность метонимии, а именно синекдоха. При переводе на русский язык предложение будет звучать так: «Эти колеса гарантируют вам езду с удовольствием».

Метонимический перенос значения может обуславливать отношения полисемии как у термина-словосочетания, так и у односложного термина.

- автоматическая подстройка частоты (АПЧ): 1. процесс; 2. устройство для осуществления поиска и захвата нужной частоты.
- изолятор: 1. диэлектрик, вещество, плохо проводящее тепло; 2. электротехническое устройство для изоляции частей электрооборудования.
- настройка: 1. процесс регулировки; 2. положение регулятора: производить настройку у автоматического регулятора.

Следует заметить, что метонимия, в отличие от метафоры, более тесно связана с контекстом, поэтому значительно реже используется в качестве способа образования новых терминов.

Таким образом, можно утверждать, что терминологический слой железнодорожной лексики пополняется теми же путями, что и словарный запас языка в целом. И английский, и французский, и русский языки используют все существующие в их распоряжении средства и способы для расширения терминологического фонда в данной области, в том числе семантические способы формирования терминов железнодорожного транспорта, а именно метафоризацию и метонимизацию. Однако более продуктивным способом является перенос значения по схожести. Данный факт обусловлен меньшей привязкой метафоры к контексту в отличие от метонимии. Следует отметить, что метафоризация характерна не только для моноксемных терминов, но и в ещё большей степени для полилексемных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демишкевич Е. В. Социолингвистическое исследование английской терминологии железнодорожного транспорта : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Демишкевич Елена Владимировна; [Место защиты: Ом. гос. техн. ун-т]. – Омск, 2012. – 165 с.
2. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии / Д. С. Лотте. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.
3. Чернышова Л. А. Системные принципы исследования отраслевой терминологии железнодорожного транспорта / Л. А. Чернышова // Вестник Поморского ун-та. – 2008. – № 11. – С. 229-234.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В., Рочняк А. В. Семантические способы формирования терминов железнодорожного транспорта в русском, английском и французском языках

Настоящая статья посвящена изучению основных семантических способов формирования терминов – метафоризации и метонимизации. Показано, что метафоризация активно используется для формирования железнодорожной терминологии в русском, английском и французском языках. В то время как метонимия более тесно связана с контекстом, поэтому значительно реже используется в качестве способа образования новых терминов.

Ключевые слова: семантические способы формирования терминов, железнодорожная терминология, термин железнодорожного транспорта.

SUMMARY

Rochniak E. V., Rochniak A. V. The semantic ways of railway transport terminology formation in Russian, English, and French

This article is dedicated to the studies of the main semantic ways of terms formation – metaphorization and metonymization. The metaphorization is demonstrated as an active way to form railway terminology in Russian, English and French. At the same time metonymization is more closely connected with the context, and that's why it is used as a way of forming new terms much more sparingly.

Key words: semantic ways of terms formation, railway terminology, railway transport term.

*Е.Н. Санченко,
Е.А.Ткачева
(г. Луганск, ЛНР)*

УДК [811.111:811.161.1]'255.2:687.01

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ МОДЫ

В связи с постоянным развитием современных русского и английского языков появляется все больше и больше терминов не только технических и научных, экономических, медицинских, но и терминов из сферы моды. Вопрос о специфике терминов и средствах ее перевода всегда занимало особое место в сравнительном языкознании: его рассматривали в своих трудах по теории перевода В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, И. В. Арнольд, М. М. Глушко, Д. Лотте, А. А. Реформатский, В. С. Кулебакин, М. В. Головин, Я. П. Климовицкий, А. Л. Пумпянский, Е. Ф. Скороходько и другие. Проблема перевода англоязычной терминологии моды становится все более актуальной в данном аспекте. Все больше и больше ученых и лингвистов уделяют внимание разработке различных вопросов именно в этой области.

Актуальность статьи заключается в том, что перевод терминологии моды играет важную роль в культурном измерении, т.к. к ценностным формам проявления эстетических отношений культуры принадлежит феномен моды.

На протяжении веков мода имела разные направления, обусловленные национальными особенностями, местными обычаями, культурным уровнем. «В силу интеграционных процессов в современном мире мода стала интернациональным «продуктом», но, будучи космополитичной по своему характеру, она сохраняет, тем не менее, свой национальный колорит»

[2, с. 150]. «Мода прет-а-порте стала настоящей индустрией, ее тиражированием, распространением занимаются журналы и каталоги моды. Ее феномен настолько изменился, что она стала самостоятельным культурным объектом, попав в сферу массовой коммуникации. Наличие ярко осознаваемого коммуникативного начала моды позволяет ставить вопрос об ее особом дискурсе» [1, с. 99].

Исследовательское внимание в данной работе концентрируется на проблеме адекватности передачи английского термина из сферы моды на русский язык.

Существует много точек зрения относительно определения понятия «термин». Под термином мы понимаем слово или словосочетание, которое характеризуется моносемантичностью, применимостью в пределах специальной сферы (в нашем случае это – сфера моды), где общение осуществляется между специалистами с помощью профессионализмов, и такая коммуникация требует владения понятийно-категориальным аппаратом в сфере моды и знания соответствующей системы терминов.

Одной из самых распространенных сфер использования терминов в современном английском языке – сфера моды, которая охватывает большое количество тематических групп.

Современная терминология моды – сложное явление, в состав которой входят различные по значению тематические группы: ткани и материалы, крой и шитьё, универсальная одежда, женский гардероб, мужской гардероб, детский гардероб, верхняя одежда, нижнее бельё, профессиональная одежда, дизайн одежды и аксессуары, обувь, головные уборы, стиль, фасон.

В русской лингвокультуре ключевым понятием для феномена моды является «коллективное», общее, типичное для всего общества. Данный концепт соотносится с понятиями «образец», «манера», «правило», «предписание», «образ» в русском языке, и «shape», «manner», «mode» – в английском языке. Кроме того, в понимании англоязычного народа понятие «мода» ассоциируется с современными течениями (*evolutionary, popular, modern, etc.*), с чем-то положительным (*professional, beautiful, charismatic, etc.*), отмечают ее актуальность (*contemporary, actual, etc.*), указывают на общественность (*creation of society, social norm etc.*), отождествляют моду с последствиями модных тенденций (*classiness, fashionista, follower, jet set etc.*), отмечают связь моды с людьми определенной сексуальной ориентации (*gay people, homosexual*).

Сопоставительный анализ синонимических рядов лексемы *мода* в русском языке и лексемы *fashion* в английском языке

показывает, что в английском языке лексическая единица *fashion* имеет больше вариантов перевода: *style, mode, vogue, fad, rage, craze, dernier cri (cry)*.

Анализ лексических единиц из сферы моды в аспекте перевода показал, что калькирование (*jogging pants* – *штаны для пробежки*; *nightcar* – *ночной чепчик*; *stitching used in haute couture* – *шитье, используемое в высокой моде*; *haute couture* – *от кутюр*; *sack dress* – *платье-мешок*; *palazzo pyjamas* – *«дворцовые пижамы»*), экспликация (*Montex will be super-busy completing orders for Karl's Salzburg loafers*. – *Montex будут заняты производством туфель-лоферов*; *Chokers are back*. – *Колье-чокер снова на пике популярности*; *The sporty bombers were intended for a wobbly walk home at sunrise after a night of partying*. – *Спортивные куртки-бомберы предназначены для возвращения домой на рассвете после ночной вечеринки*) и транскрипция / транслитерация (*the haute couture dress* – *платье от-кутюр*, *Yves Saint Laurent* – *Ив Сен-Лоран*, *Julian MacDonald* – *Джулиен Макдональд*, *Sue Lawty* – *Сью Лоути*, *Piere Carden* – *Пьер Карден*, *prêt-à-porter collection* – *коллекция прет-а-порте (prêt-à-porter)*, *Anna Sui's grunge loo* – *образ в стиле «гранж» от Анны Суй*, *glitter filled jacket* – *жакет с эффектом глиттера*; *sweaters with trompe'loeil ties* – *мужские свитеры с галстуками-тронплей*) являются наиболее приемлемыми для перевода терминологии моды.

Результаты исследования позволили выявить терминологические единицы, переведенные с помощью переноса в текст перевода иноязычного написания термина в оригинальной форме латиницей (*This vivid pink suit was part of John Galliano's haute couture collection* – *Этот яркий розовый костюм был частью коллекции haute couture Джона Гальяно*; *Lanvin's first contribution to haute couture was the robe du style, a pre-war waisted, full-skirted design along 18th-century lines*. – *Первым значительным вкладом Ланвен в высокую моду стало так называемое robe du style*; *The It bag, so called because it was the most photographed bag of the moment* – *Она могла получить статус культовой сумки* – *It bag*; *It is a must have item* – *Это must-have сезона*; *Trompe'loeil used in dress that has been inspired by Surrealism*. – *Trompe'loeil использовался сюрреалистами*). Перенос имен собственных в продуцируемый текст в их оригинальном написании – латиницей – используется при переводе терминов моды в тексте названий иностранных или находящихся сегодня в статусе международных печатных изданий («*Myra's Journal*», «*Harper's Bazaar*»), магазинов (*Mr. Fish*, «*Lord John*»), торговых марок («*DuPont*», *Christian Dior*, *Hermès*), музыкальных коллективов («*Public Enemy*», «*Sex Pistols*»), объединений и организаций (клуб «*Hempshire Hunt*»),

а также выделенных как имена собственные в оригинальном тексте наименований некоторых нововведений в области моды – стилей, фасонов или узоров (*стиль Soul Boy, платье «Baby Doll», платье «Delphos»*).

Наряду с другими способами перевода транслитерация является одной из выявленных при анализе текстов из сферы моды. Например, *bikini* – *бикини*. Этот способ перевода применяется к ассимилированным или частично ассимилированным заимствованным словам. Например, *New Look* – *Нью Лук* (Элегантный, женственный, романтический стиль одежды, предложенный Кристианом Диором в 1947 г.). В этом случае, не зная истории возникновения и самого значения фразы, передать прагматический потенциал слова невозможно. Для адаптации в русскоязычных журналах мод используют комбинирования экспликации и транслитерации, например, *cadeu* – *кади, драгоценная шелковая ткань, для пошива одежды класса люкс и вечерних платьев*. Несомненно, в подобных случаях переводчику необходимо обращаться к словарям других языков, чтобы понять ядерную сему слова, но пока чаще встречаются ситуации, когда переводчик (не профессионал в сфере моды) должен обрабатывать еще и дополнительные источники.

Результаты анализа показывают случаи контекстуального перевода: *navu* – *тёмно-синий*. Лексическая единица *navu* (в случае, когда это обозначение цвета) переводится как *тёмно-синий* (цвет формы морских офицеров). В русском языке соответствия не существует, поэтому переводчик вынужден заменить его на наиболее подходящий термин и, таким образом, адаптировать это слово для русскоязычного читателя. В данном случае это единственный приемлемый способ перевода.

В ходе исследования нами было выявлено, что среди английских и русских терминов моды встречаются полные, частичные соответствия и безэквивалентная лексика.

Установлено, что в основном полные лексические эквиваленты представлены повседневными предметами одежды и давно вошли в лексическую систему сферы моды, например: *trousers* – *брюки*, *shirt* – *рубашка*, *old-fashioned* – *старомодный*, *corduroy trousers / cord trousers / cords* – *брюки из вельвета в рубчик*.

Также были выявлены частичные эквиваленты, которые составляют подавляющее большинство лексических соответствий сферы моды, например: *overcoat* – *пальто*, *trouser suit* – *брючный костюм*.

Безэквивалентная лексика сферы моды представлена рядом заимствований, варваризмов и ксенизмов, например: *toque* – *ток* (*женская шляпа без полей*), *spencer* – *спенсер, короткий жакет*

(женский; прилегающий, до талии), *raglan* – покрой рукава «реглан», *sabot* – деревянные башмаки для защиты обуви от грязи, *loafers* – лёгкие кожаные туфли типа мокасин.

Немногочисленными примерами представлено в нашем исследовании опущение. Анализ переводов текстов из сферы моды показал, что иногда переводчики неоправданно сокращают при передаче наименования марки комплекса из имени и фамилии до одной фамилии (это допустимо при переводе личного имени дизайнера, но недопустимо в случае с наименованием марки), например: *Lampshade tunic, Paul Poiret, 1912*. – *Платье-абажур от «Пуаре»*, 1912 (Мы предлагаем другие варианты перевода, которые, на наш взгляд, адекватны: *Платье-абажур «Paul Poiret» / от «Paul Poiret» / от «Поля Пуаре» / от Поля Пуаре*); *S/S collection, Alexander MacQueen, 2010*. – *Коллекция весна-лето от «Маккуин»*, 2010 (Наш вариант: *Коллекция весна-лето «Alexander MacQueen» / от «Alexander MacQueen» / от «Александра Маккуина» / от Александра Маккуина*).

Терминология моды является одной из специфических пластов лексики, которая в силу особенностей структурно-семантического, словообразовательного и стилистического характера имеет отличия от общеупотребительных слов и, тем самым, занимает особое место в лексической системе языка.

Терминология моды – это пласт лексического фонда со своими специфическими особенностями, ибо в каждом профессиональном подязыке существует номенклатурная лексика, соотносимая с определенными реалиями и объектами. Особенность словарного состава терминологии заключается в том, что её номены представлены в ней шире, многообразнее, чем в других лексических подсистемах.

При переводе термина из сферы моды возникают определенные проблемы, которые перекликаются с общими проблемами перевода терминологии: синонимия терминов, расхождение в классификации и номенклатуре различных видов одежды, косметики, использование сокращения, неполнота двуязычных словарей, проблема прагматического характера. Для преодоления этих и других трудностей переводчик использует трансформации. Для передачи терминов моды используются такие способы перевода, как транскрипция/транслитерация, калькирование, экспликация и перенос термина из англоязычного текста в оригинальной графике, нередко дополненный экспликацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косицкая Ф. Л. К вопросу о переводе специальных текстов (на материале французского каталога моды).

2. URL: http://vestnik.tspu.edu.ru/files/vestnik/PDF/articles/kositskaya_f.1.99_102_10_138_2013.pdf (дата обращения: 16.04.2017).
3. Косицкая Ф. Л. Речевой жанр через призму этнокультуры / Ф. Л. Косицкая // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2012. – Вып. 1. – С. 149–151.

АННОТАЦИЯ

Санченко Е. Н., Ткачева Е. А. Особенности перевода терминологии моды

Авторы статьи рассматривают особенности перевода терминологии моды, которая играет важную роль в современном культурном измерении. Феномен моды был проанализирован в линвокультурологическом аспекте. Проведен сопоставительный анализ лексемы *мода* в русском языке и лексемы *fashion* в английском языке, а также сделан анализ лексических единиц из сферы моды в аспекте перевода.

Ключевые слова: термин, мода, перевод, терминология, англоязычная картина мира, русскоязычная картина мира, переводческая трансформация.

SUMMARY

Sanchenko E. N., Tkacheva E. A. The peculiarities of translation of fashion terminology

The authors of the article consider the peculiarities of translation of fashion terminology that plays an important role in the contemporary cultural space. The phenomenon of fashion was analyzed in the linguistic-culturological aspect. Special regard is given to a comparative analysis of the lexeme *мода* in Russian and the lexeme *fashion* in English, as well as to the analysis of lexical units from the fashion sphere in the translation aspect.

Key words: term, fashion, translation, terminology, the English-language picture of the world, the Russian-language picture of the world, a translation transformation.

УДК 811.81'01

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ ПИСЬМЕННОСТИ

Развитие различных систем письменности отражает особенности языкового видения мира различных народов. Своеобразие способов фиксации информации обусловлено особенностями исторического опыта, сложившихся традиций, менталитета. Азбукovedческая информация особенно важна для изучения языков, поскольку именно со знакомства с алфавитом начинается обучение и родному языку, и другим дисциплинам, особенно филологического направления. Знания об алфавите необходимы не только для достаточного освоения коммуникативных взаимодействий в современном обществе. Сведения о процессе развития письма, об изменениях и реформах систем письменности важны не только как языковедческая, но и как историко-культурная, ментальная информация, свидетельствующая о взаимосвязи мыслительных процессов различных этносов. К сожалению, в современном образовательном процессе недостаточно представлены историко-культурные темы, обладающие мощным воспитательным и развивающим потенциалом, которые особенно влияют на мотивацию к изучению языков. Ф.И. Буслаев в книге «О преподавании отечественного языка» (1844) отмечал, что только «исторические экскурсы» дают преподаванию родного языка «надлежащую основательность и точность». В связи с этим научный и образовательный интерес представляет изучение исторических закономерностей выработки систем кодировки смысла при помощи условных знаков, поэтапность логического мышления при усовершенствовании существующих систем письма.

Вопросами развития ранних форм письменности, истории книжного дела посвящены труды И. Е. Баренбаума, М. А. Василика, Ю. Я. Герчук, А. А. Говорова, В. А. Есиповой, Т. Г. Куприяновой, Е. Л. Немировского, Н. А. Павленко, И. А. Шомраковой и других.

Цель статьи – выявление закономерностей формирования ментальности письменной культуры, выраженной в графическом аспекте.

В истории развития средств передачи информации возникновение письменности М. А. Василик назвал «коммуникативной революцией», поскольку это явление сыграло

колоссальную цивилизационно-культурную роль в решении проблем объема и точности передаваемой информации [1, с. 48], изменив при этом само общество. Самыми распространенными дописменными системами передачи информации были *символические послания* или *предметное письмо*, в котором средствами кодировки смысла служили различные предметы. Но такое письмо требует предварительной договоренности для понимания, иначе смысл послания может быть искажен. В истории известен пример, описанный Геродотом в V в. до н.э. Предметное послание скифов персидскому царю Дарию состояло из птицы, мыши, лягушки и пучка стрел. Предполагалось, что здесь зашифрован ультиматум: *«Если вы, персы, не научитесь летать, как птицы, прыгать по болотам, как лягушки, прятаться в норы, подобно мышам, то будете осыпаны нашими стрелами, как только вступите на скифскую землю»* [2, с. 43]. Дарий извлек из этого послания противоположный смысл, следствием чего стала гибель персидского войска.

Осознание необходимости закрепления знаковой функции вещей привела к разработке более сложной системы передачи смысла, в которой предметы использовались уже как условный знак с определенным значением. Например, перуанское письмо древних инков в виде шнурков с узелками было предназначено для учета урожая, скота и т. д.; австралийские жезлы вестников с зарубками предполагали обязательное разъяснение смысла послания гонцом [2, с. 43]. Эти примеры доказывают, что цивилизационное развитие и усложнение коллективных действий повлекло за собой активное развитие средств коммуникации, первыми из которых были речевая и предметно-пространственная сигнализационная системы.

На смену дописменной культуры с доминированием устно-речевых, поведенческих и предметно-символьных форм коммуникации приходит новая эпоха воплощения смыслов посредством знаковой системы, открывающая новые возможности выражения в фиксированном слове. Н. А. Бердяев, Е. П. Ильин, В. Т. Кудрявцев и другие отмечали, что со времен Аристотеля природа психики, сознания человека связывалась с его способностью свободно ориентироваться и действовать в ситуациях, предполагающих поиск и построение таких способов действия, которые были бы сообразны логике будущего [3, с. 7; 5, с. 113]. Именно таким целенаправленным осознанным поиском была выработка систем письма. Возникли они вполне закономерно в высокоразвитых древнейших месопотамской, древнеегипетской, древнекитайской и других культурах. Этот процесс был обусловлен появлением крупных

городов, образованием мощных централизованных государств, расширением торгово-экономических отношений, поскольку «письменность – это новый коммуникационный канал, востребованный цивилизацией» [7, с. 121].

Анализ научной литературы (И. Е. Баренбаум, В. А. Есипова, Е. Л. Немировский) позволяет установить поэтапность процесса развития письменности от фиксирования информации с помощью простейших знаков до перехода к фонетической системе. А. В. Соколов отмечает, что «смена одних систем письменности другими происходила не стихийно, а вследствие кризиса коммуникативных каналов, которые переставали удовлетворять возрастающие коммуникативные потребности общества» [7, с. 117]. Таким образом, человечеству приходилось осуществлять целенаправленный поиск новых способов фиксации, хранения и распространения культурных смыслов, которые были бы «сообразны логике будущего». Выделим основные изменения письменной ментальности в эти переломные моменты исторического развития.

Переход от предметно-сигнальной системы к иконографии осуществился в отказе от предметно-пространственной в пользу рисуночной системы кодировки смысла. Примером перехода от физических объектов к их изображению служит развитие шумерской письменности. Для учёта имущества использовали систему глиняных фишек различной формы – токенов, которые складывали в глиняный контейнер сферической формы. Постепенно физические токены исчезли, остались лишь их отпечатки на поверхности, а контейнер стал плоским. Так появились первые глиняные таблички с записями [4]. Пиктографическое письмо было общедоступно для людей, говорящих на разных языках, но с помощью такого письма можно было лишь воспроизводить некоторые единицы смысла, а не связный текст.

Попытка усовершенствования пиктографической системы привела к возникновению идеографии – системы письма с определённой идеей автора. Условное изображение стали употреблять в переносном значении: знак «круг», первоначально означавший «солнце», стали употреблять в значении «день». Развитие идеографии в системы клинописного и иероглифического письма – произошел процесс схематизации рисунка. Со временем эти системы письма настолько были усовершенствованы, что их широко использовали как для административных и юридических целей, так и для написания литературных произведений. Однако их изучение требовало немалых усилий, поскольку практически каждому слову присваивался отдельный знак.

Попытки фонетического использования знаков – этап, на котором человечество стремилось упростить использование накопившихся знаков при помощи их комбинирования для образования нового «звукового» слова. В. М. Найдыш отмечает, что «идеографическое письмо развивалось в направлении от изображения определенных знаков независимо от их звучания в устной речи – к иероглифам, которые передавали и образы, и те звуки, из которых состоят слова, обозначающие данные образы» [6, с. 125]. Например, два символа клинописи «ку» и «шим», не имеющие смысловой связи между собой, но написанные на одной табличке, составили имя Кушим [4]. Сегодня такой принцип используют при составлении ребусов. Таким образом, знаковое письмо превратилось в словесно-слоговое, т.е. осуществился переход к ранней форме фонетического письма, которое позволяло ограничить количество используемых знаков.

Переход к фонетической системе письма стал подлинной революцией, которая связала устную речь и графические знаки. В древнеегипетской письменности были выработаны символы, обозначающие отдельные согласные звуки. Первой фонетической системой современного образца было консонантно-звуковое финикийское письмо, которое стало основанием для развития других алфавитов, таких как греческий, латинский, арамейский, арабский и др. Показательным является трансформация древних символов-знаков в буквы алфавита: название первой буквы произошло от западно-семитского слова «алеф», имеющего значение «вол» или «бык». Её начертание происходит от египетского иероглифа, изображавшего голову быка [4]. Этот символ стал первым графическим знаком многих алфавитов, изменив звуковое оформление: «альфа», «аз», «а», поскольку в других языках он утратил свое смысловое значение.

Формирование письменного сознания представляется в виде переработки накопленного исторического опыта дописменной культуры в выстраивание новой текстуальной реальности. По мнению В. А. Шкуратова, «графическая запись не просто обеспечивает сохранность мыслей и наблюдений, она создает реальность, обладающую для человека такой же достоверностью и важностью, как природа» [8, с. 391]. С изменением систем фиксации смыслов происходили и глобальные ментальные изменения общества. Сложность освоения письма древних цивилизаций Ближнего Востока делали его доступным только для привилегированных классов, которые обладали уникальным правом соприкасаться с религиозными и законодательными текстами. С появлением алфавита письменность становится общедоступным явлением человеческой культуры,

поскольку «такое письмо оказалось эффективным, гибким и высокоадаптивным средством общения» [1, с. 45] между представителями разных поколений, культур и цивилизаций.

Таким образом, представление сведений о развитии современных алфавитов и особенностей письменной ментальности способствуют формированию культуроведческой компетенции учащихся. Эта информация может быть представлена в нескольких информационных блоках: история развития дописьменных способов передачи информации, первые письменные формы кодировки смыслов, трансформация рисуночного письма в идеографическое, а затем в алфавитное, развитие различных алфавитных систем и их трансформации. Обращение к азбуковедческой информации в изучении русского или другого иностранного языка позволяет создать культурный фон усвоения знаний и успешно формировать культуроведческую компетенцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василик М.А. Основы теории коммуникации / М.А. Василик. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
2. Есипова В.А. История книги / В.А. Есипова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – 628 с.
3. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 448 с.
4. История письма: Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=fC8qPMfEHMg&t=1172s>
5. Кудрявцев В.Т. Творческая природа психики человека / В.Т. Кудрявцев // Вопросы психологии. – 1990. – № 3. – С. 113-120.
6. Найдыш В. М. Концепции современного естествознания / В.М. Найдыш. – М. : Гардарики, 2001. – 476 с.
7. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
8. Шкуратов В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. – М. : Смысл, 1997. – 505 с.

АННОТАЦИЯ

Серебряк М. В. Особенности формирования систем письменности

Статья посвящена вопросам анализа исторического развития древних систем письменности в контексте творческого поиска новых средств передачи смысла. Рассмотрены дописьменные средства передачи смыслов, первые рисуночные системы письма, развитие знаковой письменности, а также закономерности

появления алфавита. Сделаны выводы об изменениях письменной ментальности в процессе развития графической культуры. Особо отмечена необходимость рассмотрения азбуковедческой информации при изучении языков.

Ключевые слова: система письма, алфавит, письменная ментальность.

SUMMARY

Serebriak M. V. The features of development of writing systems

The article is devoted to analysis of the historical development of ancient writing systems in the context of the creative search for new means of transmitting meaning. It considers preliterate means of transferring meanings, the first picture writing system, the development of symbolic writing and also patterns of occurrence of the alphabet. The author comes to the conclusion about the changes of mentality in the development of graphic culture. Special attention is paid to the need to consider information about the development of alphabet in studying languages.

Key words: writing system, alphabet, writing mentality.

*О.А. Сытенко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'22

«НЕОЛОГИЧНЫЙ БУМ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Процесс обогащения и обновления лексического состава языка – это непрерывный процесс. Язык представляет собой сложное, многогранное общественное явление, которое является средством коммуникации и находится в постоянном движении. Каждое изменение в общественной жизни находит свое отражение в языке, как в зеркале, многочисленными лексическими единицами, которые определяют эти изменения, которые, в свою очередь, и вызывают лексическую инновацию в языке. За последнюю декаду английский язык значительно пополнил свой словарный состав, появились новые слова, лексика обогатилась новыми значениями, связанными с инновациями во всех сферах жизнедеятельности людей. Данная работа посвящена проблеме обогащения словарного запаса современного английского языка новыми лексическими единицами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа новой лексики, исследованием общих тенденций возникновения и использования неологизмов.

Задачи исследования определяются актуальностью работы и сводятся к следующим постулатам: 1) рассмотреть сущность неологизмов как лингвистического явления; 2) определить основные способы создания морфологических неологизмов на материале английского языка; 3) проанализировать их стилистическое маркирование в исследуемом языке.

Объектом исследования являются английские неологизмы.

Предметом исследования являются способы создания неологизмов и особенности их стилистического функционирования в английском языке.

В настоящее время английский язык, как и многие другие языки, переживает так называемый «неологичный бум». Огромный поток новых слов, особенно тех, которые описывают предметы, объекты и явления в бурно развивающихся сферах научно-технического прогресса, информационных технологий, фэшн-индустрии, питания и кейтеринга, создал необходимость их фиксирования, лингвистического анализа и объяснения. Все эти важнейшие явления цивилизации приводят к невероятному развитию различных видов отношений между государствами и другими иноязычными сообществами людей, что безотлагательно влечет за собой изменения в языковой сфере, наполняя язык новыми лексемами.

Очевидно, что слова воспринимаются как неологизмы только до тех пор, пока понятия, выражаемые ими, не станут привычными, после чего они прочно входят в словарный состав и уже не воспринимаются как новые: англ. *fashion industry* – рус. *фэшн-индустрия, индустрия моды*; англ. *catering* – рус. *кейтеринг, сфера выездного общественного питания*; англ. *personal computer (PC)* – рус. *персональный компьютер*; англ. *monitor* – рус. *экран компьютера, монитор* и т.д.

В. Заботкина считает, что после своего появления новая лексическая единица проходит стадии восприятия обществом, то есть «социализации», в основном через посредничество журналистов и преподавателей, т.к. восприятию нового слова массами способствует появление нового слова в средствах массовой информации, то есть языковая закрепленность, или «лексикализация», в результате чего новая языковая единица адекватно воспринимается и используется носителями языка [1, с. 25].

Одним из факторов вхождения новой лексической единицы в язык считается ее общеупотребляемость, приемлемость, что воспроизводится в таком критерии закрепленности слова, как лексикографический, то есть фиксирование неологизма в словарях. Однако, чтобы быть зарегистрированным в словарях, слово должно употребляться с соответствующей частотой.

С. Таллок, редактор Оксфордского словаря новых слов, считает, что главным фактором является то, что «признала (осознала) или нет общественность новое слово или значение» [5]. Так, например, неологизм *selfie*, обозначающий фотоснимок самого себя, сделанный на смартфон или вебкамеру и загруженный в социальную сеть, по версии Оксфордского словаря признан словом 2013 года. А сегодня, отмечают эксперты, термин стал полноценным элементом современного английского языка, у которого уже имеется множество производных слов, что свидетельствует о его прочном вхождении в разговорный обиход.

Среднее ежегодное пополнение английского языка составляет 800 новых слов – больше, чем в любом другом языке мира. Поэтому словари обычно не успевают фиксировать неологизмы на стадии их начального вхождения в язык. Многие неологизмы полностью исчезают из языка; некоторые писательские неологизмы фиксируются английскими словарями с указанием автора. Те же слова, которые родились среди народных масс, часто вообще не фиксируются и исчезают бесследно. В связи с этим перед лингвистами стоит задача не только фиксировать новые слова, но и изучать их.

Само употребление понятия «неологизм» в лингвистике неоднозначно. Так, Г. Бусманн трактует его как «нововведенное или употребленное с новым значением языковое выражение» [2, с. 24]. Соответственно существуют два принципиально разных типа неологизмов: новая лексема и новое значение (существующей уже лексемы). Новая лексема – это новая лексическая единица (слово, группа слов, фразеологизм), которая является новой по форме и значению. Принципиально новыми могут быть субъекты, объекты, явления, состояния вещей, которые соответственно впервые номинируются. Или же новая лексическая единица трактуется по-новому, в связи с приобретением нового значения [2, с. 24]. Новое значение – это новое значение, которое добавляется к уже существующей моно- или полисемантической лексической единице, что ведет к так называемому процессу расширения значения. С этой точки зрения, неологизм – это совершенно новая лексическая единица в единстве своей формы и значения (новая лексема) или совсем новое (прилагается к уже существующим) значение определенной устоявшейся лексической единицы (новое значение), которые: 1) в определенный момент возникли в обществе и в течение определенного периода времени распространялись, прежде всего учитывая коммуникативные потребности общества; 2) прошли период социализации и

вошли в обиход общеупотребительной лексики; 3) занесены сначала в один словарь; 4) принятые в целом как языковая норма; 5) лексически сохранены. После этого слово уже не считается неологизмом.

Итак, неологизм – это слово, значение которого появляется в определенный период времени в языке и его новизна осознается говорящими.

Исследователи неологизмов утверждают, что новая лексика образуется из собственного материала через словообразовательные операции и переосмысления уже имеющихся единиц [3, с. 132].

Несмотря на тот факт, что английский язык аналитический по своей природе и практически лишен черт флективности, аффиксальные единицы составляют близко четверти всех новообразований и лишь в незначительной степени уступают по количеству сложным словам. Аффиксация – это способ, при котором новые слова образуются путем добавления префиксов или суффиксов к уже существующим словам. Например, лексема *“delawyer”* (устранять потребность в услугах адвоката) образована от слова *“lawyer”* (юрист, адвокат) путем добавления приставки *“de-”*, а лексема *“delawyerization”* (устранение потребности в услугах адвоката) – от слова *“delawyer”* путем добавления суффикса *“-ization”*.

Наиболее продуктивными префиксами являются: *cyber-*, *dot-*, *anti-*, *co-*, *de*, *non-*, *post-*, *pre-*, *sub-*, *un-*, *e-*: *defriend* (удалять из списка друзей в соцсетях); *e-banking* (электронный банк), *subacute* (подострый), *superradiation* (суперрадиация), *detoxication* (детоксикация), *dot-commie* (киберпредприниматель). Интересный факт, что префикс *“eco-”*, некогда популярный еще в 1960-х годах в значении «экологический, связанный с окружающей средой», на современном этапе создал такие новые слова, как *“ecodoom”* (широкомасштабная экологическая катастрофа), *“cofreak”* (ярый защитник окружающей среды); *“ecogoogle / ecosurf”* (искать упоминания о себе или ссылки на свое имя в интернете) и т.д.

Сравнительно новыми и производительными являются суффиксы *“gate”* (*-gate* – скандал вокруг чего-то) и *“-holic”* (*-holic* – быть одержимым чем-то). Суффикс *«-gate»* приобрел значение после скандала, связанного с гостиницей *«Watergate»*. Затем на его основе появились такие слова, как *“Filegate”* (дело об использовании служащими Белого Дома секретных документов против своих врагов), *“Monicagate”* (скандал вокруг связи президента Клинтона с практиканткой в Белом Доме Моникой Левински).

Следующим способом образования неологизмов является способ сокращений, к которым относятся аббревиатуры (*RFID – radio frequency Identification*), акронимы (“*GASP*” *Group Against Smoke and Pollution*), усеченные слова (“*Af*” (*African*), телескопные слова (*screenager* – подросток, проводящий много времени перед монитором). Наиболее часто сокращаемые слова и фразы – это названия организаций и групп, технические термины. В электронной коммуникации активно используются аббревиатуры нетерминологического характера: *LOL (Laughing out loud)*, *ИМО (in my humble opinion)*; *FYI (for your information)*. Следует отметить, что в 2011 году такие аббревиатуры, как *LOL, FYI*, были включены в последнее онлайн-издание *Oxford English Dictionary* [5].

В результате словосложения появились такие слова, как *web rage, password fatigue, snail mail, magnet school* (школа с усложненной программой, организованной для привлечения студентов), «*freedom of information*» (свобода от вмешательства правительства в доступе к информации, свободное проникновение) и т.д.

Обратное образование является противоположностью процесса аффиксации: вместо производных, которые образуются путем увеличения аффиксов, эти слова образуются путем отсечения словообразовательных элементов. Часто обратное образование используется для образования слов в определенном случае, так называемые “noncewords”, например, “*hangry*” (смесь слов “*hungry*” и “*angry*”, означающая «раздраженный или находящийся в плохом настроении по причине голода»); *sofalise (socialise + sofa)*. Другие слова возникли для обозначения новых реалий. Таковы, в частности, “*Brexit*” и “*Grexit*” (возможный выход Великобритании из Евросоюза, а Греции – из еврозоны) или “*catcafé*” – «кафе или другое подобное заведение, в котором люди платят за возможность общения с проживающими на территории заведения кошками» [4]. Такой способ создания использует игру слов.

Конверсия, образование новой основы от уже существующей основы простым переосмыслением последней, без любого изменения ее формы, достаточно распространена среди неологизмов, напр. существительные *text, friend, google, tweet* и под. стали глаголами, что является самой характерной конверсионной моделью для английского языка. В конверсионных отношениях могут находиться слова любой части речи.

Еще одним способом формирования неологизмов, свойственным английскому языку, является заимствование,

элемент чужого языка (слово, морфема, синтаксическая конструкция и др.), который был перенесен с одного языка к другому в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Чаще всего заимствования-неологизмы передают понятия в области культуры: (*discotheque, cinemathèque*), общественно-политической жизни (*The Duma* – Дума), повседневной жизни (*Petit déjeuner* – небольшой завтрак; *Ryokan* – Риокан (гостиница в традиционном японском стиле). Так называемые ксенизмы, неологизмы, отражающие реалии, специфику быта страны-источника, несвойственные языку-акципиенту. Например: *kung-fu* (кунг-фу), *guro* – тип бутерброда, медведица («группа женщин, что, переодевшись, ходила по селу во время сенокоса») и др.

Кальки формируют еще одну группу заимствований (*pale-face* бледнолицый, *pipe of peace* трубка мира, *Gliding time* (от нем. *Glietzeit*) – скользящий график).

Таким образом, неологизмы образуются путем аффиксации, сокращения, словосложения, конверсии. Обязательно в эту классификацию должны быть включены и заимствования, ведь очень много новых слов образуются именно этим путем. Некоторые лингвисты выделяют и обратное образование неологизмов.

В свою очередь для лучшей классификации путей создания неологизмов сокращения и заимствования делятся еще на подпункты (сокращение – на усеченные слова, акронимы, телескопные слова, заимствования делятся на собственно заимствования, варваризмы, ксенизмы и кальки).

Данное исследование еще раз подтверждает тот факт, что проблема неологии является весьма актуальной на сегодняшний день. Несмотря на многочисленные исследования в данной области лингвистики, перед нами встает ряд нерешенных вопросов их распознавания, классификации и перевода неологизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заботкина В.И. Слово и смысл / В.И. Заботкина. – М.: РГГУ, 2012. – 428 с.
2. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart, 2002. – 390p.
3. David Crystal. The Cambridge encyclopedia of the English language. – Cambridge : University of Cambridge, 1995. – 490 p.
4. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.oxforddictionaries.com>.
5. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.oed.com/public/latest/latest-update/свободный>.

АННОТАЦИЯ**Сытенко О. А. «Неологичный бум» в английском языке**

В статье рассматривается один из важнейших лингвистических аспектов современного языковедения – неологизация языка. Устанавливается терминологический аппарат понятия «неологизм», анализируются исследования в этом аспекте. Особое внимание уделено структурно-семантическим и стилистическим особенностям неологизмов на материале английского языка как одному из основных современных способов пополнения и обогащения словарного состава современного литературного английского языка. Исследуются источники лексем-неологизмов и их способы вхождения в язык как фиксированных лексических единиц.

Ключевые слова: неологизация, неологизм, продуктивность, сокращение, заимствование, акроним.

SUMMARY**Sytenko O. A. «Neologizing boom» in English**

The article deals with one of the most important linguistic aspects of modern linguistics – language neologizing. The terminological apparatus of the concept «neologism» is set and researches in this aspect are examined. Particular attention is paid to structural, semantic and stylistic features of neologisms based on the English language as one of the main modern methods of replenishing and enriching the vocabulary of modern standard English. The sources of neologisms and their ways of entering the language as fixed lexical units are investigated.

Key words: neologizing, neologism, productivity, shortening, borrowing, acronym.

*В.А. Филатова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42**Н. ДУРОВА И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ
ТИПАЖ «ГУСАР»**

Лингвокультурный типаж как новый объект изучения лингвокультурологии стал рассматриваться в конце XX–начале XXI века, когда «повысился интерес учёных к личностному аспекту языка» [6, с. 10]. Основной вклад в формирование теории лингвокультурных типажей внесла Волгоградская лингвистическая школа и её представители В.И. Карасик и

О.А. Дмитриева, которые определяют лингвокультурные типы как «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [8].

Как энциклопедически известно, гусары возникли в Венгрии в XV веке, когда король Матвей Корвин приказал образовать особое ополчение для защиты от турок. В конце XVI века гусары появились в Польше, потом в Австрии и постепенно во многих странах Западной Европы. В России о гусарах, «как о войске иноземного строя», впервые упоминается в 1634 году [3, с. 921]. Происхождение слова «гусар» В.И. Даль связывает не с мадьярским «*Husz*» (двадцать) и «*ar*» (подать), т.к. в венгерское ополчение призывалось по одному дворянину из двадцати [3, с. 921], а от клика «*hussa*» – ура [2, стб. 1012]. История появления, быт, служба гусар описаны в книге А. Бегуновой «Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I», основанной на документальных материалах [1, с. 3].

К началу 1812 года в русской армии было сформировано 12 гусарских полков, один из них в гвардии – Лейб-гвардии Гусарский полк и 11 в армии – Александровский, Ахтырский, Белорусский, Гродненский, Елизаветградский, Изюмский, Лубенский, Мариупольский, Ольвиопольский, Павлоградский, Сумской гусарские полки.

В современном массовом сознании легендарным гусаром и «прообразом лингвокультурного типажа с характерными признаками» считается Денис Давыдов [5, с. 135], который служил в гусарах с 1804 года (Белорусский гусарский полк, потом – Лейб-гвардейский гусарский полк, войну 1812 года начинал в Ахтырском гусарском полку). С января 1808 по апрель 1811 года в Мариупольском гусарском полку служила Надежда Дурова, легендарная кавалерист-девица. Факт их знакомства во время службы подтверждает письмо Д. Давыдова А.С. Пушкину: «Дурову я знал, потому что я с ней служил в арьергарде во всё время отступления нашего от Немана до Бородина. Полк, в котором она служила, был всегда в арьергарде, вместе с нашим Ахтырским гусарским полком» [9, с. 482]. Рассмотрим подробнее, как позиционировали себя оба гусара-литератора и при помощи каких языковых средств создавали свой образ.

О. Дмитриева приводит следующие характеристики лингвокультурного типажа «гусар»: внешний облик («красивый мужчина в военной форме, с усами, с саблей, пьющий шампанское, отважно скачет на коне, рвётся в бой, пошлак»); гендерная принадлежность (мускулистый типаж); происхождение (русские,

высшие чины из высшего сословия, низшие – простолюдины); место жительства («высшие чины расквартированы, низшие проживали в казарме»); сфера деятельности (рассматривается с точки зрения оппозиции «война – мир»); досуг (проиллюстрирован цитатой Д. Давыдова «Днём – рубиться молодцами, / Вечерком – горелку пить»); семейное положение (холост); окружение (полк – семья) [5, с. 127-131].

Первое, особенности внешнего вида. В стихотворениях Д. Давыдова не описываются «безусые гусары», усы – важный элемент образа, независимо от возраста. Например, на первом году службы в гусарах, Давыдов так говорит о себе: *«Пусть мой ус, краса природы, / Чёрно-бурый, в завитках, / Иссечется в юны годы, / И исчезнет, яко прах!»* [4, с. 13]. В том же 1804 году, поэт описывает «гусарский пир»: *«Ради Бога, трубку дай! / Ставь бутылки перед нами, / Всех наездников сзывай / С закручёнными усами! / Чтобы хором здесь гремел / Эскадрон гусар летучих»* [4, с. 14]. Спустя тринадцать лет в «Песне старого гусара» Д. Давыдов по-прежнему упоминает важный элемент гусарского облика: *«Трубки черные в зубах; / Все безмолвны, дым гуляет / На закрученных висках / И усы перебегают»* [4, с. 41].

Отсутствие усов у Н. Дуровой – факт, который неоднократно будет вызывать насмешки сослуживцев в будущем, но во время службы в Мариупольском гусарском полку она объясняет это своей молодостью. И через два года службы в гусарах она остаётся «*юнейшим из всех офицеров*», наружность которого «*не обещает и шестнадцати*» [4, с. 425].

Первое, на что обращает внимание Н. Дурова после императорского разрешения служить в гусарском полку, – это форма («*всё моё гусарское одяние блистало вкусом и богатством*» [4, с. 397]). А. Бегунова связывает обмундирование гусар с традиционными предметами австрийской униформы, которое включало «*долман* (или дуломан, долман) – короткая суконная куртка со стоячим воротником, обшитая шнурами, галунами и пуговицами; *ментик* (ментия) – такая же куртка, но еще и опушенная мехом; чакчиры – узкие суконные штаны, также обшитые галунами и шнурами; ботинки – короткие сапоги, вырезанные впереди на голенищах «сердечком», с прибивными шпорами; высокая меховая шапка со шлыком <...> Предметом военного снаряжения, присущим только гусарам, была *ташка* – плоская кожаная сумка, сверху обшитая сукном» [1, с. 30]. Обмундирование закупалось в Австрии, стоило очень дорого, и только состоятельные дворяне могли себе позволить служить в гусарах.

По признанию Н. Дуровой, её роскошный внешний вид всегда привлекает внимание окружающих. Горничная её матери Наталья, увидев золотые шнуры её мундира, восклицает: *«Какое на вас богатое платье, матушка барышня! вы генерал, что ли?»* [4, с. 410]. Один из сослуживцев, после её перевода в уланский полк (как признаётся Н. Дурова, ей пришлось перевестись из гусарского полка из-за отсутствия денег для покупки формы), говорил: *«... жаль, что ты так невыгодно преобразился; гусарский мундир сотворён для тебя, в нём я любовался тобою...»* [4, с. 442]. Описывая *«экзамен перед дивизионным начальником своим графом Суворовым»*, Дурова снова обращает внимание на внешний вид: *«Вот мы и выступили на зеленую равнину в белых мундирах, блистающих золотом, и с развевающимися перьями на киверах; в этом комнатном наряде, белом с золотом, многие из нас похожи более на красных дев, нежели на мужественных солдат, а особливо те, которые, подобно мне, имеют не более восемнадцати лет»* [4, с. 402].

Совсем другое отношение к одежде у Д. Давыдова: *«На затылке кивера, / Доломаны до колена, / Сабли, тапки до бедра, / И диваном – кипа сена» ... «Но едва проглянет день, / Каждый по полю порхает; / Кивер зверски набекрень, / Ментик с вихрями играет»* [4, с. 41].

И Давыдов, и Дурова относятся к полку как к своей семье. *«И я спешу в мою гусарскую семью»*, – находим у поэта [4, с. 54]. *«Возвращаясь к моим товарищам и к моим любимым занятиям, я чувствую себя счастливейшим существом в мире! Дни мои проходят весело и безмятежно»*, – описывает своё возвращение после отпуска Н. Дурова [4, с. 412]. Что касается досуга, то и здесь их предпочтения разнятся. *«Лишь чашей стукнут – и Денис / Как тут – и чашу осушает... / Иль в карты бьется до утра, / Раскинувшись на горской бурке; / Или вокруг светлого костра / Танцует с девками мазурки»*, – пишет о себе Денис Давыдов [4, с. 47]. Полковой лекарь Любарский объяснял Н. Дуровой, как *«избавиться лишнего румянца»*, описывая привычную жизнь гусара, т.е. того, чего ей не хватало: *«... пейте больше вина, проводите ночи за картами и в волокитстве. Через два месяца этого похвального рода жизни вы получите самую интересную бледность лица»* [4, с. 428].

Выбранные отрывки из «Записок» Н. Дуровой и стихотворений Д. Давыдова позволяют нам понять разницу между женским и мужским восприятием и воспроизведением внешности гусара.

В автобиографии Д. Давыдов так описывает начало своей службы в Белорусском гусарском полку: *«Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, затянулся,*

натянулся и пустился плясать мазурку до упаду» [4, с. 72]. В 1832 году, будучи в отставке, Д. Давыдов пишет о себе: *«Я каюсь! Я гусар давно, всегда гусар, / И с проседью усов – всё раб молодой привычки. / Люблю разгульный шум, умов, речей пожар / И громозглые шампанского оттычки»* [4, с. 53].

Н. Дурова признавалась, что она не играла в карты и не пила спиртные напитки: *«... деньги исчезают, как дым, и куда, не понимаю. Я не играю в карты, не пью вина, ничего не покупаю; но как только обращаю ассигнации в серебро, то эти золотые, гроши, двудесятки сведут меня с ума и рассыплются, как прах»* [4, с. 437]. Это не означает, что она никогда и нигде не пила вино. В записках упоминается, что в трактире в Дубно вместе с дочерью трактирщика они выпивают *«полбутылки малаги»*, едят рябчиков, яблоки, белый хлеб и варенье [4, с. 407]. Это напоминает тихий ужин двух девушек, а не шумную попойку гусар. Свободное время кавалерист-девица предпочитает проводить одна или с детьми. Пример «весёлого» времяпровождения: на квартире у полкового берейтора она общается с его старшей дочерью, которая учит её играть на гитаре и *«с детской весёлостью рассказывает»* ей смешные истории [4, с. 405].

По мнению одного из сослуживцев, у Н. Дуровой было несвойственное гусару качество – стыдливость. *«Она совсем нейдет гусару и ни на что ему не пригодна», – наставлял он её* [4, с. 418]. *«Она очень уединена была и избегала общества столько, сколько можно было избегать его на биваках», – вспоминает о ней Давыдов*. [9, с. 482]. Сам поэт давал гусару такой «дружеский совет»: *«Будь, гусар, век пьян и сыт ... / В мирных днях не унывай / И в Боях качай-валяй! / Жизнь летит: не осрамися, Не прости её полёт, Пей, люби да веселися! ...»* [4, с. 14]. Описывая встречу с Дуровой, Д. Давыдов вспоминает, что впервые увидел её в избе, куда зашёл за молоком и добавляет: *«видно плохо было, что за молоко хватились – вина не было капли»* [9, с. 482].

Несмотря на отвагу, храбрость, шеголеватость, дворянское происхождение, любовь к службе, гендерная принадлежность Н. Дуровой не позволяет ей полностью вписаться в лингвокультурный типаж «гусар». Это скорее можно назвать «ролью», которую в определённый период жизни довелось сыграть Надежде Дуровой. Но, роль, по мнению В. Карасика, как «устойчивый шаблон поведения, включающий действия, мысли и чувства человека» соотносится с понятием «лингвокультурный типаж», которое характеризует «человека сквозь призму его коммуникативного поведения» [8].

В автобиографических сочинениях Н. Дуровой её поведение несколько раз называется «ролью». Как известно из повести

«Год жизни в Петербурге», брат Надежды Дуровой, Василий, убеждая её опубликовать свои воспоминания, говорил: *«Всякому любопытно было бы знать, как я жил, что случилось со мною в этом чуждом для меня мире, как умел поддаться к полу, которого роль взял на себя?»* [7, с. 89].

В начале военной карьеры Н. Дурова охотно исполняет приказы казаков, по её же собственному признанию *«спеша пользоваться возможностью играть роль подчинённого воина»* [4, с. 344]. В приложении к «Кавалерист-девице», в главе «Дон», посвящённой этим же событиям, Н. Дурова, наслаждаясь волей, которая *«кружит восторгами голову»* её [4, с. 599], всё же признаётся, что иногда она начинает *«бояться странной роли в свете»* и *«страшиться будущего»* [4, с. 599].

В повести «Год жизни в Петербурге» неоднократно говорит о долговременной привычке *«говорить и поступать сообразно своей роли в свете»* [7, с. 111]. Описывая свою встречу с А. С. Пушкиным, Дурова отмечает его «приметное замешательство», когда она называла себя в мужском роде [7, с. 97]. О себе сообщает, что не тяготилась своею ролью, которая обратилась ей *«уже в природу»* [7, с. 97].

Только однажды Н. Дурова называет своё поведение «глупой ролью», описывая, как ей пришлось добираться в одной повозке наедине с польской девицей [4, с. 399]. С «ролью» воина, солдата, офицера, георгиевского кавалера Н. Дурова справлялась намного лучше, чем с «ролью» воспитанного молодого гусара. Это непродолжительное знакомство, точнее её неловкое поведение, настолько запомнилось Дуровой, что она вспоминает о нём и через три года после этой встречи с самоиронией [4, с. 443].

Итак, перейдя в «мужской мир», Дурова играет роль воина охотно, но осторожно, иногда страшась неопределённости в будущем, но потом привыкает к ней, другими словами, «вживается в роль» в соответствии с гендерными стереотипами своей эпохи. Кавалерист-девица выбирает «образ» молодого воина, ребёнка, «страхуя таким образом себя во многих рискованных ситуациях наподобие попоек, скабрезных разговоров, сексуальных авантюр и т.п.» [10, с. 221]. Из «паспорта лингвокультурного типажа гусар», который приводит О. Дмитриева, целый ряд внешних и поведенческих характеристик не позволяют Н. Дуровой «вписаться» в лингвокультурный типаж «гусар» и представлять обобщённый образ, «чьё поведение и чьи ценностные ориентации существенным образом влияют на лингвокультуру в целом» [5, с. 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегунова А. Повседневная жизнь русского гусара в царствование Александра I / А. Бегунова. – М.: Мол. гвардия, 2000. – 392 с.
2. Гусар // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Изд-во: Тип. М.О. Вольфа, СПб.-М. 1880-1882. – Том первый. А – З. – 1880. – Стб. 1012.
3. Гусары // Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андреевского. – Санкт-Петербург : Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. – Т. 9а: Гравилат – Давенант. – 1893. – С. 921–922.
4. Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы / Д.В. Давыдов, Н.А. Дурова. – М.: Правда, 1987. – 649 с.
5. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX в.: монография / О.А. Дмитриева. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. – 307 с.
6. Дмитриева О.А. Теория лингвокультурных типов: учеб. пособие / О.А. Дмитриева, И.А. Мурзинова. – М.: Издательские решения, 2016. – 150 с.
7. Дурова Н.А. Записки Кавалерист-девицы / Н.А. Дурова. – Татарское книжное издательство, 1966. – 200 с.
8. Карасик В.И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия [Электронный ресурс] / В.И. Карасик, О.А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. – 310 с. – Режим доступа: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017732.html>
9. Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2. – 575 с.
10. Савкина И. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века / И. Савкина. – М.: Новое лит. обозрение, 2007. – 416 с.

АННОТАЦИЯ

Филатова В. А. Н. Дурова и лингвокультурный типаж «гусар»

В статье рассматривается соответствие Н. Дуровой характеристикам лингвокультурного типажа «гусар»; сравнивается, как позиционировали себя два гусара-литератора, Н. Дурова и Д. Давыдов; доказывается, что гендерная принадлежность Н. Дуровой не позволяет ей полностью вписаться в лингвокультурный типаж «гусар»; её поведение соответствует смежному понятию в лингвокультурологии – роли.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвокультурный типаж, роль, гусары, гендер.

SUMMARY

Filatova V. A. N. Durova and linguistic-cultural type «hussar»

The correspondence of N. Durova to the linguistic-cultural type «hussar» is studied in this article. The author compares how the two hussar writers, N. Durova and D. Davydov, positioned themselves and proves that Durova's gender does not allow her to correspond to the linguistic-cultural type «hussar» and her behaviour corresponds to a related concept in linguistic culturology – the role.

Key words: linguistic culturology, linguistic-cultural type, role, hussars, gender.

*Л.А. Штакина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'38=111

ИНТЕРАКЦИЯ «КВЕСИТИВ+РИПЛАЙ» КАК АТТРАКТОР «ИНТЕРВЬЮ»

На современном этапе развития лингвистической науки в центре внимания исследователей находится проблема риторической стратегии дискурса с учётом его стереотипизации и интенциональной специфики. Исследование процесса самоорганизации дискурса привели к зарождению синергетической научной парадигмы, позволяющей по-новому взглянуть на сложный механизм порождения дискурса. В нашем понимании, дискурс как комплекс речемыслительных действий коммуникантов отражает синергизм информационной интеграции конституентов дихотомии «адресант-адресат» в той или иной стереотипной ситуации.

Среди разнообразных регистров речевой коммуникации «интервью» занимает особое место, являясь личностно-ориентированным, поскольку каждый из участников этого процесса принимает во внимание незаменимость и уникальность партнёра [1, с. 10-14].

Обстоятельства общения и социально-ролевая обусловленность «интервью» придают этой разновидности дискурса характерные особенности официального канала коммуникации, который предусматривает прежде всего общение по правилам делового этикета, а также целенаправленное использование клишированных, стереотипных компонентов.

С точки зрения личностных отношений и соблюдения канонов социального равновесия, «интервью» является образцом *кооперативной регламентированности* коммуникации и отражает комфортный режим общения, которое является информативным благодаря сверхзадаче – сообщению новой информации, что подчёркивает значимую роль фатической функции. В зависимости от задач, которые ставит перед собой инициатор общения, различают *информационное* интервью – получение фактической информации без анализа, *аналитическое* – целью которого является анализ полученной информации, *интервью-протокол*, предусматривающий объяснение по вопросам внутренней и внешней политики, *интервью-дискуссия* – представление различных точек зрения с целью решения социально значимых задач и, наконец, *интервью-анкета* – выяснение разнообразных точек зрения по одному важному вопросу.

Наряду с этим «интервью» имеет специфические характеристики степени *стандартности* модели общения и функционирует как *стандартное* с заранее подготовленными вопросами к обсуждению, *полустандартное* с подготовленными заранее модифицированными вопросами с учётом обстоятельств, *нестандартное*, для которого не характерна заранее подготовленная схема получения информации и обнаруживает высокий уровень спонтанности, и *смешанного* типа «интервью», раскрывающее свободное выражение мысли при сохранении информативности и актуальности [6; 7].

В рамках этой публикации, в которой представлены результаты наших наблюдений, внимание сосредоточено на парадигме доминирующего речевого акта «квеситив» в англоязычном аналитическом «интервью» смешанного типа с учётом степени стандартности.

Как специфический фрейм активного взаимодействия двух или более субъектов дискурс «интервью» представляет собой адресатоцентрическую модель межличностного общения с риторической стратегией получения релевантной информации и чётко выраженными социо-коммуникативными ролями адресанта (A1) и адресата (A2). Речевое взаимодействие адресанта и адресата отражает асимметрию отношений [4], поскольку A1 (топикальная составляющая) координирует общение, а A2 эксплицирует решение поставленной коммуникативной задачи (комментивная составляющая) топикально-комментивной реляции вербального контекста. Таким образом, интеграция социо-коммуникативных ролей A1 и A2 с присущими им стратегическими задачами отражает

синергетический процесс межличностного общения и, в частности, речеактовую специфику «интервью».

Наши наблюдения дают основание полагать, что стратегически важным речевым актом дискурса «интервью» является «квеситив», иллюкутивная сила которого состоит в получении новой, важной информации с целью ликвидации информационной лакуны. Динамика информационного пространства в «интервью, как нам представляется, раскрывает коммуникативно-прагматическую специфику «квеситива». Анализ аутентичных образцов англоязычного аналитического «интервью» позволяет утверждать, что наиболее частотными являются *координирующая*, *верификативная* и *уточняющая* функции «квеситива», что даёт возможность установить специфику коммуникативно-прагматической парадигмы этого речевого акта.

Дискурс «интервью» базируется на пересечении речевых актов «квеситив+риплай», которые определяют, в свою очередь, стратегию порождения дискурса специфической прагматики. Как адресатоцентрический формат межличностного общения, дискурс «интервью» эксплицитно выражает адресантно-адресатные отношения, социальные параметры коммуникантов вместе с речеактовой моделью коммуникации.

Синергия – результат (эффект), получаемый в процессе кооперации, координации, согласованного взаимодействия элементов системы [2; 8]. Данный постулат предусматривает комбинаторику, функционирование дополнительных свойств системы, возникающих вследствие взаимодействия её элементов.

Самоорганизующаяся система может иметь мало или много устойчивых состояний, однако всё их множество дискретно [5, с. 34], т.е. одно устойчивое состояние отличается от другого своим уникальным набором параметров и диапазоном значений.

Такая динамическая устойчивость репрезентируется в дискурсе «интервью» уникальной совокупностью параметров в виде интеракции «квеситив+риплай», которую следует трактовать как *аттрактор*. Понятию «аттрактор» в соответствии с синергетическими постулатами противопоставляется понятие «репеллер» – набор параметров и их значений, которые «отталкивают» самоорганизующуюся систему от положения равновесия в том смысле, что он вводит ограничения различной природы на свободу стремления самоорганизующейся системы к равновесию. Таковым *репеллером* дискурса «интервью» как синергетического процесса является функциональное разнообразие интеракций, что в конечном итоге подчиняет вербализацию «интервью» системной организации.

Вышеуказанные аттракторы и репеллеры и являются элементами организации вербального контекста дискурса «интервью», между которыми происходит смена направленности протекания синергетического интегративного процесса.

Основным инструментальным понятием синергетики является понятие «параметр порядка». Этим термином назван наиболее подвижный, изменчивый параметр самоорганизующейся системы. Его динамика обусловлена относительной независимостью от других параметров. Согласно представлениям синергетики, параметр порядка подчиняет себе остальные параметры системы и приводит их диапазон изменения в соответствие с требованиями аттракторов и репеллеров [5, с. 35]. Таким образом, параметр порядка отражает специфику регламентированности коммуникативного процесса.

Исходя из данного постулата, можно сделать вывод, что таковым параметром порядка дискурса «интервью» является инициирующий речевой акт *квеситив*, который реализует коммуникативную интенцию запроса информации и побуждает адресата к совершению коммуникативного действия (*риплай*). Иными словами, данному параметру дискурса «интервью» присуща коммуникативная направленность на реализацию интенции говорящего обладать необходимой для него информацией.

В процессе двусторонней коммуникации наблюдается употребление *повторяющегося комплекса*, что представляет собой «совокупность повторяющегося лексико-синтаксического материала, который противопоставляется в структурном плане всей совокупности не повторяющегося лексико-синтаксического материала» [4, с. 9]. Выше отмечалось, что «квеситив» как инициирующий речевой акт является коммуникативно-прагматической доминантой «интервью» в трёх наиболее частотных разновидностях со специфической иллокутивной силой *координации, верификации и уточнения*.

Например: интеракция «квеситив-риплай» с *координирующим квеситивом*:

A1 – Now let's talk about the critic's level and the fact that your characters are all unlikable people. What do you think of that?

A2 – I ... err ... I'm very fond of my characters. I ... err ... understand lots of them behave rather poor that time [9]. Иллокутивная сила *координации* прогнозирует смысловое развёртывание интеракции адекватным декодированием интенции адресата и обуславливает достижение желаемого перлокутивного эффекта. Дистинктивный признак координирующего «квеситива» состоит в специфическом предъявлении минитопака (в частности, некоторые характерные особенности персонажей) в формате

макротопика (система персонажей литературного произведения). В функции *верификации* «квеситив» эксплицирует необходимость получения подтверждения истинности или ложности информации и устанавливается благодаря значимому фактовому элементу содержательно-фактуальной информации.

Например:

A1 – And you want to see them [ideas of stories] in one book?

A2 – Yeah, this structure gave me an opportunity to do different stories as well as in one book [9].

Получение дополнительной информации на основе уточнения элемента семантической структуры предыдущего речевого акта предусматривается «квеситивом» с иллюкутивной силой *уточнения*. Следует отметить, что в интеракции «квеситив+риплай» с доминантой *уточнения* прослеживаются элементы *повторяющегося комплекса*.

Например:

A1 – In your own books you have written from a male point of view. How'd you get into it? Why did you use that device?

A2 – I mean I've also written from ... I've changed genders but I've also written from the point of view of woman much older than me or from the point of view of children / and I think if you are a fiction writer you are in the business of placing yourself imaginatively in heads and bodies of other people [9].

Таким образом, в ходе смыслового развёртывания интеракций происходит симметризация асимметричных тенденций, что ведёт к размыванию, пролонгированию гомогенного состояния [4, с. 10]. Это и является одной из стратегических особенностей адресатоцентрического фрейма «интервью». Наши наблюдения показывают, что дискурс «интервью» как специфическая модель синергизма характеризуется определённой динамикой распределения элементов симметрии и асимметрии, фрактальной природой порождения вербального контекста, интеграцией интеракций «квеситив+риплай» и, в конечном итоге, образованием транзакции с присущим этому фрейму синергизмом.

Подводя итоги по результатам наших первичных наблюдений целесообразно предположить, что изучение прагматического потенциала речевого акта «квеситив» как доминанты синергетического фрейма «интервью» способствует дальнейшему исследованию закономерностей синергетического процесса порождения дискурса и, в частности, выявлению особенностей функционирования просодических средств языковой системы в условиях межуровневой интеграции с целью более глубокого изучения синергизма кодирования и декодирования актуальной информации в ходе межличностного общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габідулліна А.Р., Жарикова М.В. Основи теорії мовленнєвої комунікації: навч. посібник для ВУЗів. – Горлівка: ГДПІМ, 2005. – 282 с.
2. Кобзева Н.М. Синергизм процессов организационных изменений [Электронный источник]. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/uecs-48-122012/item/1888-2012-12-26-09-46-43.3>
3. Константинова А.А. К вопросу о когнитивно-дискурсивных функциях паремий: роль англо-американских пословиц в структурной организации дискурса интервью (на примере печатных интервью-портретов О. Уинфри) [Электронный ресурс] / А.А. Константинова // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. – Режим доступа к журналу: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/24/>.
4. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Г.Г. Москальчук. – Барнаул, 1999. – 43 с.
5. Пихтовникова Л.С. Синергетическая парадигма в современной лингвистике / Л.С. Пихтовникова // Наукові записки. – Вип. 127. – Серія: Філологічні науки (мовознавство). – Кіровоград: РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2014. – С. 34-39.
6. Плешаков Л.И. Интервью – начало всех начал / Плешаков Л. И. – Профессия – журналист. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 20–25.
7. Плешаков Л.И. Интервью: проход по минному полю / Л.И. Плешаков. – Профессия – журналист. – Вып. 10. – М., 2001. – С. 14-15.
8. Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса / Е.В. Пономаренко // Научные ведомости БелГУ. Серия «Гуманитарные науки». – № 13 (156). – Вып. 18. – 2013. – С. 131-140.
9. <http://www.youtube.com/watch?v=oloUpzVaeSg>

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А. Интеракция «квеситив+риплай» как аттрактор «интервью»

В статье рассматривается коммуникативно-прагматический потенциал базовой интеракции синергетического процесса дискурса «интервью». Исследование специфики интегративной модели проводится с учётом функционального потенциала речевого акта «квеситив». Особенности «квеситива» как инициирующего коммуникативного импульса устанавливаются с учётом контекстуальной специфики речевого акта «риплай».

Ключевые слова: дискурс, синергизм, квеситив, риплай, аттрактор, репеллер, интеракция.

SUMMARY

Shtakina L. A. The quesitive+reply interaction as «the interview» attractor

The article highlights pragmatic potential of the «interview» core interaction as the synergetic process attractor. The focus of this research is primarily on the «quesitive» functional specifics conditioning the integration model. The «quesitive» peculiarities as the initiating communicative impulse are singled out within the framework of the contextual analysis, the «reply» being considered to reveal the interaction contextual dynamism.

Key words: discourse, synergism, quesitive, reply, attractor, repeller, interaction.

*С.А. Юшкова
(м. Горлівка, ДНР)*

УДК 81'367.625

РЕЦИПРОКАЛЬНІ ДІЄСЛОВА І РЕЦИПРОКАЛЬНІ КОНСТРУКЦІЇ У НІМЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ: МЕТОДИКА ДОСЛІДЖЕННЯ

Вступ. Реципрокальні дієслова є своєрідним явищем у дієслівній системі мови. Надзвичайний стан цих дієслів зумовлений складним переплетінням у них багатьох явищ морфології, синтаксису, лексики й словотвору [1, с. 5].

Аналіз досліджень і публікацій. Реципрокальні дієслова та їхні конструкції досліджувалися в багатьох мовах: в українській (К.Г. Городенська (Городенська, 1981), А.П. Загнітко (Загнітко, 2001), М.В. Кравченко (Кравченко, 1996)), у російській (В.П. Недялков (Недялков, 2004), Ю.П. Князев (Князев, 2007), О.О. Холодович (Холодович, 1979), Н.О. Янко-Триницька (Янко-Триницькая, 1962)), білоруській (Л.О. Антонюк (Антонюк, 1978), М.Т. Ковальова (Ковалёва, 1967), О.Е. Міхневич (Михневич, 1978)), німецькій (Ш.Р. Басиров (Басиров, 2004), В.Д. Девкін (Девкин, 1952), J. Buscha (Buscha, 1982), G. Helbig (Helbig, 1984), G. Stötzel (Stötzel, 1970)) та в ін.

Предметом даної статті є реципрокальні дієслова німецької та української мов. *Реципрокальними* називаються дієслова (далі – РецД), які позначають взаємну (симетричну) дію суб'єкта й об'єкта відносно один одного, наприклад: (1) нім. *sich lieben*

‘любитися’, тобто ‘любити один одного’, *sich küssen* ‘цілуватися’, тобто ‘цілувати один одного’, *sich raufen* ‘битися’, тобто ‘бити один одного’; (2) укр. *обнімається*, тобто ‘обнімати один одного’, *цілуватися*, *бачитися* тощо.

РецД розглядаються в складі утворених ними реципрокальних конструкцій (РецК). Реципрокальними називаються конструкції, які позначають ситуацію з двома учасниками (актантами), кожен з яких водночас є суб’єктом дії та об’єктом цієї дії. Пор.: (3) нім. *Rita und Rolf sprachen laut und lustig miteinander* ‘Ріта і Рольф розмовляли один з одним голосно і весело’ = *Rita sprach mit Rolf laut und lustig* ‘Ріта розмовляла з Рольфом голосно і весело’ + *Rolf sprach mit Rita laut und lustig* ‘Рольф розмовляв з Рітою голосно і весело’; (4) укр. Двоє людей чоломкаються, як батько й син = Одна людина чоломкає другу + Друга людина чоломкає першу.

РецД і РецК у німецькій та українській мовах аналізуються в статті з позицій теорії діатез, запропонованої О.О. Холодовичем [10, с. 2-26]. Зазначена теорія використовувалася у вивченні РецД на матеріалі різних мов: східних (О.О. Холодович), слов’янських (Ю.П. Князев, І.О. Мельчук, В.П. Недялков), балтійських (Е.Ш. Генюшене), англійської мови (І.Б. Долініна) та ін. Проте РецД німецької та української мов спеціально не досліджувалися у світлі цієї концепції, що зумовлює актуальність запропонованої роботи.

Матеріал дослідження. Матеріалом статті послужили РецД, отримані шляхом суцільної вибірки з тлумачних і перекладних словників німецької (див. список лексикографічних джерел). Матеріал дослідження складає 567 одиниць в німецькій мові та 906 одиниць в українській. РецК отримані методом суцільної вибірки з творів німецької та української художньої літератури ХХ століття. Корпус текстової вибірки РецК складає 2275 прикладів у німецькій мові та 2524 приклади в українській.

Поняття діатези. Лінгвістичний термін «діатеза» походить від грецького слова *διάθεσις* і перекладається як «стан». Французький термін *diathèse* з’явився в статті Е. Бенвеніста також у значенні «стан» [3, с. 168].

У словнику О.С. Ахманової зазначено, що термін «діатеза» – це «те ж, що й стан» [2, с. 133]. Л. Теньєр розглядає речення як однорівневу структуру з погляду його синтаксичного устрою. Відповідно до його теорії, речення є «деревом»; дієслівний присудок речення виступає в ролі «сценарію драми», а «актанти» – діючі особи цієї драми. Для опису членів речення автор використовує терміни *актанти* та *сирконстанти*. Під актантами Л. Теньєр розуміє істоти або предмети, які у будь-якій ролі беруть участь в процесі, що виражається дієсловом. Сирконстанти

позначають обставини (час, місце, спосіб та ін.), що вказують на розгортання процесу, і які виражаються прислівниками місця, часу, способу та ін. або їхніми еквівалентами. Дієслово є центром речення, якому підпорядковані усі його члени. Актанти та сирконстанти є, на думку Л. Теньєра, тими елементами, які безпосередньо підпорядковані дієслову [9, с. 117-122].

Кожне дієслово має у своєму оточенні від одного до трьох актантів, тобто дієслово керує різною кількістю актантів, що називається валентністю дієслова. Із семантичного погляду перший актант в оточенні дієслова – це актант, який виконує дію і називається суб'єктом. Другий актант, на який спрямована дія, є прямим додатком і називається об'єктом. Третій актант, за визначенням Л. Теньєра, називає учасника ситуації, на чю користь або на шкоду якому відбувається дія і який у реченні є непрямим додатком. Автор відзначає, що, крім актантів (суб'єкта й об'єкта), у реченні є також сирконстанти, виражені прислівниками або іншими словами у функції прислівника. Тому існує стільки типів сирконстантів, скільки є типів прислівників, тобто сирконстанти часу, місця, способу дії, кількості й т.п. Речення може не мати жодного сирконстанта, або навпаки – мати їх у великій кількості, які розташовуються в певному порядку [9, с. 138-141].

У 70-80 роки ХХ ст. групою структурно-типологічного вивчення мов Ленінградського відділення Інституту мовознавства АН СРСР (сьогодні Інститут лінгвістичних досліджень РАН у м. Санкт-Петербург) під керівництвом О.О. Холодовича розробляється універсально-типологічна концепція категорії стану. У чисельних дослідженнях вчених цього інституту як вихідне поняття станових відносин розглядається діатеза, яка розуміється як схема відповідності між одиницями синтаксичного та семантичного рівнів, а категорія стану трактується як граматично маркована діатеза.

Проблема діатез привернула увагу і О.В. Падучевої. Вона відзначає, що діатеза – це набір учасників ситуації, позначуваної дієсловом, з їхніми семантичними ролями й комунікативними рангами. До семантичних ролей авторка відносить ролі агенса, пацієнса, експерієнсива та ін.; до комунікативних рангів – суб'єкта і об'єкта, які мають найвищий ранг і є центром речення; «за кадром», вважає авторка, перебувають учасники дієслівної ситуації, що не заповнюють синтаксичної позиції в оточенні дієслова [8, с. 26].

Подальшого розвитку теорія діатез отримала в наукових працях Е.Ш. Генюшене, В.С. Храковського [6, с. 15]. Вони виділяють у дієслова референтну, рольову й синтаксичну структури, що дозволяє

будувати трирівневі діатези. Дворівневі діатези О.О. Холодовича, які включали лише рольову (семантичну) й синтаксичну структури, не давали адекватного опису багатьох РД і РецД, оскільки вони не відображали дериваційних змін, що зачіпають референтну структуру похідного дієслова. Автори вважають за необхідне враховувати референтний рівень для аналізу РД і наводять для цього такі аргументи: 1) семантичні ролі визначаються не завдяки семантичним ознакам, а з погляду на відношення до дії, стану тощо; 2) між семантичними ролями й семантичними ознаками існує неоднозначна відповідність; 3) семантичні ролі зумовлюються членами речення, а не семантикою імен [6, с. 16].

Отже, теорія діатез виходить із гіпотези, що інформація, яка міститься в конструкції дієслова, дорівнює інформації, кодованій у лексикографічному тлумаченні дієслова, яке є вершиною цієї дієслівної конструкції. Дієслово-вершина – це слово-предикат, що називає ситуацію, яка тлумачиться за допомогою інших предикатів та партиципantів (предметних перемінних). Набір семантичних валентностей дієслівної лексеми визначається її словниковим тлумаченням і залишається незмінним у всіх вживаннях цього дієслова; іншими словами, дієслівна лексема в різних своїх вживаннях може змінювати лише спосіб вираження семантичних актантів (їхнє лексичне наповнення) у синтаксичній структурі, проте не їхню кількість та характеристики.

У статті під діатезою розуміється схема відповідності між партиципантами, визначеними словниковим тлумаченням дієслова, синтаксичними актантами предикативної словоформи та їхніми відповідниками на референтному рівні.

Рівні опису РецД. РецД розглядаються як складна структура, що формується трьома складниками: референтним, рольовим (або семантичним) та синтаксичним. Виділення цих конституентів у структурі РецД відбувається шляхом побудови трирівневих діатез, які відповідають референтному, рольовому та синтаксичному рівням. Розглянемо кожен із цих рівнів.

1. Референтний рівень РецД. Референтний рівень РецД пов'язаний із кількістю та семантичними властивостями учасників реципрокальної ситуації. Для опису РецД та їхніх конструкцій істотним виявилось виділення чотирьох семантичних типів референтів, що зумовлено семантикою учасників ситуації, описуваної дієсловами: 1) потенти (Pot), які позначають істоти, а саме особи (Pers) (див. (3), (4)) або тварини, птахи тощо (Anim) (див. (5), (6)), пор.: (5) нім. *Die Schafe* (Anim) *unten stießen sich und stöhnten manchmal auf* 'Вівці внизу штовхалися й іноді скиглили'; (6) укр. *А як менш говорити «кипить», то все будуть корови (Anim) битися між собою*;

2) референти-неістоти (NonPers), які позначають сили природи, агрегати, машини тощо, пор.: (7) нім. *Zwei Autos* (NonPers) *stießen sich in dichtem Nebel zusammen* ‘Два автомобілі зіткнулися в густому тумані’; (8) укр. *Поїзди* (NonPers) *грякнулися залізними грудьми, тисячотонна маса вагонів з коротким, як вибух, брязкотом шартнула назад...*;

3) непотенти (NonP), до яких належать предмети, що не виявляють енергії: (9) нім. *Übrigens ähneln sich diese Häuser* (NonP) *überall* ‘До речі, ці будинки схожі всюди один на одного’; (10) укр. ... *сотні ліній* (NonP) *переплітаються в сітку й творять ніби рисунок...*;

4) партитивні референти (Part), що позначають частини тіла, властивості референтів-істот (людини) або неістот і об’єднуються ознакою невідчужуваної належності. Пор.: (11) нім. *Ihre Hände* (Part) *berührten sich leicht...* ‘Їхні руки трохи торкнулися одна одною’; (12) укр. *Коли їхні руки* (Part) *зіштовхнулися, вони швидко відделилися і вийшли з хати.*

2. Семантичний рівень РецД. Наступним рівнем опису в діатезах РецД постає семантичний (рольовий). На семантичному рівні враховується рольова структура РецД, яка є постійною характеристикою для кожної дієслівної лексеми. Виділення семантичних ролей дає можливість експлікувати ті компоненти в семантиці слова, що зберігаються в лексичній деривації, а також відображати зміни рольової структури дієслова, які відбуваються в його деривації.

Зазначимо, що перелік семантичних ролей та їхня кількість розрізняються в різних авторів. Ця розбіжність пояснюється тим, що лінгвісти укладають власний набір семантичних ролей відповідно до мети та практичного матеріалу дослідження, який є необхідним і достатнім для опису свого емпіричного матеріалу. Із врахуванням наявної в літературі таксономії семантичних ролей, для опису РецД використовуються такі конкретні традиційні семантичні ролі: 1) роль агенса (Ag) – ініціатора дії – істота, яка її контролює; 2) роль пацієнса (Pt) – учасника ситуації – істота, яка залучена до дії і зазнає суттєвих змін; 3) роль експерієнцера (Exp) – носія почуття; 4) роль змісту (Cont) – інформації у дієслів мовленнєвого спілкування; 5) роль адресанта (Adrn) – відправника інформації; 6) роль адресата (Adr) – одержувача інформації; 7) роль стимулу (Stim) – джерело впливу при чуттєвому сприйнятті; 8) роль ініціатора або каузатора (Caus) – суб’єкта каузації дії; 9) роль початкової точки (Ab) – місця знаходження першого учасника у дієслів руху; 10) роль кінцевої точки (Ad) – місця знаходження другого учасника у дієслів руху; 11) роль посесора (Poss) – суб’єкта у посесивних дієслів; 12) роль

реципієнта (Rec) – одержувача; 13) роль посесивного об'єкта (Ob_{Poss}) – об'єкта у посесивних дієслів; 14) роль бенефіціанта (Ben) – об'єкта, на користь якого виконується дія; 15) роль інструмента (Instr) – другого об'єкта, за допомогою якого учасники ситуації впливають один на одного; 16) роль засобу (Med) – об'єкта, за допомогою якого учасники впливають один на одного.

Окрім традиційних ролей, нами виділяється у дієслів розташування роль нерухомого (статичного) учасника (Immov) та специфічна роль кон'юнктора (Conj), яка може поєднувати в собі такі семантичні ролі: 1) агенса й пацієнса (Conj_{Ag+Pt}); 2) адресанта й адресата (Conj_{Adrm+Adr}); 3) експірієнсива й стимула (Conj_{Exp+Stim}); 5) нерухомого (статичного) учасника (Conj_{Immov1+Immov2}).

Для повнішого та детального опису РецД і РецК у роботі враховуються також такі додаткові семантичні елементи, які з'являються в оточенні РецД: 1) Attr – якісна/квантитативна ознака, яку набуває суб'єкт/об'єкт РецС; 2) Mode – спосіб виконання дії; 3) Temp – час протікання/виконання дії; 4) роль місця (Loc) – знаходження учасника РецС у певному просторі.

3. Синтаксичний рівень РецД. На синтаксичному рівні ситуація, що позначається РецД, та її учасники виражаються в реченні за допомогою синтаксичних членів речення. І.Р. Вихованець зауважує, що тип семантико-синтаксичної структури речення визначає саме валентність предиката, оскільки вона відбиває його семантично зумовлену сполучуваність з іншими непередикатними компонентами [4, с. 110]. У побудові комунікативної синтаксичної конструкції визначальна роль належить дієслову, оскільки саме дієслово наповнює речення часовим значенням, указує на певний спосіб дії тощо. У дієслова транспонується й морфологічно закріплюється властиве іменникові граматичне значення особи, числа й роду. Основним же показником центральної ролі дієслова в реченні є його семантико-синтаксична валентність, яка „прогнозує” семантико-синтаксичну структуру речення, визначає семантичну роль непередикатних знаків.

Поняття валентності, яке щодо граматики обґрунтував Л. Теньєр на матеріалі французької мови, виникло на основі вивчення синтаксичних потенцій дієслова – мовної одиниці, яка вирізняється складними сполучувальними можливостями. Під валентністю Л. Теньєр розуміє здатність дієслова сполучатися з певною кількістю актантів – діючих членів та сирконстантів – обставинних членів речення [9, с. 65]. Залежно від виконуваної функції мовознавець виділив трьох учасників ситуації: 1) той, хто здійснює дію, є першим учасником (prime actant); 2) той, хто

відчуває на собі дію, є другим актантом (second actant); 3) той, кому адресовано певний процес, є третім (tiers actant). Кількість таких учасників обмежена та піддається точному вираженню й обліку.

Валентність дієслова насамперед пов'язана з його первинною синтаксичною функцією бути ознаковим словом, тобто предикатом. Дієслово-предикат визначає склад речення, від нього залежить, які валентнісні партнери його супроводжуватимуть. Реалізація валентнісних зв'язків предикатів спричиняє до появи в структурі речення другорядних членів. На основі дієслова і валентно пов'язаних із ним іменників формуються різні типи семантико-синтаксичної структури елементарних простих речень. Синтаксична структура речення визначається в основному граматичними властивостями слів, які до нього входять, насамперед – їхніми сполучувальними ознаками, які включають його синтаксичні й семантичні валентності. Синтаксичні валентності слова утворюють ті мовні одиниці, які можуть вступати з ним у стосунки безпосередньої синтаксичної залежності. Розрізнено синтаксичні валентності, що відповідають деякій семантичній валентності слова і синтаксичні валентності, які не відповідають ніякій семантичній валентності.

Зазначимо, що не всі валентності, потенційно закладені в семантиці дієслова-присудка, виражаються спеціальними синтаксичними поширювачами в поверхневій структурі речення. У кожній конкретній ситуації можуть реалізуватися лише ті валентності, які узгоджуються зі структурно-семантичною будовою речення. Предикатно-аргументні відношення встановлюються між дієсловом-присудком і непередикатними знаками на основі валентнісного зв'язку, який означає семантичну й синтаксичну підпорядкованість аргументних компонентів дієслівної лексики. У мовознавчій літературі кількість можливих валентностей дієслова визначено по-різному.

Традиційне визначення членів речення ґрунтується на одночасному врахуванні їхніх формально-синтаксичних і семантико-синтаксичних ознак. Опрацювання критеріїв розмежування членів речення стало актуальним завданням сучасного мовознавства, розв'язанню якого сприяв передусім розгляд речення як багатоаспектної синтаксичної одиниці. Виокремлення формально-синтаксичної і семантико-синтаксичної структур речення як окремих об'єктів вивчення зумовило також розрізнення двох рядів членів речення – формально-синтаксичних і семантико-синтаксичних.

У сучасному українському мовознавстві дедалі послідовніше розрізняють власне-члени речення (формально-синтаксичні

компоненти речення) і синтаксеми (семантико-синтаксичні компоненти). Два ряди компонентів виявляють різне спрямування: власне-члени речення спрямовані у внутрішню структуру мови, а синтаксеми – у зовнішню, відображаючи предмети та явища позамовного світу. Формально-синтаксичні члени речення визначають на основі синтаксичних зв'язків, синтаксеми – на основі семантико-синтаксичних відношень. Відмінність між двома рядами мінімальних синтаксичних одиниць (формально-синтаксичних і семантико-синтаксичних) виразно виявлена на тлі формально-синтаксичної організації простого речення. У найтиповіших випадках формально-синтаксична структура простого речення формується двома взаємопов'язаними головними членами речення – підметом і присудком, а семантико-синтаксична структура – предикатом і його валентністю. Значне місце у випрацюванні теорії підмета посідають праці українських мовознавців І.Р. Вихованця, К.Г. Городенської, Н.Л. Іваницької та ін.

Під синтаксичною структурою речення М.В. Всеволодова розуміє конфігурацію позицій членів речення, які займають імена компонентів денотативної структури, та відзначає, що синтаксична структура визначається вибором одного компонента на роль підмета. Підмет – це формальний компонент, що займає найбільш високий ранг у реченні, стоїть у називному відмінку і з яким узгоджується дієслово [5, с. 17-19]. Друге за комунікативною значущістю місце посідає присудок. Наступна позиція належить додаткам (прямою і непрямою), з яких прямий або агентивний є найбільш функційно пов'язаним з підметом. Останню позицію в реченні займають обставини: місця, часу, мети, умови і т.ін. Ця позиція використовується для зниження комунікативної значущості імені агенса.

У пропонованому дослідженні виділяються такі елементи в синтаксичній структурі РецД, які необхідні для опису синтаксичного рівня РецД: 1) підмет (Sb), який може бути виражений в однині ($Sb_{одн}$) або множині ($Sb_{мн}$); 2) прямий додаток ($Ob_{знах}$); 3) додаток у давальному відмінку ($Ob_{дав}$); 4) прийменниковий додаток ($Ob_{прийм}$); 5) додаток, що виражається взаємним займенником ($Ob_{рец.займ.}$); 6) додаток, що виражається взаємним прийменниковим займенником ($Ob_{рец.пр.займ.}$).

Висновки. Семантика РецД німецької та української мов являє собою складну структуру і включає три рівні: 1) референтний; 2) рольовий (або семантичний) і 3) синтаксичний.

Для опису РецД та їхніх РецК на референтному рівні істотним у порівнюваних мовах виявилися чотири семантичних типи референтів: 1) потенти; 2) референти-неістоти; 3) непотенти; 4) партитивні референти.

На семантичному рівні суттєвими для зіставного опису РецД виявилися 16 традиційних семантичних ролей (агенс; пацієнс; адресат тощо) та 2 додаткові специфічні семантичні ролі (нерухомий учасник РецД і кон'юнктор, який поєднує в собі різні семантичні ролі). В оточенні РецД враховуються також певні конкретизатори (атрибут, спосіб, час, місце).

На синтаксичному рівні учасники реципрокальної ситуації в порівнюваних мовах описуються в традиційних термінах членів речення (підмет; різні типи додатку: давальний; прийменниковий та ін.).

ЛІТЕРАТУРА

1. Абрамов Б.А. Грамматика зависимостей и теория валентностей / Б.А. Абрамов // Современные зарубежные грамматические теории: сб. научно-аналитических обзоров. – Калинин, 1985. – С. 40–55.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Эмиль Бенвенист. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Вихованець І.Р. Частини мови в семантико-граматичному аспекті / І.Р. Вихованець // АН УРСР Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні. – К.: Наук. думка, 1988. – 256 с.
5. Всеволодова М.В. Категория валентности и грамматическое присоединение как механизмы реализации закона семантического согласования / М.В. Всеволодова // Слово. Грамматика. Речь. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – Вып. 1. – С. 16–25.
6. Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов / Э.Ш. Генюшене. – Вильнюс: Мин-во высш. и сред. спец. образования ЛитССР, 1983. – 168 с.
7. Долинина И.Б. Пассивные диатезы английских глагольных лексем / И.Б. Долинина // Залоговые конструкции в разноструктурных языках [отв. ред. В.С. Храковский: АН СССР, Ин-т Языкознания]. – Л.: Наука, 1981. – С. 46–79.
8. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 291 с.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Люсьен Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
10. Холодович А.А. Залог: Определение. Исчисление / А.А. Холодович // Категория залога : материалы конференции. – Л.: Наука, 1970. – С. 2–26.

АННОТАЦИЯ**Юшкова С. А. Реципрокальные глаголы и реципрокальные конструкции в немецком и украинском языках: методика исследования**

Статья посвящена изучению реципрокальных глаголов и реципрокальных конструкций с позиций теории диатез. Устанавливаются уровни описания реципрокальных глаголов, выделяются основные семантические типы референтов и их роли. Изучается синтаксическая структура реципрокальных глаголов в немецком и украинском языках. Определяются синтаксические свойства реципрокальных глаголов обоих языков с точки зрения теории валентности.

Ключевые слова: реципрокальный глагол; реципрокальная конструкция; референт; диатеза; валентность; семантическая роль; синтаксическая структура.

SUMMARY**Yushkova S. A. Reciprocal verbs and reciprocal constructions in the German and Ukrainian languages: methodology for investigation**

The article is devoted to the study of reciprocal verbs and reciprocal constructions from the positions of the theory of diathesis. Reciprocal verbs are considered as a complex structure that is formed by three components: the reference, role (or semantic) and syntactical ones. Allocation of these constituents in the structure of reciprocal verbs is made by building a three-level diathesis that matches reference, semantic and syntactic levels. The reference level of reciprocal verbs is associated with the number and semantic properties of participants in the reciprocal situation. For describing reciprocal verbs and their constructions four semantic types of referents, due to the semantics of the participants in the situation described by verbs are selected. At the semantic level the role structure of reciprocal verbs is taken into account, which is a constant characteristic of each verbal lexeme. Extracting of semantic roles enables us to explicate the components in the word semantics that are stored in the lexical derivation, to represent the changes in the role structure of the verbs that occur in its derivation. To describe reciprocal verbs sixteen specific traditional semantic roles, as well as four additional semantic elements are used. At the syntactic level the situation with reciprocal verbs and its members is expressed in a sentence with the help of the syntax members. In accordance with valence theory, syntactic properties of verbs are described in terms of their valence, in the number of dependent from verbs nouns and their grammatical characteristics. The main indicator of the central role of the verb in a sentence is its semantic and syntactic valence that

predicts the semantic and syntactic structure of a sentence, determines the semantic role of predicative signs.

Key words: reciprocal verb, reciprocal construction, referent, diathesis, valence, semantic role, syntactic structure.

Н.А. Ясинецкая
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.11-26

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В США

Англоязычные политические неологизмы 2010-х годов американского происхождения отображают наиболее важные события и сильные потрясения в политической жизни США, включая президентские выборы 2016 года. Целью данной работы является выявление неологизмов политического дискурса, появившихся во время президентской избирательной кампании в США, проходившей в 2016 году. Объектом исследования являются лексические, семантические и фразеологические неологизмы американского происхождения; предметом – их структурные, семантические и функциональные особенности. Методологическая основа исследования – понимание явления неологизации как закономерного процесса в истории развития языка.

Выделение словообразовательных моделей англоязычных неологизмов и классификация их структурно-семантических разновидностей основывается на применении структурно-компонентного метода, а также приёмов этимологического и когнитивного анализа. Дистрибуция помогает установить причины и условия взаимодействия процессов языкового обновления. Элементы метода количественных подсчётов позволяют выявить производительность словообразовательных моделей англоязычных неологизмов.

Проблемам словообразования в английском языке посвятили свои работы многие лингвисты, в частности, Е. С. Кубрякова, Л. Бауэр, В. И. Заботкина, Ю. А. Зацный. В лингвистических исследованиях разработаны принципы словообразовательного анализа, определены понятие, природа и суть словообразовательного значения, связь словообразования с синтаксисом, особенности словообразования на основе заимствованных слов и словообразовательных элементов. Но

поскольку словарь английского языка постоянно пополняется, требуются новые исследования деривационных моделей, семантических и структурных изменений и типов мотивации в основе неологизмов.

Семантическая деривация. Общий объём семантики в языке постоянно растёт в процессе развития общества, познавательной деятельности человечества, расширения наших знаний в разных сферах жизни. Основой семантического словообразования является функциональная переориентация лексики, “создание новой языковой единицы при изменении её функциональных и тем самым лексических и грамматических характеристик” [1, с. 100]. Семантические неологизмы, связанные с избирательной кампанией в США, свидетельствуют, что модификации их значений связаны с процессами семантического расширения, терминологизации и перетерминологизации на основе смежности (метонимия) и схожести (метафора), а также дисфемизации.

Во время последних выборов, по признанию экспертов, не только вскрылась глубокая идеологическая несовместимость республиканцев и демократов, но и обнаружились острые, непримиримые противоречия, существующие в американском обществе. Эта поляризация нашла своё отражение в новых лексических единицах языка, которые в ходе выборов приобретали всё более резкий характер. В американском варианте английского языка появился новый пласт лексики, отображающей выпады политических и идеологических оппонентов друг против друга. Так, например, демократы, желая высмеять республиканцев, использовали слово-дисфемизм *wingnut* (омоним к *wing nut* тех. «крыльчатая гайка, гайка-барашек» и бот. «парусный / крылатый орешек») «лопоухий», которое сочетает в себе намёк на радикализм правого крыла (в качестве первого компонента сложного слова используется номинативная метафора *wing*) и причудливое безрассудство (второй компонент представлен сленгизмом и одновременно номинативной метафорой *nut* «чудак, сумасброд, псих»).

В словаре оскорбительных слов республиканцев, направленных против демократов, появилось слово *moonbat* «человек, имеющий леворадикальные взгляды», полная форма которого *barking moonbat* нелестно описывает идеологически мотивированное поведение леворадикалов, создавая метафорическую ассоциацию с «лаем/воем на луну».

Фразеологизация. Президентская избирательная кампания 2016 года привнесла целый ряд неологизмов в политический словарь американского варианта английского языка,

чтобы назвать новое явление, возникшее в этот период, – *doubleheader debate* (двойные дебаты). Поскольку более десяти серьёзных представителей Республиканской партии соперничали за право стать кандидатом от своей партии, они по объективным причинам не могли оставаться на сцене и участвовать в предвыборных дебатах одновременно. Решение было найдено: были введены дополнительные дебаты для кандидатов, имеющих невысокий рейтинг популярности среди избирателей, которые проходили перед основными дебатами. Данный неологизм образовался вследствие словосложения, аффиксации и фразеологизации.

Формально это *secondary debate* (второстепенные дебаты), но, поскольку этот фразеологизм является в некоторой мере уничижительным, возник ряд более ярких синонимов для обозначения этих менее значимых дебатов. Их употребление ещё не урегулировано, но если оно станет обычной практикой, то один из наиболее часто используемых фразеологизмов может стать частью американского политического словаря: *JV debate*, *kids's table*, *happy hour debate* или *undercard debate*.

Как и большинство его синонимов, которые возникли для обозначения этих преддебатов, *JV debate* имеет юмористически уничижительную коннотацию. *JV* является аббревиатурой от *junior varsity* «спортивная команда, которая в рейтинге находится ниже более опытной и талантливой университетской команды». Оксфордский словарь английского языка регистрирует использование *junior varsity* в переносном смысле уже с 1940-х годов. Неологизм возник вследствие аббревиации (буквенная аббревиатура *JV*) и фразеологизации; в его основе – метафорический перенос, эллипсис и перетерминологизация.

Используя аналогичные спортивные метафоры, преддебаты также называют *second-string* или *minor-league*, которые также подчёркивают незначительность данного мероприятия, но следует заметить, что эти метафоры встречаются гораздо реже, чем *JV* (хотя аббревиатура сама по себе используется реже всех других нижеприведённых терминов для обозначения данных дебатов): [Of Ben Carson] Better suited for the *JV debate* next time (Tampa Bay Times, 07.08.2015).

Ещё более уничижительными, чем аббревиатура *JV*, являются названия *kids' table* или *kiddie table*, которые подразумевают, что кандидаты, участвующие в такие дебатах, ещё «не доросли» до участия в дебатах, которые идут в эфире в прайм-тайм. Однако, несмотря на это, преддебаты часто оказываются более глубокими и содержательными, чем основные дебаты; возможно, это происходит из-за меньшего количества голосов и меньших

амбиций кандидатов: [Carly Fiorina's] dominant showing at the "kid's table" in the first GOP debate earned her a spot at the main event for the second (Atlantic Online, 17.11.2015).

Сенатору Линдси Грэму приписывают создание термина *happy hour debate*, подразумевающего послеобеденное время начала мероприятия. Хотя многие американцы воспринимают и понимают выражение буквально: «счастливые час (дебатов)»: Well, when I'm in the first debate, which is the happy hour debate, at five o'clock, start drinking (Senator Lindsay Graham, 01.08.2015).

Самый популярный термин, применяемый к этому виду дебатов, – *undercard debate*, является ссылкой на менее важные поединки, которые проходят перед основным боксёрским матчем. Следует отметить, что использование боксёрских метафор является эндемическим в освещении прессой американских политических дебатов (американские избиратели жаловались на злоупотребление кулачной терминологией в описании президентских дебатов [3]): The undercard debate won't have quite the same energy. That's because there won't be an audience at all (National Journal, 06.08.2015). Данный неологизм также иллюстрирует перетерминологизацию.

Телескопия. Интересным лексическим примером отрицательно-презрительного отношения демократов к республиканцам является слово *Rethuglican* (сокращённая форма *Rethug*) – метафорически мотивированный телескопизм, созданный из фрагментов слов *Republican* и *thug* «разбойник, бандит, головорез, убийца».

Ещё более широкое распространение, чем *moonbat*, получил телескопизм *libtard* (от *liberal* и *retard*), оскорбительное слово, обозначающее «умственно отсталого либерала». В свою очередь, либерал-демократы не остались в долгу и дополнили свой арсенал словесных нападок такими неологизмами с компонентом *-tard* (происходящим также от *retard* «умственно отсталый»), как *conservatard*, *Republitard* и *Teatard*. В последнем содержится аллюзия к Движению чаепития (англ. *Tea Party movement*), консервативно-либертарианскому политическому движению в США, возникшему в 2009 году как серия протестов, скоординированных на местном и национальном уровне, вызванных, в том числе, актом 2008 года о чрезвычайной экономической стабилизации и рядом реформ в области медицинского страхования. Само название «Движение чаепития» является отсылкой к Бостонскому «чаепитию» 1773 года – акции протеста под лозунгом «Нет налогам без парламентского представительства», в ходе которого американские колонисты

уничтожили английский груз чая, событию, ставшему символичным в американской истории. Иногда название движения расшифровывают как *Taxed Enough Already* («Хватит с нас налогов»). Поскольку с течением времени компонент *-tard* стал составляющей целого ряда политических дисфемизмов, его можно считать новым аффиксом, а образование новых слов с ним – аффиксальным.

Подобно Джорджу У. Бушу, который употреблял слово *strategy*, госпожа Сара Палин также известна изобретением своеобразных слов, например, в 2010 году благодаря ей появилось слово *refudiate* (телескопизм на основе синонимов *refute* «опровергать, доказывать несостоятельность» и *repudiate* «отвергать, отказываться, не признавать»). Это новое слово через несколько месяцев стало словом года в Оксфордском словаре и продолжает активно использоваться, в частности, в американском политическом дискурсе.

Конверсия. Лексикографы обращают внимание не только на новые слова; новые значения существующих слов и грамматические изменения, такие как конверсия (переход слова из одной части речи в другую), также являются важными аспектами изменения языка.

Самому Дональду Трампу удалось несколько новых слов и выражений. Частое использование Дональдом Трампом выражения *big league* в функции наречия (например, *“We are cutting them [i.e., taxes] big league for the middle class”*) привлекает к себе внимание с момента предварительных выборов республиканцев. Выражение *big league* (*большая лига*) было впервые использовано в его первоначальном значении в сфере бейсбола в 1880-е годы, но в начале XX века произошла детерминологизация выражения и расширение его значения до «нечто существенное, важное, примечательное». Стоит отметить, что этот сдвиг, по-видимому, начался в политическом контексте, как в этом примере 1917 года: *If it had put forward a big league candidate the interest in the campaign might have diverted public attention from the war* (N.Y. Tribune, 21.08.1917).

Следовательно, использование словосочетания *big league* в функции прилагательного является обычным явлением, но использование его Д. Трампом в роли наречия (которое должно пониматься как *greatly*) является необычным, поэтому, вероятно, многие люди слышали в речах Трампа вместо *big league* наречие *bigly* (*Iran is taking over Iraq bigly* или ... *Fox News talking bigly about immigration*). Тем не менее, соратники Трампа подтвердили, что кандидат от Республиканской партии действительно

использует выражение *big league*. Неологизм образовался вследствие конверсии; в его основе – метафорический перенос и перетерминологизация. Хотя это выражение ещё не было зафиксировано в словарях как наречие, если будет достаточно доказательств подобного его употребления в англоязычном мире, лексикографы внесут нужные поправки [3].

Одной из самых известных оплошностей Хиллари Клинтон в 2016 году было её описание некоторых сторонников Трампа как людей, принадлежащих к “*basket of deplorables*”. Слово *deplorable* («заслуживающий решительного осуждения, совершенно неприемлемый») используется как прилагательное в английском языке с XVII века, но его использование в качестве существительного очень необычно. Характеризация Клинтон избирателей как *deplorables* подверглась широкой критике, но некоторые сторонники Трампа немедленно начали использовать его применимо к себе; теперь слово появляется на футболках и в твиттере как знак гордости и солидарности.

Словосложение. Однако не только специфическое произношение американского президента нашло своё отражение в заголовках СМИ, но и его использование порой слов и выражений, вызывающих неоднозначную реакцию общества, таких как *anchor baby* «ребёнок, появившийся на свет в США от родителей, которые не являются гражданами этой страны». Трамп использовал это выражение даже в отношении другого кандидата в президенты – Теда Круза [5]. Неологизм иллюстрирует словосложение, метафорический перенос и детерминологизацию.

Аббревиация. Термин *alternative right* (сокращённо *alt-right*) появился в 2008 году для обозначения политического движения, совмещающего «правые» идеологические воззрения и расовую разновидность национализма. Сокращённая форма (усечение) неологизма, которая по звучанию напоминает название музыкальной субкультуры 1990-х, опровергает крайние позиции, отстаиваемые движением. Издания возобновили интерес к понятию и слову *alt-right* в 2015 году в контексте обсуждения поддержки движением *alt-right* кандидатуры Дональда Трампа.

Аффиксация. Появились новые аффиксы, в частности, суффиксоиды, такие как *-tard* и *-mentum*. В физике *momentum* – это инерция движущегося тела, на которую влияют его масса и скорость; когда мяч катится с горки, его скорость возрастает, и мы говорим, что он «достиг инерции». Слово *momentum* часто используется в переносном смысле в отношении движущей силы. Особое значение слово приобрело в контексте американских

президентских выборов, где оно используется в отношении увеличения шансов на победу определённого кандидата в связи с ростом его рейтинга согласно опросу общественного мнения (считается, что одна победа непременно должна перерасти в другую). Именно такой смысл заложен в неологизме *Trumpmentum*, который фиксируют оксфордские словари новых слов, – на определённом этапе президентской гонки 2016 года становится очевидной неизбежная победа Дональда Трампа.

Неологизмы с компонентом *-mentum* появились и в отношении других кандидатов, участвовавших в президентской гонке 2016 года. Более благозвучным является неологизм *Marcoomentum*, который возник в отношении Марко Рубио, уверенно занявшего третье место на партийных выборах в Айове; благозвучие создаётся благодаря совпадению *-о* имени собственного *Marco* с *-о-* в слове *momentum*. Даже о небольших победах Джеба Буша, который вынужден был оставить президентскую гонку после предварительных выборов в Южной Каролине, несколько раз отозвались как о *Jeb-mentum*. Несмотря на победу Хиллари Клинтон как единого кандидата от Демократической партии, успехи Берни Сандерса тоже описывали как *Berniementum* и *Bernmentum*.

Появление большого количества неологизмов с компонентом *-mentum* во время американской избирательной кампании 2016 года не является беспрецедентным. Во время аналогичной кампании 2012 года появились такие неологизмы, как *Mittmentum* (и менее популярный *Romneumentum*) по имени кандидата-республиканца Митта Ромни; не надолго появлялись и *Santorumentum* (по имени Рика Санторума), а также *Newtmentum* (в начале избирательной кампании в отношении Ньюта Гингрича). Во время избирательной кампании 2008 года, запомнившейся борьбой между Хиллари Клинтон и Бараком Обамой за место кандидата от Демократической партии, на некоторое время появился и неологизм *Joementum* в отношении неудачника Джо Байдена; это слово позже закрепилось, когда Байден был назначен вице-президентом США. Хотя слово *Joementum* возникло ещё четырьмя годами раньше в отношении другого кандидата – демократа Джо Либермана, который объявил, что его кампания наберёт обороты после предварительных выборов в Нью Гемпшире в 2004 году.

Неологизмы, в основе которых имена политиков и усечённая метафора *momentum* стали обычным явлением в английском языке, так что компонент *-mentum* можно рассматривать как ещё один «свободный аффикс» или аффиксоид, подобно *-kini* (от *bikini*) или *-tastic* (от *fantastic*). Мода на *-mentum* вышла

далеко за пределы США; так, например, в Австралии неологизм *Ruddmentum* (по имени Кевина Рудда) появился в 2013 году во время борьбы за лидерство Лейбористской партии и возобновился недавно в контексте вероятности того, что Рудд может стать следующим Генеральным секретарём ООН. Каким бы ни было будущее, похоже, что популярность аффиксоида *-mentum* не уменьшится, и новые претенденты подхватят его в последующих избирательных кампаниях в США и не только [4].

В последнее время суффикс *-er* вновь стал популярным, а в контексте избирательных кампаний он используется в составе слов с неодобрительной или прямо пренебрежительной коннотацией для обозначения «заговорщиков». Так, во время выборов 2008 года возник неологизм *birthers* «люди, которые сомневались в правомочии Барака Обамы занять пост президента США, взирая на место его рождения (поскольку этот пост могут занимать только люди, рождённые в США)». Потом появились аффиксальные неологизмы *deathers* «люди, которые сомневаются, действительно ли умер Осам бен Ладен» и *truthers* «люди, которые сомневаются в официальной версии террористических атак в США, совершённых 11 сентября 2001 года». Во время избирательной кампании 2016 года возникли новые обстоятельства, появились новые теории и, соответственно, их обозначения, например, *healthers* «люди, которые считали, что Хиллари Клинтон скрывает смертельную болезнь». Слово *healthier* стало популярным в сентябре, когда кандидат в президенты переживала приступ пневмонии, но, по утверждению лексикографов, оно встречалось в этом значении и раньше, в 2014 году, ещё до начала выборов.

Следует отметить, что в большинстве случаев сложно разделить способы словообразования английских неологизмов, поскольку в одном слове или терминосочетании задействованы сразу несколько способов деривации. Мы всё же попытались, учитывая все способы словообразования в основе подборки инноваций, так или иначе связанных с президентской избирательной кампанией 2016 года в США, провести количественный подсчёт и отображали использование способов деривации в процентном соотношении в Таблице 1.

Таблица 1

Способы образования неологизмов президентской избирательной кампании 2016 года в США

№	Способы образования неологизмов	Количество неологизмов, %
1.	Аффиксация	45,2

2.	Семантическая деривация	16,3
3.	Фразеологизация	14,3
4.	Аббревиация	12,2
5.	Словосложение	4,0
6.	Телескопия	4,0
7.	Конверсия	4,0

Политический дискурс вокруг американской президентской избирательной кампании 2016 года привнес и популяризировал весомое количество лексических инноваций и новых семантических значений, ещё не зафиксированных в словарях. Они попали в поле зрения лексикографов, но станут ли они в итоге полноценным достоянием словаря, зависит не только от частоты их использования, но и от оценки их последующей значимости. Перспективным является детальное исследование моделей каждого из вышеописанных способов словообразования, а также стилистических приёмов в основе неологизмов, в частности инноваций политического дискурса, что поможет спрогнозировать дальнейшие пути развития английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левицкий А. Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Левицкий Андрей Эдуардович. – К., 1999. – 396 с.
2. Martin K. C. The undercard debate: emerging jargon in the 2016 Republican primaries / K. C. Martin // Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – 15.12.2015. – Режим доступа : <http://blog.oxforddictionaries.com/2015/12/undercard-debate>.
3. Martin K. C. What are the most common American political insults? / K. C. Martin // Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – 04.11.2014. – Режим доступа : <http://blog.oxforddictionaries.com/2014/11/political-insults>.
4. Martin K. C. Word in the news : Trumpmentum / K. C. Martin // Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – 29.02.2016. – Режим доступа : <http://blog.oxforddictionaries.com/2016/02/trumpmentum>.
5. Shaddick L. Political profanity and crude creativity on the US Election campaign trail / L. Shaddick // Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – 01.02.2016. – Режим доступа : <http://blog.oxforddictionaries.com/2016/02/political-profanity>.

АННОТАЦИЯ**Ясинецкая Н. А. Структурно-семантические особенности неологизмов избирательной кампании в США**

В статье раскрываются способы образования политических неологизмов американского происхождения, в частности, аффиксация, словосложение, телескопия, аббревиация, конверсия, семантические преобразования (метафорический перенос, детерминологизация, перетерминологизация, эллипсис, дисфемизация) и фразеологизация. Анализируются особенности функционирования и перспективы политических неологизмов в английском языке, а также возможность их участия в дальнейшем словообразовании.

Ключевые слова: политический дискурс, неологизм, словообразование, мотивация; структурные, семантические и функциональные особенности.

SUMMARY**Yasinetskaya N. A. Structural and semantic features of neologisms of the election campaign in the USA**

The article highlights the formation of political neologisms of the American origin, in particular, affixation, compounding, blending, abbreviation, conversion, semantic transformations (metaphoric transfer, determinologization, transterminologization, ellipsis, and disphemization), as well as phraseologization. The article discusses the peculiarities of functioning and the prospects of the political neologisms in the English language, as well as the possibility of their participation in further derivation.

Key words: political discourse, neologism, word formation, motivation; structural, semantic and functional features.

*А.М. Авксентьева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'36(811.111)(070.22)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ
ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ В ЗАГОЛОВКАХ
ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ ГАЗЕТЫ
«THE GUARDIAN»**

Благодаря распространению масс-медийной интернет-коммуникации на сегодняшний день можно отметить растущее количество электронных версий газет, которые привлекают читателей своей способностью к быстрому обновлению

информации, возможностью экономить время при ее поиске, предоставлением постоянного доступа.

Одним из приемов привлечения внимания читателей интернет-изданий является использование правильно подобранного заголовка. Он представляет собой неотъемлемую часть публикации, и именно на него читатели обращают внимание в первую очередь и не видят полных текстов до тех пор, пока не пройдут по соответствующей ссылке и не откроют статью. Кроме того, по сравнению с заголовком традиционного печатного издания, заголовок электронной версии газеты приобретает большую автономность и представляет собой уже не столько заголовок, сколько отсылку к будущему тексту, к содержанию публикации. Он должен сообщить читателю, о чем статья, и побудить его эту статью прочесть, но не дезориентировать его, обещая то, чего на самом деле в статье нет. Таким образом, удачный заголовок – это залог успеха публикации.

Заголовок часто сравнивают с вывеской и витриной магазина. Как вывеска и витрина – это обещание, что в магазине можно найти такой-то товар, так заголовок – это обещание, что в статье будет определенная информация. Этот обязательный компонент текста интернет-издания дает первое представление о написанном, формирует настроение перед прочтением, становится первым шагом анализа. Иногда довольно содержательную статью, имеющую невыразительный заголовок, не замечают, а, следовательно, и не читают, и наоборот, правильно оформленный заголовок повышает эффективность восприятия материала.

Проблеме исследования газетного заголовка в том или ином аспекте посвящены работы многих ученых (А. П. Бессонов, З. Д. Блисковский, Ю. В. Верещинская, В. П. Вомперский, В. Г. Костомаров, Э. А. Лазарева, А. А. Лютая, В. С. Мужев, А. С. Попов, А. А. Тертычный, Г. Г. Хазагеров и др.). В российской и зарубежной лингвистике заголовки исследовались с точки зрения психолингвистики, теории речевых актов, лингвистики текста, стилистики [4, с. 5]. Нам представляется важным изучение как самого заголовка, так и различных языковых средств, которые присутствуют в его структуре. Так, вопрос использования различных грамматических форм и конструкций в заголовках представляется нам недостаточно изученным и требующим детального рассмотрения. В статье будут рассмотрены особенности использования грамматических форм и конструкций в заголовках интернет-изданий. Материалом исследования послужили заголовки и заголовочные комплексы из британской периодики, представленной интернет-версией ежедневной газеты «The Guardian».

Следует отметить, что в современной медиасфере активно проявляет себя тенденция использования не одиночного заголовка, а развернутого заголовочного комплекса, который включает имя автора (имена авторов) или его псевдоним, надзаголовки, собственно заголовки, рубрику, подзаголовок, вводки (лиды). Заголовочный комплекс и его части тесно связаны с основным текстом по содержанию, однако в структурном плане сохраняют некую самостоятельность и отдельность от текста. Они выполняют информативную, рекламную, экспрессивную и графически-выделительную функцию, которая является особенно важной, ведь именно заголовочный комплекс отделяет текст от других текстов в составе комплексного произведения и определяет его границы.

Заголовок – это первый и ключевой элемент заголовочного комплекса, который может быть размещен над текстом, внутри текста (так называемый «утопленный» заголовок), сбоку от материала и, что встречается реже всего, под публикацией. Как отмечает И. Р. Гальперин, «заголовок – это компрессированное, нераскрытое содержание текста» [6, с. 133]. Он является первым «знаком текста», с которым знакомится читатель, который активизирует восприятие читателя и направляет его внимание на то, что будет излагаться далее.

По форме заголовки подразделяются на номинативные и предикативные [9, с. 313]. Номинативный заголовок представляет собой неполное предложение, как правило, фразу из двух существительных или существительного и прилагательного и обычно содержит оценку новости: *Vital importance of 4 May local elections* («The Guardian», April 30, 2017).

Предикативный заголовок выражен полным двусоставным предложением и является более характерным для английских газет, позволяя полно описать ситуацию, ставшую предметом новости: *Floods Hit Scotland; Johnson Sends Message* («The Guardian», April 26, 2017).

Многие заголовки построены в виде вопросов, цель которых – привлечь внимание читающих к содержанию сообщения [9, с. 315]: *'What do we do now?' The New Labour landslide, 20 years on* («The Guardian», April 26, 2017).

Для обеспечения реальности сообщаемой газетной информации о том, что случилось или есть на самом деле, служит изъявительное наклонение (The Indicative Mood) и различные временные формы глагола. Так, для выражения действия в заголовках преимущественно используется настоящее время (Present Indefinite). При этом данная временная форма, как правило, передает сообщения о событиях, которые

уже произошли, и нацелена на то, чтобы придать им живость, приблизить их к читателю и усилить интерес к публикуемому материалу: *Renowned climber Ueli Steck **dies** near Mount Everest* («The Guardian», April 30, 2017).

Past Indefinite употребляется в заголовках, относящихся к прошлым событиям в тех случаях, когда в заголовке есть обстоятельство времени либо если читателю просто известно, что событие относится к прошлому: *How tiny homes in the woods **became** a dream destination over the years* («The Guardian», May 1, 2017).

Вместе с тем в ряде случаев сказуемое в высказываниях газетного заголовка выражается формами глаголов в будущем времени, с помощью которых передается информация об обещаниях третьих лиц, о принятых ими решениях, о планируемых ими действиях. Однако значение будущего времени передается не с помощью традиционной грамматической формы глагола (Future Indefinite), а с помощью инфинитива: *Sebastian Gork a **to leave** amid accusations of links to far-right*. («The Guardian», April 29, 2017).

*Ham as **top resent** new charter accepting 1967 borders*. («The Guardian», April 30, 2017).

Также необходимо отметить частое использование страдательного залога (Passive Voice), который позволяет подчеркнуть факт совершения действия. Характерным здесь является опущение глагола-связки *to be* при построении пассивной конструкции, что крайне редко встречается в других функциональных стилях и жанрах, делая заголовок более информативным и позволяя привлечь дополнительное внимание: *Iranian TV executive **shot** dead in Istanbul, Turkish media report* («The Guardian», April 28, 2017).

Среди наиболее употребляемых грамматических форм и конструкций можно также выделить неличные формы глагола: инфинитив, герундий, причастие и конструкции с ними: *Sir Jeremy's political record is worth **celebrating*** («The Guardian», April 30, 2017).

*Brexit: UK may have to recognize ECJ court rulings **to keep** security cooperation* («The Guardian», April 30, 2017).

*Woman **shot** in counter-terrorism raid arrested after hospital release* («The Guardian», April 29, 2017).

Значение возможности, необходимости и желательности реализуются с помощью модальных глаголов *can, could, should, may, must*, что позволяет автору заголовка точно и емко передать суть факта, однозначно охарактеризовать ситуацию: *Cancer surgeon scandal **may** widen as victims name other hospitals* («The Guardian», May 1, 2017).

Labour should step down for the Greens in some key seats («The Guardian», April 30, 2017).

Paul Nuttall says party must stay strong amid squabbles («The Guardian», May 1, 2017).

Для заголовков характерны цитаты, которые служат для усиления эффекта достоверности и документальности [8], объективности и точности изложения события или факта. Они могут быть выражены как прямой, так и косвенной речью, при этом глагол, который вводит цитату, зачастую опускается. В таких случаях пишется лишь имя автора и сама цитата: *Michael Heseltine 'Signing article 50 is the worst decision we've made'* («The Guardian», April 28, 2017).

Иногда можно наблюдать ситуацию, когда опускаются кавычки, а прямая речь графически не выделяется из авторского контекста: *Reunification referendum would be dangerous, says Bertie Ahern* («The Guardian», May 2, 2017).

Former Tory chair says female MPs are 'by and large better' than men («The Guardian», May 1, 2017).

Эти приемы помогают сделать заголовок более емким и информативным.

В заголовках, как правило, опускаются артикли, местоимения и личные формы вспомогательного глагола *to be*, что позволяет увеличить объем информации при минимальном объеме языковых средств: *France on extra high alert for May Day as protesters march against Le Pen* («The Guardian», April 30, 2017).

Police hunt car that struck and killed four-year-old boy in Leeds («The Guardian», April 28, 2017).

'Oldest human' dies aged 146 («The Guardian», May 2, 2017).

Еще одной особенностью является то, что притяжательный падеж, вследствие своей структурной компактности, употребляется с неодушевленными существительными и вытесняет предложный оборот с *of*: *Sir Jeremy's political record is worth celebrating* («The Guardian», April 30, 2017).

The Handmaid's Tale is just like Trump's America? Not so fast («The Guardian», May 2, 2017).

Таким образом, в заголовках интернет-версии ежедневной газеты «The Guardian» преобладают полные двусоставные предложения, формы изъявительного наклонения и формы настоящего времени для выражения уже совершенного действия, инфинитив для выражения действия в будущем, а также построение пассивных конструкций без глагола *to be*, наличие в структуре заголовка большого количества неличных форм глагола (инфинитив, герундий, причастие), модальных глаголов, цитат и элементов прямой речи. Также наблюдается

отсутствие артиклей, местоимений и личных форм вспомогательного глагола *to be*, предложного оборота с *of*. Все указанные средства употребляются для придания заголовкам структурной компактности, увеличения объема информации при минимальном использовании языковых средств и помогают добиться информативности, убедительности и логичности.

Последующая разработка данной проблематики, по нашему мнению, предусматривает анализ использования различных лексических и стилистических особенностей заголовков, что позволит более детально изучить проблему заголовков в современной медиасфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Белова Ю. А. Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиа-текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Белова. – Уфа, 2009. – 23 с.
3. Верещинская Ю. В. Заголовки газетных статей в аспекте медиалингвистики (на материале испанского языка) / Ю. В. Верещинская // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. тр. – М. : МГИМО МИД России, 2007. – № 28(43). – С. 17-25.
4. Верещинская Ю. В. Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Верещинская. – М., 2013. – 22 с.
5. Веселова Н. А. Заглавие литературно-художественного текста (Антология и поэтика) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Веселова. – М., 2005. – 23 с.
6. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М., 1958. – 459 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981. – 138 с.
8. Гордеева А. Т. Особенности перевода английских газетных заголовков / А. Т. Гордеева, М. И. Воротынцева // Молодёжь и наука: Сборник материалов VI Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных [Электронный ресурс]. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2011. – Режим доступа: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/section14.html>
9. Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учеб. пособие / отв. ред. Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.

10. Мужев В. С. О функциях заголовков / В. С. Мужев // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. – Москва, 1970. – Вып. 55. – С. 86-94.
11. Ноздрина Л. А. Заглавие текста / Л. А. Ноздрина // Грамматика и смысловые категории текста: сб. науч. тр. – М., 1982. – Вып. 189. – С. 183-200.
12. <https://www.theguardian.com>

АННОТАЦИЯ

Авксентьева А. М. Использование грамматических форм и конструкций в заголовках интернет-версии газеты «The Guardian»

В статье предпринята попытка анализа грамматических особенностей заголовков современных масс-медийных ресурсов. На материале интернет-версии газеты «The Guardian» рассматриваются грамматические формы и конструкции, которые являются наиболее характерными для структуры заголовка интернет-публикации.

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, грамматическая форма, грамматическая конструкция.

SUMMARY

Avksenteva A. M. The usage of grammatical forms and structures in the headlines of the internet-version «The Guardian»

The article presents an attempt to determine the grammatical peculiarities of the headlines of modern mass-media. It regards the most typical grammatical forms and structures in the headlines of the internet versions of the newspapers.

Key words: headline, headline complex, grammatical form, grammatical structure.

*Е.И. Артамонова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.133.1

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Перевод занимает весомое место в литературном процессе. Что касается художественного перевода, то, по словам В. Коптилова, «...в нём осуществляется не только преодоление пространственных расстояний, языковых барьеров между сосуществующими во времени культурами, но и победа над

временем» [5, с. 234]. Поэтому можно констатировать, что интерес ученых к исследованию перевода художественных текстов не угасает, а, наоборот, усиливается. Одним из аспектов глубокой заинтересованности переводоведов в области перевода является гендерный аспект.

На сегодняшний день гендерный аспект перевода художественного текста является актуальным вопросом исследования в языкознании. Женское движение, которое произошло на Западе в 60-70 годах XX века, стало основанием для формирования научного направления, изучающего гендерный фактор в языке и коммуникации. Центральное место в гендерных исследованиях занимает понятие «гендер». Этот термин впервые встречается в английском языке и культуре западной цивилизации для разграничения характеристик «мужского» и «женского». В отечественном языкознании он заимствован из английского языка и не имеет адекватного перевода. Термин «гендер» является составной частью современного процесса глобализации. Как утверждают Дж. Лорбер и С. Фаррелл, «...в реальности и повседневных практиках гендер включает все аспекты нашей жизни от микро – до макроуровня» [1, с. 124].

Автор художественного произведения как языковая личность представлен «носителем языковой компетенции, обогащенной субъективно значимыми знаниями и интеллектуальной способностью создавать новые знания» [5, с. 235]. Самым ярким же воплощением нового знания является текст: «социально предопределенная модель индивидуального мышления, которая воссоздает субъективное виденье мира как фиксацию определенного фрагмента культуры» [5, с. 235]. Логично судить, что созданная языковой личностью автора ткань художественного текста является отражением не только личностных, но и социальных характеристик. Одной из таких характеристик является гендерная.

Более глубокий анализ языковой личности автора как текстообразующей категории делает возможным понимание сочетания в художественном произведении когнитивного и повествовательного аспектов. Принимая во внимание позиции коммуникативного поведения авторов, лингвисты считают, что мужчинам-авторам присущий по большей части рациональный стиль письма, тогда как женский коммуникативный стиль изображается как гармонизирующий, эмоциональный, алогичный, детализированный, субъективный, интерактивный, диалогический, творческий, мобильный, многословный.

Писательницам-женщинам характерно стремление отойти от ориентации на мужскую норму, попытка текстуализировать в пространстве художественного сказания свой, особенный, и

отличный во многих аспектах от мужского, опыт. Такое желание, по мнению исследователей, находит отражение в субъективности и непоследовательности женского письма, которое имеет «больше отступлений и разрывов, сравнительно с мужским».

Среди других отличных особенностей, которые выделяют исследователи, у женщины-автора больше, сравнительно с мужским стилем, экспрессивности. Женщинам характерно использование «пустых» прилагательных, возгласов, усилительных конструкций и восклицательных предложений. Как замечают М. В. Гаранович и О. В. Пермякова, даже в тексте, имитируемом под мужской стиль письма, авторы-женщины не в состоянии отойти от эмоциональной последовательности изображения событий и, таким способом, «приглушают» мужскую последовательность изложения мыслей.

Авторы-мужчины же используют для выражения эмоций номинальные лексические единицы (преимущественно вводные слова и наречия).

Своеобразие оформления автором мыслей не может не влиять на интерпретацию художественного текста. Такие факторы, как ментальность и речь, играют важную роль в восприятии произведения читателем. Отсюда, исследователи мужского и женского коммуникативного поведения убеждены в том, что значительное влияние на создание и «декодирование» содержания произведения осуществляет не только гендер автора, но и читателя – «исследователя». Однако, стоит заметить, что если для мужчин является важным информативный уровень ведения художественного диалога (при условии которого задействован гендер обеих языковых личностей – автора и читателя), для женского стиля письма характернее является отведение ведущей роли в процессе смыслообразования гендера последнего. При таких обстоятельствах происходит «отход от любой закреплённости авторского смысла».

Сегодня, изучая проблему взаимосвязи языка и гендера в переводе, можно выделить следующие направления исследований:

1. Выявление определенных расхождений на языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, семантическом и синтаксическом.
2. Выявление расхождений в восприятии вербальных стереотипов женщинами и мужчинами.
3. Выявление семантических расхождений.
4. Построение психолингвистических теорий, в которых «женский» и «мужской» языки сводятся к особенностям языкового поведения женщин и мужчин.

5. Когнитивное объяснение выявленных показателей. В этом случае важным моментом является не только определение частоты расхождений, но и установление связи с разными аспектами картины мира [3, с. 9-10].

Работая с художественным произведением, переводчик должен обращать особенное внимание на контексты, в которых присутствуют стереотипные суждения о мужчине и женщине как социальных индивидах [3, с. 151].

О. Мистрюкова отмечает: «Понятие «стереотип» в данном случае трактуется как фрагмент концептуальной картины мира, который существует в сознании индивидуума. Лицо воспринимает любой предмет (в том числе и другое лицо) не только в его пространственных измерениях и времени, но и в его значении, которое включает культурные стереотипы и эталоны. Поскольку члены определенного национального сообщества смотрят на мир и воспринимают его через данные психологические стереотипы, это находит своё отображение и закрепляется в языке с помощью языковых стереотипов и эталонов. Из этого следует, что анализ языковых стереотипов, с одной стороны, дает представление о психологических или ментальных стереотипах общества, а с другой стороны, раскрывает содержание концепта, который стоит за этими стереотипами» [3, с. 147].

Таким образом, такие противоположные понятия, как: «мужское» – «женское», «маскулинность» – «фемининность» – лежат в основе построения гендерных стереотипных суждений о мужчине и женщине.

Схему, которую предлагает Ю. Апресян, можно применить для анализа гендерных стереотипов, которые находят своё отражение в художественном тексте. Он считает, что работу органов чувств человека можно определить по таким показателям:

- 1) физическое восприятие (зрение, слух);
- 2) физиологическое состояние (голод, жажда);
- 3) физические реакции на внешние или внутренние влияния (бледность, холод, жар);
- 4) физические действия и деятельность (работать, рисовать, ходить);
- 5) желание (хотеть, стремиться, отдавать преимущество);
- 6) мышление, интеллектуальная деятельность в целом (представлять, оценивать, помнить);
- 7) эмоции (бояться, радоваться, любить);
- 8) язык (говорить, советовать, жалиться, хвалить) [2, с. 353].

Чтобы не быть голословными, что при переводе произведения можно проследить гендерную принадлежность переводчика, мы взяли в качестве анализа переводы стихотворения «*C'est vrai, j'aime Paris d'une amitié malsaine*» переводчиком-студентом Фоменко В. В. и переводчиком-студенткой Котляровой М. В. (материалы международного студенческого конкурса художественного перевода «Через тернии к звездам»), чтобы рассмотреть, работает ли гендерный аспект на самом деле.

Проанализировав лексический уровень переведённых произведений, мы можем сказать, что «женский» перевод пестрит метафорой и сравнением: «*Сжимает сердце грусть, едва представляю я, / Как воды Сены смотрят на меня. // Когда я вспоминаю шум родных дворов,*», «*Скучаю я по песням, что текли с Бьеврой-рекой,*», а «мужской» перевод более лаконичен: «*И Сены старых берегов мучительно мне жаль*», «*Под песнь забытых лет на Бьеврском берегу / Течёт крестьянский быт во сне и на яву*».

Автор-мужчина использует в своей работе качественные прилагательные в положительной степени: «*Хмурый вид*», «*Синяя волна*», «*Звонкий смех*», а автор-женщина, в свою очередь, использует прилагательные, которые выступают в роли эпитетов: «*Лысого холма*», «*Меланхоличные тона*». Необходимо отметить, что в анализируемом «женском» переводе встречается больше прямой порядок слов: «*Я всей душой люблю родной Париж,*», «*Как воды Сены смотрят на меня*», «*Когда я вспоминаю шум родных дворов, / Где детвора гоняла уличных котов*», что нельзя сказать о «мужском» переводе. Мы видим, что на лексическом уровне мужскую речь отличает лаконичность, преобладание стилистически сниженной лексики, а женскую – тенденция к экспрессии. Следует отметить тот факт, что «мужской» текст короче «женского», как, собственно, и отдельные предложения («мужской» – 10 строк, «женский» – 13), менее динамичен и более предметный.

Проанализировав работы студентов, мы можем сказать, что типичной стилистической характеристикой «женской» работы является тенденция к экспрессии, а переводчик-мужчина предпочёл более сдержанный перевод. Таким образом, данное исследование даёт возможность судить о том, что различия женского и мужского перевода действительно существуют, их можно заметить как на лексическом, так и на синтаксическом уровне.

Необходимо сказать, что, работая с художественным текстом, переводчик должен учитывать гендерные и культурологические особенности языка перевода, обращать внимание на стереотипные

суждения о мужчине и женщине, стремиться быть не только переводчиком, но и соавтором художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абубикирова Н. И. Что такое «гендер»? / Н. И. Абубикирова // *Общественные науки и современность*. – 1996. – № 6. – С. 123-125.
2. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // *Интегральное описание языка и системная лексикография*. – Т. 2. – М., 1995. – 767 с.
3. Берн Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб. : Прайм – Еврознак, 2004. – 320 с.
4. Горошко Е. И. Проблемы изучения особенностей мужского и женского стиля речи / Е. И. Горошко // *Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов*. – Днепропетровск, 1994. – С. 160-169.
5. Дробышева Т. В. Художественный текст в гендерном аспекте / Т. В. Дробышева // *Вестник ВГУ*. – Серия: Филология. Журналистика. – 2008. – С. 234-235.
6. Шаповалова О. Н. Гендерный аспект управления коммуникативным поведением собеседника / О. Н. Шаповалова // *Доклады I Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация»*, 25–26 ноября 1999 г. / Под ред. И. И. Халеевой: Моск. гос. лингвист. ун-т. – М., 2001. – С. 333-343.

АННОТАЦИЯ

Артамонова Е. И. Гендерные особенности перевода художественного текста

В данной работе рассматривается вопрос гендерной принадлежности и как она влияет при переводе художественного текста. В статье описываются характерные признаки, присущие автору-женщине и автору-мужчине, также сделан анализ перевода литературного произведения мужчиной и женщиной, что подтверждает актуальность проблемы.

Ключевые слова: художественный текст, гендер, гендерный аспект, стереотип.

SUMMARY

Artamonova E. I. Gender features of the literary text translation

The question of the gender identity and its influence on the process of literary text translation is investigated in the given research. Gender

specific features typical of a woman-author and a man-author are described in the article. The analysis of the translation of the literary text, created by the authors of different sex confirms the topicality of the problem.

Key words: literary text, gender, gender aspect, stereotype.

О.И. Баранова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'27

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТА-ФИЛОЛОГА

Цель статьи – показать особенности формирования межкультурной компетенции студента-филолога посредством англоязычного молодежного сленга.

Студент, изучающий иностранные языки, должен обладать межкультурной компетенцией. Это компетенция особой природы. Она не тождественна коммуникативной компетенции носителя языка и может быть присуща только межкультурному коммуниканту – *языковой личности*, познавшей посредством изучения языков как особенности разных культур, так и особенности их (культур) взаимодействия (под *языковой личностью* О. Н. Караулов понимает совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им текстов) [1, с. 18]. Межкультурная компетенция – это такая способность, которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности.

Таким образом, студент, приобретая межкультурную компетенцию, формируется в мультикультурную личность (*вторичную языковую личность* – т. е. способность человека к общению на межкультурном уровне, термин И. И. Халеевой), которая обладает гибкостью, позволяющей приспособиться к любой ситуации и креативно управлять любым межкультурным напряжением и возможным конфликтом [4, с. 176]. Межкультурная компетенция (в ее взаимосвязи с коммуникативной компетенцией) выступает в качестве одного из показателей сформированности вторичной языковой личности, поскольку межкультурная компетенция связана с осмыслением картины мира иной социокультуры, познанием смысловых ориентиров другого лингвоэтносоциума, умением

видеть сходство и различия между общающимися культурами и применять их в контексте межкультурного общения. При этом личность достигает максимальной способности общаться с индивидами из различных культур и принимать решения независимо от нормативных действий и ценностей данной культуры. По мнению И. Ф. Птицыной, межкультурная компетенция вторичной языковой личности студентов – это способность воспринимать, понимать и интерпретировать феномены иной культуры, умение сравнивать их с феноменами собственной культуры, встраивать их в свою картину мира. Исследователь выделяет в структуре межкультурной компетенции прагматический, когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [3, с. 189].

Прагматический компонент формирует у студентов страноведческие знания, умения и навыки, способствующие приобщению к этнолингвокультурным ценностям страны изучаемого языка и практическому использованию иностранного языка. Когнитивный компонент формирует базисные когнитивные структуры, обеспечивающие им восприятие и понимание языка и мира иной социокультурной общности, он связан с такими категориями, как знания, мышление и процессы понимания, восприятие и понимание феноменов другой культуры, сравнение их с собственным мировидением и культурным опытом, нахождение между ними различий и общности. Эмоциональный компонент вырабатывает у студентов положительное отношение к изучаемому языку, к культуре народа, говорящего на этом языке, чуткое отношение и интерес к феноменам иной ментальности. Поведенческий компонент представлен знаниями норм повседневного этикета общения, отражающими особенности речевого поведения и национальной ментальности носителя языка, знаниями невербальных средств общения, принятых в данном культурном обществе.

Рассматривая коммуникативную и межкультурную компетенции, мы можем провести между ними качественную отличительную черту. Коммуникативная компетенция – это компетенция в говорении, чтении, письме и аудировании. Немаловажными составляющими коммуникативной компетенции есть *стратегическая компетенция*, которая предполагает использование вербальной и невербальной коммуникативных стратегий и тактик. Мы считаем, что коммуникативная компетенция представляет собой адекватное использование языковых средств (грамматики, лексики) в процессе межкультурной коммуникации. Межкультурная

компетенция же позволяет учащемуся постигнуть «дух народа» изучаемого языка, его культурную специфику, в полной мере овладеть феноменами изучаемой лингвокультуры.

Многочисленные примеры из исторической практики взаимодействия культур свидетельствуют, что в самом процессе межкультурной коммуникации изначально заложен конфликтный потенциал. На пути к взаимопониманию в процессе коммуникации люди, сталкиваясь с разнообразными этнокультурными интересами и различиями, вынуждены добиваться более полного и адекватного понимания себя и партнеров. Для этого зачастую приходится пересматривать некоторые ценности собственной культуры. В связи с этим в свете проблемы межкультурной компетенции актуальной становится проблема взаимопонимания, поскольку во многих практических ситуациях общения индивид сталкивается с тем, что его слова неправильно воспринимаются партнером, т. е. в процессе межкультурной коммуникации возникают затруднения, барьеры в общении. Одним из таких барьеров является иноязычный сленг. Сленг – «это особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и аргос преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [5, с. 70].

Студент, попадая в иноязычную среду, «теряется» в разнообразии языковых форм живого разговорного языка, который достаточно отличается от того книжного английского, преподаваемого в университете. Совокупность такого рода факторов порождает так называемый «культурный шок», который может препятствовать успешной деятельности студента или выпускника вуза на первых этапах пребывания в англоязычной стране. В чужой стране молодой человек или девушка в первую очередь стремится навести контакт со сверстниками, которые без сомнения используют сленг в своей повседневной речи. Потому именно *молодежный* сленг, как мы считаем, является интересным явлением для изучения.

Для каждого общества характерно наличие нормативной культуры с тщательно разработанной системой стандартизованных правил, что характерно для сфер коммуникации и деятельности. Подобные обобщенные шаблоны, регулирующие поведение индивидов, закрепляются

обществом и государством в качестве социальных норм. Однако «любая культура демонстрирует сложный спектр субкультурных элементов», и следовательно, официальная культура никогда не является в развитом обществе единственной, на ее фоне всегда существуют различные суб- и контркультуры, которые отгораживаются от магистрального направления развития или противопоставляют себя ему, приводя в движение механизм социодинамики.

Молодежный сленг представляет собой именно такой код, который соответствует данному стилю общения. Жаргонная лексика, являясь лексикой ограниченного употребления и функционируя в пределах ограниченной группы носителей, при этом свободно вступает во взаимодействие с различными лексическими единицами, которые бытуют как внутри данного языка в процессе взаимодействия разных стилей, так и в других языках. Сленг оперирует образными и емкими номинациями реалий своего социума, что способствует достижению максимальной экспрессивной окрашенности речи и позволяет достичь речевых целей (выражение эмоций, отношения к собеседнику и к предмету речи) наиболее однозначным способом.

Обработав научный материал, а также проведя опрос среди студентов, побывавших в англоязычных странах, мы выделили несколько источников англоязычного сленга, которые составляют наибольшую трудность для изучающих английский язык:

1. Значительную часть молодежного сленга представляют те лексические единицы, которые фактически являются дублетами нейтральных или разговорных единиц. Установка на разговорность и непринужденность, знание коммуникантами друг друга, конституации способствуют проникновению в речь молодежи тех лексических единиц, формально-содержательные характеристики которых не нарушают обстановки непринужденности, но они не актуальны для официального общения, например: *gnib* = еда: *dude, chap, fellow, mate, friend* = дружище, чувак, чел и т. д. Сюда же можно отнести: *chick* – подруга; *bones, benjamin, loot* = деньги; *grub* = еда, *bazillion* – огромное количество; *foxy* = красивая девушка; *booze* = алкоголь, *to kick back* = расслабиться, *to kick the bucket* = умереть, *shades* – солнечные очки, *a nut* = сумасшедший; *to jack* = стащить что-л., *lame* – некомпетентный, не шарящий, *to pig out* = объедаться, *to be jammed* = быть расстроенным, *dicey* = рискованный, непредсказуемый, *B-ball* = баскетбол, *fender-bender* = небольшое дорожное происшествие, *jewels* – красивая пара туфель, *hang a left/right* = повернуть налево/направо; *to lurch* = свихнуться и т. д.

2. По мнению Н.А. Коловской, особого внимания заслуживает та часть молодежного сленга, которая представляет собой эмоционально окрашенную лексику, чаще всего с насмешливой, иронической или пародийной коннотацией, например: *bason* = полицейский, *beef* = проблема, *buffalo chick* = толстая женщина, *mule with a broom* – очень некрасивая девушка; *seed, offspring* – отпрыск, ребенок; *dome, skull* = голова; *fruit* ~ дурак, *-wimpy* = слабый человек и т. д. [2, с. 10].

3. Также достаточно часто встречаются оскорбительные императивы, например: *piss off* – отвалить, *fuck off* – свали отсюда; *drop dead* – заткнись, завали хавалку;

4. Иногда в речи англоязычной молодежи можно услышать сленгизмы, связанные с университетским дискурсом: *book smart person* = заучка, *God squad* = студенты, специализирующиеся на изучении религии, *to jump on the grenade* – развлекать некрасивую девушку, чтобы дать возможность своему другу развлекаться с её красивой подругой.

5. Студенческая речь также изобилует сленгизмами, заимствованными из других профессиональных групп и групповых арг, часто можно встретить заимствования из афро-американского жаргона: *Po* – бедный; *rims* = покрышки; *roll out* = уехать, уйти; *school ya* = преподать урок; *scrap* = бороться; биться; *shorty* = девочка; *sitch* = ситуация; *ski me* = извините меня; *straight* = окей, точняк; *sup* = здорова, как дела? (от *What's up*); *tight* = привлекательны; *thug* = хардкор гангстер; *wack* – не к симпатии; *wanksta* – фальшивый гангстер; *what tha ditty yo?* – в чём дело? Что произошло? *what up?* – здорова, как дела? *whoa* = что-то типа wow; *befo* = прежде (от *before*); *bent* = когда кто-нибудь перебрал лишнего, и ему было очень плохо от этого; *blow* = звук выстрела; *bling-bling* = дорогие драгоценности или другое дорогое материальное имущество; *bo janglin* – глупый /не удделение внимания; *boo* = мальчик /подруга; *boyz* – банда друзей; *brurva* = мужское знакомство; *buck wild* = действительно сумасшедший; *bud* – марихуана и т. д.

6. Англоязычная молодежь, впрочем, как и русскоязычная, часто черпают инновации в лексиконе пользующихся популярностью социальных групп, в частности, из наркоманского жаргона: *hooch, tree, buddack, cripes, doobie, hronik* – марихуана; *to gel one *s johny, blaze on, burn, pull tubes, play toporoly* = курить марихуану; *el, reefer, spliff* = сигареты с марихуаной; *hypertweaked* = зависимый от кокаина; *blew out* = находящийся в состоянии наркотического опьянения; *geeka* – находящийся в зависимости от марихуаны; *blunt* = сигара, для курения марихуаны. *YoYo* = кокаин.

7. Особо следует остановиться на различных видах аббревиатур, акронимов и усеченных форм, которые широко используются в молодежном сленге. Можно привести многочисленные примеры создания экспрессивно окрашенных сокращений, функция которых меняется в зависимости от конституции. Некоторые из них, вероятно, употребляются в конспиративной функции, например, тогда, когда используется табуизированная лексика, например: *B.D.S. / Big Dick Syndrome* – «самонадеянный». Иногда они используются в целях языковой экономии: *I.T.Z.* = «дела идут хорошо»; *T.P.T.* = бедный белый, проживающий в автоприцепе; *P* – родитель; *AIP* – героин из Ирана, Афганистана или Пакистана.

8. Часто сленгизмы образуются путем усечения, например: *fat* = семья; *basics* = основные предметы; *geri* = пожилой человек; *petro* = бензин.

Сленг отражает особенности молодежного сознания, для которого характерно иронично-критическое восприятие действительности, пародирование, травестирование официальных речевых форм на основе языковой игры. Не случайно, О. Есперсен определял жаргон как «коллективную игру». Языковые процессы, происходящие в молодежном сленге, делают его естественной лабораторией для наблюдения над языковыми изменениями в социальном контексте.

Итак, наряду с коммуникативной компетенцией, межкультурная компетенция является важнейшим аспектом в преподавании иностранных языков. Владея межкультурной компетенцией, студент постигает гумбольдтовский «дух народа», его традиции, историю, лингвокультурные реалии. И одной из составляющих межкультурной компетенции является владение сленгом страны изучаемого языка. Так как это реальный, живой повседневный язык англоязычной молодежи, не зная которого вполне возможно потерпеть коммуникативную неудачу во время пребывания в данной стране. Молодежь является катализатором всех важнейших событий в жизни того или иного лингвокультурного сообщества. А её сленг, как лакмусовая бумажка, показывает тенденции как в языковой, так общественно-политической жизни страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 263 с.
2. Коловская Н. А. Особенности функционирования американского студенческого сленга / Н. А. Коловская //

- Ярославский пед. вестн. – Ярославль : Ярославский гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. – 2004. – № 2. – С. 91–12.
3. Птицына И. Ф. Педагогические условия формирования межкультурной компетенции вторичной языковой личности студентов : на материале изучения японского языка и культуры : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования / Птицына Ирина Фёдоровна. – Якутск, 2008. – 214 с.
 4. Халеева И. И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика) / И. И. Халеева. – М. : Высш. шк., 1989. – 238 с.
 5. Хомяков В. А. О термине сленг. (Из истории вопроса) / В. А. Хомяков // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1969 г. – Т. 352 : Вопросы теории английского и немецкого языков. – С. 68–80.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Межкультурная компетенция студента-филолога

В статье рассматривается формирование межкультурной компетенции студента-филолога посредством англоязычного молодежного сленга.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, сленг, студент-филолог.

SUMMARY

Baranova O. I. The intercultural competence of a student-philologist

The article deals with the formation of a student-philologist's intercultural competence by means of the English language youth slang.

Key words: intercultural competence, slang, student-philologist.

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРБАЦИИ И УНИВЕРБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Б.Л. ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»

В современной лингвистике активизируется интерес к новым словам, возникшим в результате семантического сжатия развернутого наименования.

Термин «универбация» впервые был употреблен К. Бругманом для обозначения звуковых единиц, «возникших на основе словосочетаний внешне цельнооформленных, но не обладающих содержательной изолированностью» [1, с. 130-149].

Развернутое определение универбации приводится в «Русской грамматике»: «Универбация (от лат. Unus – один и verbum – слово) – компрессивное словообразование – образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично... используется не для обозначения словом нового понятия, а для однословного обозначения понятия, уже имеющего в языке устойчивое наименование, но неоднословное. Основной объект суффиксальной универбации – определительные словосочетания, в которых определительное слово опускается, а к основе определяющего слова присоединяется тот или иной суффикс» [11, с. 564].

Компрессивное словообразование широко используется в разговорной речи, прежде всего потому, что, как известно, оно порождается стремлением к экономии языковых средств, а также благодаря своей краткости и экспрессивности. Цель статьи заключается в рассмотрении процессов универбации и универбализации на примере художественного произведения «Донбасс» Б.Л. Горбатова, рассматривается универбация как один из видов компрессивного словообразования, способствующий обогащению словарного состава языка.

Актуальность статьи заключается в изучении новых компрессивных словообразовательных моделей, представители которых зародились в художественной литературе, прошли апробацию в языке, а затем впоследствии зафиксированы различными словарями.

Идея изучения компрессии двух и более получила дальнейшее развитие в работах А.В. Исаченко. Именно он ввел в научный обиход термин «универбация», используя параллельно термин

«семантическая конденсация». С точки зрения А.В. Исаченко, утрата первоначальной и семантической расчлененности наименования является одним из основных законов развития лексики вообще, а сущность развития наименования заключается в том, что «один из элементов номинации, состоящей по происхождению из двух элементов, утрачивает свою самостоятельность, в связи с чем происходит объединение этих элементов в одно целое, так сказать, универбация, – переход слова из категории мотивированных в категорию немотивированных» [6, с. 15-16].

Рассмотрим конструкции универбации согласно типологии А.В. Исаченко с примерами лексики донецкого автора Б.Л. Горбатова на основе его романа «Донбасс».

1. Словосложение – способ образования новых слов путем сложения двух (или нескольких) слов, основ производящих слов с соединительной гласной или без нее. В результате сложения всегда образуется сложное слово, то есть слово с несколькими корнями. Например:

газожо́г – «Газожог – это... это... нет, это даже не профессия! Это – как бы точнее сказать? – это подвиг» [2, с. 387];

коновод – погонщик лошадей, тянущих упряжку [4];

коногон – погонщик лошади, везущей вагонетку в шахте при конной откатке угля [4];

лампонос – «Знали только, что работает она лампоносом, и шахтеры прозвали ее Светиком; она действительно, точно свет, появлялась в забое, чтобы дать шахтеру новую лампу вместо его потухшей» [2, с. 83];

лесогон – «Спокойно поехала в шахту ремонтная смена: костерщики, органщики, слесари, лесогоны...» [2, с. 295];

угледобыча – «И лес тащим, и крепим, и убираем, – а молоток лежит, угледобычи нету» [2, с. 272].

Как правило, в профессиональной шахтерской лексике, рассматриваемой нами на примере данного художественного произведения донецкого автора, в компрессии такого типа слияние двух основ происходит по схеме: существительное + глагол.

2. Сращение – способ словообразования, путем слияния воедино целого словосочетания без каких-либо изменений в их морфемном составе и без участия соединительных гласных, в той форме, в какой они существуют в исходном словосочетании. Например:

обапол – «Зацепленная за обапол лампочка нехотя освещала уступ» [2, с. 67], обаполь «по обе стороны», смол. (Добровольский), др.-русс.к. обаполь «по обе стороны» [12].

3. Эллиптический пропуск одного из элементов комплексного наименования: а) эллипс означаемого члена, то есть субстантивация; б) эллипс означающего члена. Например:

ламповая, нарядная – «До сих пор их водили по поверхности: показали копер, подъемную машину, надшахтное здание, сортировку, скрипучую эстакаду, нарядную, ламповую, даже баню – общую и техническую» [2, с. 50];

люковый – «Давай, давай! – хрипло кричал он на люковых, отгребщиц, коногонов» [2, с. 300];

плитовая – «Девчата, откатчицы, сортировщицы и плитовые, начинают метаться по комнатам» [2, с. 249];

силовая – «И без тебя так же будет ровно дышать силовая, и вертеться колесо на копре, и скользить канат вверх-вниз; и будут со свистом и грохотом мчаться “партии” по штреку, и, весело постукивая на стыках, бежать вагончики по дощатой эстакаде; и будут все расти и расти ввысь сизые терриконы – пирамиды шахтерского труда» [2, с. 131].

4. Аффиксальная деривация – образование дериватов (новых слов) при помощи суффиксов и префиксов. Например:

горняк – работник горной промышленности, горнорабочий или горный инженер [5];

шахтарчонок – ребенок шахтера;

шахтерки – рабочий костюм шахтёра [4].

5. Нулевая суффиксация – образование новых существительных путём значимого использования отсутствия суффикса. Например:

крепь – крепить.

6. Разные типы аббревиации. Например:

шахтком – шахтный комитет [10];

шахтпартком – «Все было готово для доклада, все находилось под рукой: и длинные колонки цифр, вороха справок и рапортчиков, и аккуратно отпечатанный на пишущей машинке список технических предложений, и решение шахтпарткома» [2, с. 343].

В дальнейшем термин «универбация» был специализирован только на одном типе преобразования словосочетания в слово – «способе образования слов на базе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, поэтому дериват (универб) по форме соотносится с одним словом, а по смыслу – со всем мотивирующим словосочетанием (горный рабочий – горняк)» [7] (см. также: [3]).

Для отграничения данного явления от всех других видов компрессии В.И. Теркулов предложил использовать термин «универбализация, с одной стороны, указывающий на конечный

статус конденсированной единицы – слово, а с другой, отличающийся от удачного, но уже специализированного наименования универбация» [8].

Следует считать, что универбализация – это ситуация замещения слова словосочетанием, выступающим в качестве его дублета. Процесс замены словосочетания словом трактуется как усовершенствование старой номинации, как акт замены расчлененного наименования универбализованным однословным наименованием. В.И. Теркулов разделяет основные типы универбализации на пять видов моделей [9].

Модель 1. К данной модели относятся все случаи эллипса, когда представителем словосочетания становится один из его компонентов. Это может быть зависимое слово, например: *комната для выдачи ламп или нарядов – ламповая или нарядная*, или главное слово, например, *новая проходка – проходка*.

Модель 2. В этом случае возникает не новая номинативная единица (значение универбата абсолютно идентично значению словосочетания), а вербальный (словесный) эквивалент словосочетания. Например, *врубовка – врубовочная машина; шахтарчонок – шахтерский ребенок; шахтерня – родня шахтера*.

Модель 3. В этом случае универбализация имеет своим результатом сложное слово и между словосочетанием и образованным на его базе композитом не возникает никаких семантических расхождений, например: *рабочий, выжигающий газ – газожог; работник, ведущий коней – коновод; погонщик коней – коногон; работник, разносящий лампы – лампонос; доставщик (перегонщик) леса для крепи в шахте – лесогон*.

Модель 4. В этой модели к компонентам производящего словосочетания прибавляются аффиксальные морфемы, которые имеют не семантическую, а структурную значимость. Одной из разновидностей указанной модели является добавление структурного форманта, сопровождающееся перестановкой конструктов исходного словосочетания при его преобразовании в композит, например, *угледобыча – добыча угля*.

Модель 5. В этом случае происходит не добавление, а утрата, эллипс или знаменательных или служебных единиц, например: *шахтком, шахтпартком*. Подобная модель может иметь прямой порядок или сопровождается перестановкой компонентов производящей конструкции.

Заметим, что предложенное описание определяет только базовые типы универбализации.

Одной из основных задач построения системы возможных разновидностей универбализации в пределах указанных моделей состоит во включении данного типа исследования лексического

словаря художественных произведений донецких авторов в словарь донецкого говора.

В пределах словарной статьи создаваемого словаря мы планируем дать не только лексическое и ономаσιологическое описание словарной единицы, но и, в случае универбализации, указать ее модель и разновидность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Активные процессы в словообразовании / Н.С. Валгина // Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – С. 130-149.
2. Горбатов Б.Л. Донбасс. Роман / Б.Л. Горбатов. – Донецк, Донбасс, 1981. – 400 с.
3. Дьячок Н.В. К вопросу о разграничении понятий «словообразовательная перифраза», «словообразовательное значение» и «базовое словосочетание» для номинатом типа «словосочетание + универб» / Н.В. Дьячок // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: Научно-методический сборник. – Вып. XV, ч. 1. – 2007. – С. 111-118.
4. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>.
6. Осипова Л.И. Активные процессы в современном русском словообразовании (Суффиксальная универбация и усечение) / Л.И. Осипова. – М.: Прометей, 1994. – 117 с.
7. Осипова Л.И. Суффиксальная универбация как продуктивный способ образования новых слов в русской разговорной речи / Л.И. Осипова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II междунар. конгресс исследователей русского языка, 18-21 марта 2004 г.: тезисы докл. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=12514>.
8. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / В.И. Теркулов; науч. ред. М.В. Пименова. – Горловка: ГПНИИЯ, 2010. – с. 228 (Сер.: Знак – Сознание – Знание).
9. Теркулов В.И. Универбализация: постановка проблемы / В.И. Теркулов // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – Интернет-ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/univerbalizatsiya-postanovka-problemy>.

10. Фадеев С. Словарь сокращений современного русского языка / С. Фадеев. – СПб.: Политехника, 1997. – 527 с.
11. Шведова Н.Ю. Русская грамматика: в 2-х т. / Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 564 с.
12. Этимологический словарь русского языка. Фасмер Макс. – Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer.htm>.

АННОТАЦИЯ

Бондарчук Т. А. Особенности универбации и универбализации на примере произведения Б. Л. Горбатова «Донбасс»

В данной статье автором рассмотрены процессы универбации и универбализации на примерах компрессионного словообразования слов профессиональной шахтерской лексики в произведении Б. Л. Горбатова «Донбасс». Образованные в результате семантического сжатия развернутого наименования универбаты исследованы согласно типологии универбации А. В. Исаченко. Универбаты данного художественного произведения подразделены на пять видов моделей универбализации, предложенных В. И. Теркуловым.

Ключевые слова: универбация, универбализация, компрессия слов, донецкий говор, профессионализм.

SUMMARY

Bondarchuk T. A. Features of univerbation, and univerbalization on the material of the literary work «Donbass» by B. L. Gorbatov

The author considers the processes of univerbation and univerbalization in examples of compression of the derivation of words from professional mining vocabulary in the literary work «Donbass» by B. L. Gorbatov. Univerbs, which are formed as a result of semantic compression of the expanded names, are studied according to the typology of univerbation by A. V. Isachenko. Univerbs in this literary work are divided into five types of univerbalization models proposed by V. I. Terkulov.

Key words: univerbation, univerbalization, compression of words, Donetsk dialect, professionalism.

УДК 811.161.1

ОБРАЗ ДЕРЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОДОВ КУЛЬТУРЫ

В современной лингвистике одно из ведущих мест занимают исследования лингвокультуры, ориентированные на изучение и сохранение исконных ценностей народа. Описание средств экспликации основных единиц лингвокультуры позволяет учёным выявить «глубинные слои культурного пространства» этноса [7, с. 297], определяемые как культурные коды. Исследованию последних посвящены работы В. В. Красных, В. Н. Телия, Е. А. Селивановой, М. Л. Ковшовой, Г. А. Багаутдиновой и др.

Целью статьи является описание образа дерева сквозь призму кодов культуры.

За словоформой *код* закреплено значение «система условных знаков для передачи (по каналу связи), обработки и хранения (запоминания) различной информации» [14, с. 67]. Лексема *культура*, в свою очередь, определяется как «совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни» [14, с. 148]. Соответственно, сочетание *код культуры* интерпретируем как «систему условных знаков для передачи, обработки и хранения информации о достижениях человеческого общества в различных сферах жизни».

В современной лингвистике под термином *код культуры* принято понимать систему представлений об окружающем мире, преломлённую сквозь призму культуры этноса (см. работы В. В. Красных, М. В. Пименовой, Г. А. Багаутдиновой, М. Л. Ковшовой и др.). Код культуры является одним из средств категоризации и упорядочения информации о мире, получаемой человеком из различных источников. Он позволяет описать основные и глубинные представления индивидуума и этноса о мире, а также эксплицирует и соотносит объекты природы и артефакты, реалии внешнего и внутреннего миров.

Изучение кодов культуры предполагает выявление их значимости в рамках конкретной культуры, а также описание метафор, посредством которых они реализуются. М. В. Пименова предлагает следующие метафорические модели, или (в терминах исследователя) классификационные и квантификаторные цепи: «птица → растение (кукушка → кукушкины сапожки/ слёзки), растение → строение (луковка собора), растение → человек (дуб «здоровый, сильный, но неумный человек»)), природное явление

à растение (*дождь лепестков*), социальное явление à растение (*растительное царство*), и т.д.» [12, с. 83].

Приведённые модели метафорического движения реализованы и в произведениях поэтов начала XX века – С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина. Например, в ряде поэтических текстов объективирована цепь «вещество à растение». Ср.: *Облетает под ржанье бурь / Черенов златохвойный сад* (С. Есенин); *Осыпается роцц позолота, / В бледном воздухе ладана гарь* (Н. Клюев); *Уже в дубраве листопад / Намёл смарагдов, меди груду...* (Н. Клюев); *Мальчик, выбрав хворостину, / Пурпур ягод наземь бросит...* (Н. Кузмин). Композит *златохвойный* воплощает значение двух корней *злат-*, т.е. «золотой» [13, с. 611], и *-хвой-*, т.е. «иглообразная листва многих хвойных деревьев и кустарников» [16, с. 597]. Это позволяет говорить о том, что в словоформе реализовано семантическое движение «вещество – растение», область источника которого эксплицирована морфемой *злат-*, а область цели, соответственно, морфемой *-хвой-*. Аналогично представлено семантическое движение в сочетании *роцц позолота*, где лексема *позолота* объективирует область источника – вещество. «Позолота – тонкий слой золота, наложенного на поверхность предмета» [15, с. 240]. Последний в рассматриваемом примере воплощён вербальным знаком *роцци* – небольшие, чаще лиственные леса [15, с. 734].

В примере *Уже в дубраве листопад / Намёл смарагдов, меди груду...* (Н. Клюев) область источника эксплицирована словоформами *смарагдов* («то же, что изумруд» [16, с. 149]) и *меди* («металл красноватого цвета, вязкий и ковкий» [14, с. 244]). Интегративной семой для них является «вещество». Лексема *дубрава* объективирует область цели, т.к. в её значении «лиственный лес, обычно с преобладанием дуба» [13, с. 451] реализована сема «растение».

В примере *Мальчик, выбрав хворостину, / Пурпур ягод наземь бросит...* (Н. Кузмин) в сочетании *пурпур ягод* источником семантического движения является значение словоформы *пурпур* «ценная краска (выделено нами – Ю. Д.) тёмно-багрового цвета, употреблявшаяся в древности для окрашивания тканей» [15, с. 559], в котором объективирована сема «вещество», т.е. «то, из чего состоит физическое тело» [15, с. 160]. Областью цели выступает характеристика визуального когнитивного признака: цвет ягод растения.

Итак, приведённые тексты свидетельствуют о фиксации анализируемого фрагмента культурного кода в языковом опыте носителей лингвокультуры, а также о включённости культурного кода в формирование образа дерева: лексические единицы *пурпур*

ягод, златохвойный сад, роц позолота, в дубраве... смарагдов, меди объективируют визуальные когнитивные признаки цвета кроны дерева в определённую пору года (осенью).

Другой моделью, эксплицируемой в текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина, является цепь «природное явление à растение». Например: *Листьями звёзды льются / В реки на наших полях* (С. Есенин); *Минет пора обмолота, / Пуца развихрит листы* (Н. Клюев); *И луч бежит в переполохе, / Ныряет в хвои, в зыбь ветвей...* (Н. Клюев); *Солнце, месяц тут померкнул вдруг, / Звезды с неба спадут, как лиственные* (М. Кузмин). Данная модель воплощена при помощи слов *льются, развихрит, ныряет, спадут* с семантикой совершения действия, направленного вниз или в стороны. Ср.: «Литься – течь непрерывной струёй (струями)» [14, с. 189]; «Развихрить – размотать, пустить на ветер» [3]; «Нырять – погружаться в воду с головой; исчезать из виду, быстро войдя, въехав куда-либо, скрывшись среди кого-либо, чего-либо» [14, с. 516]; «Спадать – несов. к спасть» [16, с. 217]. Основным значением словоформы *спасть* является «упасть вниз, отделившись от чего-либо, не удержавшись на чем-либо» [16, с. 219]. Вербальные знаки *звёзды, пуца, луч* объективируют область источника – природное явление, а словоформы *листья (лиственные), хвоя, ветви* являются указанием на область цели – растение. Лексемы с семантикой действия *льются, развихрит, ныряет, спадут* служат основанием метафорического отождествления.

Таким образом, код культуры доступен изучению благодаря единицам языка, которые позволяют выявить и проанализировать базовые представления этноса об окружающем мире. По словам В. В. Красных, коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями, т.е. объективируют первичные данные и их осознание и освоение человеком. По своей природе коды культуры универсальны, однако объективация их языком определённого народа сквозь призму культуры обуславливает этноспецифичность анализируемых феноменов. К числу базовых характеристик кодов культуры относят их самодостаточность для продуцирования, передачи и хранения культуры этноса, открытость к изменениям, а также универсальность.

Кроме того, в основе кодов культуры лежат не только система ценностей, но и эталоны. Именно выполнение образом, согласно концепции В. В. Красных, функции эталона обуславливает его (образа) включение в число единиц лингвокультуры. Следовательно, анализ культурных кодов позволяет расширить описание образа дерева, выявить его глубинные параметры.

При рассмотрении культурных кодов опираемся на классификацию В. В. Красных и выделяем антропоморфный, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды. Это далеко не полный перечень кодов культуры. Например, М. В. Пименова описывает вегетативный, зооморфный, соматический, антропоморфный, предметный, пищевой, химический, колоративный, дименсиональный, пространственный, темпоральный, ценностный и теоморфный коды. Г. А. Багаутдинова выделяет антропоморфный, биоморфный, объектный, анимический, мифологический, темпоральный, пространственный (географический), колоративный, квантитативный, терминологический культурные коды.

Чёткой границы между ними провести невозможно, ведь «с точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный; пространственный “наложился” на временной, в значительной степени его обусловив» [7, с. 299]. В предметный код, связанный с ассимилированным индивидуумом средой, относят несколько групп признаков, в числе которых природные предметы. К ним «относятся такие явления мира, как ветка, дупло, ствол (дерева) и пр.» [13, с. 90], составляющие морфологию дерева и рассматриваемые нами как своеобразный «каркас» образа дерева. Указанные признаки реализуются, например, в поэтических текстах М. Кузмина при помощи лексем *на листьях, веток, аллея, пень, ствол*. Ср.: *Пролилсь дождь; воздушны мысли. / Из окон рокот ровных гамм. / Душа стремится (вдаль ли? ввысь ли?), / А капли на листьях повисли...* (М. Кузмин); *Что сначала мне воспеть? / Царскосельскую аллею, / Где на западе, алея, / Тёмных веток встала сеть?* (М. Кузмин); *Ни с места конь, копытом бьёт о пень...* (М. Кузмин); *Лишь птиц лесных протяжный крик и тонкий / Да белки бег на ствол, покрытый мхом* (М. Кузмин). В семантике всех выделенных вербальных знаков есть указание на дерево. Так, лексема *лист* содержит сему «один из основных органов растения» [11, с. 279], которая конкретизируется примером «Зелёные листья деревьев» [11, с. 279], объективирующим традиционные представления, закреплённые в языковом опыте этноса за анализируемым словом. Значение словоформы *веток* включает сему «небольшой боковой отросток дерева» [11, с. 67], аналогичную интегральную сему находим в плане содержания вербальных знаков *ствол* («основная часть дерева» [11, с. 664]) и *пень* («остаток дерева» [11, с. 428]). В слове *аллея* – «дорога с рядами деревьев, посаженных по обеим её сторонам» [11, с. 22] – указанием на дерево является сема «ряды деревьев».

Таким образом, указанные лексические единицы реализуют предметный код, однако их семантика указывает и на биоморфный код, который связан «с живыми существами, населяющими окружающий мир» [7, с. 307].

Другим примером отсутствия жёстких границ между кодами культуры служит текст С. Есенина: *Закружилась листва золотая / В розоватой воде на пруду, / Словно бабочек лёгкая стая / С замираньем летит на звезду* (С. Есенин). Сочетание *листва золотая* объективирует модель «вещество → растение», т.е. указывает на несколько кодов – предметный и биоморфный. Предметный код эксплицирован адъективом *золотая*, в семантике которого содержится сема «вещество / предмет». «Золотой – 1) см. золото; 2) монета из золота, червонец; 3) цвета золота, блестяще-жёлтый» [11, с. 202]. Лексема *листва* эксплицирует биоморфный код, поскольку в семантическом пространстве языка называет часть растения: «листья растения, дерева, куста» [11, с. 279]. Кроме того, рассматриваемые языковые знаки объективируют временной код культуры, поскольку реализуют когнитивный визуальный признак «цвет кроны дерева осенью»: «Золотой – блестяще-жёлтый, подобный цвету золота. *Золотая осень* (осенняя пора, когда особенно ярки жёлтые листья)» [2, с. 369]. В свою очередь словоформы *листва*, *стая*, *бабочек* эксплицируют модель «растение → насекомое», т.е. воплощают элементы биоморфного кода (вегетативный и зооморфный субкоды). Вегетативный субкод объективирован лексемой *листва*, а зооморфный – словоформами *стая* («группа животных одного вида, держащихся вместе» [16, с. 256]) и *бабочек* («насекомое с двумя парами крыльев, покрытых пыльцой, определяющей их окраску» [13, с. 54]).

Следовательно, коды культуры не существуют изолированно друг от друга. Это взаимопроникающие феномены, которые участвуют в процессах категоризации фрагментов онтологического мира и представляют её результаты как единое целое.

Анализ образа дерева сквозь призму кодов культуры позволяет выявить следующие его когнитивные признаки, зафиксированные в языковом опыте этноса и отображённые в поэтических текстах С. Есенина, Н. Клюева и М. Кузмина: 1) морфология дерева как элемент предметного кода культуры; 2) цвет кроны дерева осенью; 3) пространственные признаки произрастания дерева; 4) описание дерева посредством моделей «вещество → растение», «природное явление → растение» и «растение → насекомое».

ЛИТЕРАТУРА

1. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии : антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дисс. на соиск. учён. степ. д. филол. наук / Г. А. Багаутдинова. – Казань, 2007. – Режим доступа к автореферату : <http://cheloveknauka.com/chelovek-vo-frazeologii>
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : [в 4 т.] [Электронный ресурс] / В. И. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Режим доступа к словарю : <http://v-dal.ru/>
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 1 : Стихотворения / С. А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. А. А. Козловского. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.
5. Есенин С. А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 2 : Стихотворения (маленькие поэмы) / С. А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. С. И. Субботина. – 1997. – 464 с.
6. Ключев Н. А. Сочинения : в 2-х томах. Т. 1 / Н. А. Ключев ; Под общ. ред. Г. П. Струве, Б. А. Филиппова. – Б.м. : А. Neimanis, 1969. – Режим доступа к тому : http://www.booksite.ru/klyuev/2_1.html
7. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
8. Кузмин М. А. Стихотворения : в 12-ти книгах. Кн. 2 : Осенние озёра / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – СПб. : Академ. Проект, 2000. – Режим доступа к книге : http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_2.shtml
9. Кузмин М. А. Стихотворения : в 12-ти книгах. Кн. 3 : Глиняные голубки / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – СПб. : Академ. Проект, 2000. – Режим доступа к книге : http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_3.shtml
10. Кузмин М. А. Стихотворения : в 12-ти книгах. Кн. 8 : Нездешние вечера / М. А. Кузмин. – 2-е изд., испр. – СПб. : Академ. Проект, 2000. – Режим доступа к книге : http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/kuzmin1_8.shtml
11. Ожегов С. И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
12. Пименова М. В. Введение в концептуальные исследования : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово : КеМГУ, 2009. – 160 с.
13. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 1 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1985. – 696 с.

14. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 2 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 736 с.
15. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 3 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 752 с.
16. Словарь русского языка : [в 4-х т.]. Т. 4 ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1988. – 800 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Образ дерева сквозь призму кодов культуры

В статье анализируется образ дерева сквозь призму кодов культуры, описываются основные параметры культурных кодов, их разновидности, или субкоды. Автор рассматривает основные модели семантического движения, заложенные кодами культуры, а также наложение кодов. Следствие чего является объективация языковыми средствами когнитивных параметров образа дерева, а также описание вербальными знаками фрагментов картины мира этноса.

Ключевые слова: образ, код культуры, модель, количественная цепь, область источника, область цели, языковой опыт.

SUMMARY

Dmitrieva J. L. The image of tree through the prism of culture codes

The article considers modern approaches to the study of cultural codes and their thematic classification. The author points to the need to describe the image of the tree through the prism of culture codes to identify the cognitive parameters of the analyzed image and its relationship with the values and cultural attitudes of the ethnos. Special regard is given to the basic models of semantic movement, or quantitative chains, laid down by cultural codes. Analysis of the works by S. Yesenin, N. Klyuev and M. Kuzmin reveals the imposition of culture codes and allows describing the features of perception of fragments of the world picture through the prism of archetypal representations of the carriers of the Russian linguistic culture.

Key words: image, culture code, model, quantitative chain, source area, goal area, language experience.

*А.А. Егорова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367.7

АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Аббревиация – довольно сложный многогранный процесс, который направлен на создание, по сравнению с исходными структурами, более коротких номинаций. Такие конструкторы могут состоять из усечённых слов, которые входят в исходное словосочетание, а также усечённых компонентов исходного сложного слова. Последний компонент такой конструкции может оставаться неусечённым.

Аббревиация как одна из реализаций языковой тенденции считается самым «молодым» способом словообразования, получившим особенно широкое распространение в основном в европейских языках XX в. [4, с. 106].

К изучению сложносокращённых слов обращались Д.И. Алексеев, В.А. Беляева, Э. Бенвенист, А.А. Белецкий, Е.А. Василевская, Р.Ф. Газизова, В.П. Григорьев, Е.А. Дюжикова, Н.Ф. Клименко, Е.С. Кубрякова, Н.Х. Низаметдинова, Л.Ф. Омельченко, Е.А. Селиванова, Э. Сепир, Г.П. Уханов, Г. Пауль и многие другие.

Сложносокращённые слова появляются в словарном фонде вследствие действия закона языковой экономии. Экономия языковых усилий становится особенно важной в тех формах общения, которые охватывают миллионы участников и сотни ставших стереотипными оборотов [4, с. 107].

На сегодняшний день ученые из Донецкого национального университета и Горловского института иностранных языков работают над решением ряда теоретических проблем трактовки аббревиации как деривационного способа и аббревиатур как лексической группы, а также подготовкой материалов для «Толково-словообразовательного словаря русского языка», составляемого рабочей группой под руководством проф. В.И. Теркулова.

Целью нашей статьи является рассмотрение аббревиации как способа словообразования.

Для достижения указанной цели предполагается решить следующие задачи:

- исследовать методику описания сложносокращённых слов;
- выявить критерии производности сложносокращённых слов;
- охарактеризовать типы деривационной связи;
- выделить уровни описания конструктора.

Традиционно считается, что «любое сокращение выступает сначала как вариант уже существующего слова или словосочетания».

Сложносокращённым словом обычно называется «состоящая из двух или нескольких знаменательных элементов лексическая единица, характеризующаяся единством значения и соотносимая в лексико-грамматической системе русского языка с той или иной частью речи» [1, с. 22]. В силу этого такими единицами традиционно считают и аббревиатуры (*бензобак, авиабензин*).

Сложносокращённым словам (ССС) обычно соответствует одно или несколько эквивалентных сочетаний, т.е. словосочетаний, имеющих идентичное значение и находящихся со сложносокращёнными словами в отношениях свободной дистрибуции. Но существование таких словосочетаний не может являться показателем направления деривационной связи.

Выделяют два типа такой связи:

1) универбализационная связь, при которой сложносокращённое слово является аббревиатурой и возникает в результате сокращения исходного словосочетания. Абброконструкт, участвующий в процессе аббревиации, имеет статус абброквивалента компонента исходного словосочетания.

2) псевдоунивербализационная связь, при которой СССР является квазиаббревиатурой, возникшей в результате присоединения к исходному слову абброморфемы, и само продуцирует словосочетание.

Это говорит только о том, что аббревиатура и эквивалентное словосочетание деривационно взаимосвязаны и могут легко взаимозаменяться в тексте как синонимы. В некоторых случаях словосочетание возникает в результате развёртывания сложносокращённого слова, при этом являясь не первичным, а вторичным знаком по отношению к нему. Сложные слова образуются в языке по двум основным путям: а) по моделям, имеющимся в языке, и б) из словосочетаний. Они могут создаваться как на базе словосочетания в результате редукции последнего, так и на базе слова, имитируя процесс морфологического словопроизводства.

В составе СССР всегда обнаруживается сокращённый элемент, эквивалентный какому-либо слову. Такой сокращённый элемент В.И. Теркулов обозначает термином абброконструкт (АК). Учёный предположил существование двух типов АК – абброквивалента и абброморфемы. Под абброквивалентом (АЭ) В.И. Теркуловым понимается такой АК, который является сокращением слова исходного словосочетания и характеризует аббревиатуру, то есть СССР, которое возникло на базе словосочетания, например,

АЭ *диз* в слове *дизтопливо*, возникшем на базе словосочетания *дизельное топливо*, а абброморфемой (АМ) – такой АК, который присоединяется стереотипно непосредственно к слову. В последнем случае эквивалентное для ССС словосочетание возникает не как производящее для него, а как производное, развернутое на базе ССС. Это происходит потому, что в сознании носителей языка действует стереотип: каждому ССС должно соответствовать словосочетание. ССС, включающее АМ, называется квазиаббревиатурой [2, с. 273–283]. Например, АМ отмечается у ССС *биометан*, поскольку словосочетание *биологический метан*, как это будет показано ниже, является искусственным и не соответствует ни одному из предложенных В.И. Теркуловым критериев производности ССС.

Эти критерии, изложенные в работе «Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в «Толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка» [2, с. 273–283], таковы:

Кванитативный критерий. Сущность его – в подсчете баланса употреблений в Корпусе русского языка и в поисковых системах слова и эквивалентного ему словосочетания. Поиск в интернете осуществляется по модели строгого цитирования – каждая форма слова и словосочетания берется в кавычки, что позволяет провести подсчет точно. Баланс употреблений – это частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений словосочетания. Если баланс больше 1, можно предположить, что слово является первичным, а если меньше, то вторичным, поскольку преобладание употреблений словосочетания не может свидетельствовать в пользу его квазиаббревиатурного происхождения – слово создается для экономии усилий, для того, чтобы словосочетание употреблялось реже. Произведенное от слова словосочетание, следовательно, из-за своей искусственности и появления не для номинации, а как стереотипа, не может по определению употребляться чаще слова: *Нефтепирс* 11197, -а, м., ед. (ед. – 10752, мн. – 445) – нефтяной пирс (2077), баланс индексов – 5,390.

2. Семантический критерий. Для того чтобы быть источником для ССС, словосочетание должно соответствовать семантическим типам русского языка: его значение не должно противоречить словарным определениям и оно может быть (в случае, если в его состав входит относительное прилагательное) трансформировано в словосочетание с существительным в атрибутивной функции: *Нефтебаржа* – плоскодонное, преимущественно самоходное грузовое судно с упрощёнными обводами корпуса для доставки сырой нефти и нефтепродуктов.

3. Ономасиологический критерий. Ономасиологическая структура словосочетания должна соответствовать ономасиологической структуре других словосочетаний с тем же главным словом и с тем же ономасиологическим признаком: Вещество + дестинатив: *Авиабензин – Авиационный бензин, Автобензин – Автомобильный бензин, Авиакеросин – Авиационный керосин, Биометан – Биологический метан, Фрезторф – Фрезерный торф, Торфогрунт – Торфяной грунт.*

На основе приведенных базовых моделей разновидностей ТЭ для всех гнезд эквивалентности строятся схемы эквивалентности компонентов гнезда. Для определения значения АК важно отметить следующее. Существует 4 уровня описания конструкта [3, с. 130].

1 уровень – прототипный. На нем выясняется соотношение АК с прототипной единицей.

2 уровень описания – определение значения слова.

3 уровень описания – уточнение семантики конструкта через семантику производящего слова.

4 уровень описания – анализ всех значений, приведенных в разных словарях, выявление значений, которые отмечаются не во всех словарных статьях конструкта [3, с. 130]:

Автотопливо 27914 (*авто топливо, авто-топливо* – 7150), *а*, ср., ед. (ед. – 26518, мн. – 1396). Под автомобильным топливом для целей налогообложения понимаются бензин, товарное дизельное топливо, сжатый и сжиженный газ, используемые в качестве автомобильного топлива. ТДЭ *автомобильное топливо* (482507), баланс индексов – 0,031: «Оболонь» перерабатывает пластмассу на *автотопливо* – ЗАО «Оболонь» (Киев) начало переработку пластмассовых отходов на *автомобильное топливо*. (<http://www.companion.ua/articles/content?id=38818>); *топливо для автомобиля* (167511), баланс индексов – 0,166: общих текстов с *автотопливо* не отмечается; *топливо для автомобилей* (243620), баланс индексов – 0,114: общих текстов с *автотопливо* не отмечается; *топливо для авто* (135212), баланс индексов – 0,206: общих текстов с *автотопливо* не отмечается. ТМЭ *топливо*.

Авиатопливо 258506 (*авиа топливо, авиа-топливо* – 5620), *а*, ср., ед. (ед. – 254140, мн. – 4366). Представляет собой горючее вещество. Оно вводится вместе с воздухом в камеру сгорания двигателя летательного аппарата. Данные действия выполняются для того, чтобы получить тепловую энергию в процессе сжигания. ТДЭ *авиационное топливо* (482507), баланс индексов – 0,535: АО «Международный аэропорт Алматы» является единственным поставщиком *авиатоплива* в аэропорту Алматы – Для более полного соответствия мировым стандартам по качеству

авиационного топлива, служба АвиаГСМ аэропорта Алматы обновила фильтры и сливно-наливную эстакаду, дополнительно прибыли новые топливозаправщики в 2010 году. (<http://www.alaport.com/ru/GSM.html>); *топливо для авиации* (38597), баланс индексов – 6,697: общих текстов с *авиатопливо* не отмечается. ТМЭ *топливо*.

Все вышеуказанные методики описания аббревиатур позволяют наиболее точно охарактеризовать ССС одного лексико-семантического поля и определить зоны значимости явления, вокруг которого это поле формируется.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевская Е. А. Словообразование в русском языке : учеб. пособие [для студ. вузов] / Е. А. Василевская. – М. : Учпедгиз, 1962. – 132 с.
2. Теркулов В. И. Два типа трактовки эквивалентности «слово – словосочетание» в «Толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка» / В. И. Теркулов // Реквием филологический. – Донецк, 2015. – С. 273–283.
3. Теркулов В. И. Типология сокращенных компонентов аббревиатур / В. И. Теркулов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 127–134.
4. Ярмашевич М. А. Знаковость аббревиатурных единиц / М. А. Ярмашевич // Вестник ОГУ. – 2002. – № 6. – С. 106–110.

АННОТАЦИЯ

Егорова А. А. Аббревиация как способ словообразования

Данная статья посвящена аббревиации как способу словообразования, методике описания сложносокращенных слов. В работе описываются критерии производности сложносокращенных слов, типы деривационной связи, уровни описания конструкта.

Ключевые слова: аббревиатура, абброконструкт, квазиаббревиатура, псевдоунивербализация, сложносокращенное слово, универбализация.

SUMMARY

Egorova A. A. Abbreviation as a way of word formation

The article deals with abbreviation as a way of word formation, a methodology for describing abbreviation compounds. The criteria for the production of abbreviation compounds, the types of derivational connection, levels of the description of the construct are described in the research.

Key words: abbreviation, abbroconstruct, quasi-abbreviation, pseudo-universalization, abbreviation compound, universalization.

Л.А. Жиденко
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'25

НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА

Ни у кого не возникает сомнения, что перевод давно стал неотъемлемой частью современного мира. Это сложное, многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В настоящее время главная функция перевода информативная или коммуникативная, поэтому перевод – это средство обеспечения возможности общения (коммуникации) между людьми, говорящими на разных языках. Язык, как известно, отражает характер народа, его обычаи, особенности культурно-исторического развития, способы познания мира. Различия языков, с которыми приходится сталкиваться переводчику, настолько бывают существенными, что принято говорить о языковой картине мира, специфичной для людей, говорящих на одном языке. Несовпадение же «картин мира» во многом составляют один из источников трудностей в переводе. Для их преодоления переводчику требуется хорошее знание культуры страны, с языка которой или на язык которой осуществляется перевод. Любой перевод должен выполняться с учетом этнокультурной специфики и социально-культурных традиций, знанием об использовании той или иной языковой единицы вообще и в каждом конкретном случае в частности. Известно, что полное тождество между оригиналом и переводом невозможно. Языковое своеобразие любого текста, а также высказывания, ориентированность их содержания на определенный языковой коллектив, обладающий лишь ему присущими «фоновыми» знаниями и культурно-историческими особенностями, не может быть с абсолютной полнотой передано на другом языке. Но отсутствие тождественности отнюдь не мешает переводу выполнять свои коммуникативные функции. Однако, как и любой процесс коммуникации, перевод может быть осложнен некоторыми факторами, часто сопутствующими двуязычию.

Одним из таких факторов, способных негативно повлиять на качество и адекватность перевода, является языковая

интерференция. Для того, чтобы перевод можно было назвать адекватным, он должен быть наиболее приближен по своему значению к оригиналу и соответствовать в то же время правилам языка, в котором он будет использован. «Адекватный перевод» – это воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка. Для этого переводчик просто обязан быть знакомым с таким явлением, как интерференция, чтобы избежать её негативного влияния. Сам термин «интерференция» – латинского происхождения и обозначает: «inter» между + «ferens» («ferentis») несущий, переносящий [5, с. 247]. В лингвистике проблема интерференции рассматривается в рамках языковых контактов и под интерференцией понимается «нарушение билингом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков» [3, с. 76]. Это явление описывается в трудах многих отечественных и зарубежных ученых, таких как: В. В. Алимов, Е. Бужаровска, У. Вайнрайх, Е. М. Верещагин, В. А. Виноградов, В. В. Климов, Л. Н. Ковылина, В. Н. Комиссаров, Н. А. Любимова, Р. К. Миньяр-Белоручев, Н. Б. Мечковская, Э. Петрович, В. Ю. Розенцвейг, Ю. И. Студеничник, Э. Хауген, Л. В. Щерба и других. Более полное и современное определение интерференции, предлагаемое В. А. Виноградовым, можно найти в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой: «Интерференция (от лат. Inter – между собой, взаимно и ferio – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [4, с. 554].

Человек, изучающий иностранный язык, а тем более осуществляющий перевод с одного языка на другой, редко минует столкновения с явлением языковой интерференции. Этот феномен возникает в результате влияния одного языка на другой. Обычно, на начальном этапе работы у переводчика, не обладающего достаточным опытом, родной язык влияет на иностранный, на продвинутом этапе работы может наблюдаться обратное воздействие. Интерференция может проявлять себя как в устной, так и в письменной речи, а также на всех языковых уровнях. Как показывает опыт, наиболее распространенными видами интерференции являются грамматическая и лексическая. Под влиянием первой возникает ряд ошибок в переводе грамматических форм и конструкций, из предложения нередко выпадают глаголы по аналогии с русским языком, где глагол не всегда обязателен. Это могут быть случаи ошибочного перевода

высказываний с использованием согласования грамматических времен или, наоборот, его неучтения. А также во всех случаях, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики переводимого языка, не работают ввиду их отсутствия в грамматике языка, на который переводят. Лексическая интерференция проявляется там, где происходит вмешательство лексики одной языковой системы в другую, что обычно приводит к буквализмам, вследствие чего переводчик неверно передает формальные и семантические компоненты слова, искажая смысл. Также лексическая интерференция влияет на замену предлогов, например “*for*” на предлог “*on*”, что является калькой русского «на», на употребление или неупотребление тех же предлогов, например, когда переводчик руководствуется законами лексических высказываний в родном языке

Примеры фонетической интерференции, как правило, несвойственны переводчику, в достаточной степени владеющему правилами фонологии переводимого языка, но могут быть замечены практически в любой группе изучающих английский язык. Прежде всего, это смена места ударения в некоторых иностранных словах под влиянием родного, в данном случае русского, языка: *industry*, *botany*, *influence*. Ошибки фонологического характера, искажающие звуковую форму и смысл, затрудняют, а то и нарушают коммуникативный акт.

Орфографическая и графическая интерференция проявляется на письме. Происходит перенос в изучаемый или переводимый язык правил написания слов родного языка. Это порождает орфографические ошибки и графические несообразности. К таким словам могут относиться: *lemon*, *beefsteak*, *telephone*, *business*, *metal*, *corridor*.

Одна из самых распространенных негативных интерференций в процессе перевода – семантическая интерференция, проявляющаяся на уровне значений слов. Она связана с тем, что известные говорящему явления отражены в иностранном языке иначе, чем в родном: *brown* bread в русском языке привычно звучит как – черный хлеб, *brown* hair на русском языке – каштановые волосы, *red* hair – в русском – рыжие волосы. Главной причиной семантической интерференции является многозначность, омонимия и синонимия грамматических форм языков. Вмешательство элементов одной языковой системы в другую, как семантическая интерференция, происходит и на уровне сем. В переводе неадекватная идентификация по главным семам чаще всего отмечается при употреблении приставок, суффиксов, предлогов, союзов, различных частей речи, форм времени и наклонения.

Пример стилистической интерференции можно наблюдать, когда переводчик, не владеющий в должной степени предметом перевода или языковыми навыками, некорректно выбирает слово из ряда стилистических синонимов, в связи с чем меняется стиль высказывания, хотя предмет, о котором идет речь, может остаться тем же. Например, русскому слову «разговаривать» соответствуют два английских глагола, различающихся по стилю: нейтральный “speak” и разговорный “talk”. В случае неверного выбора, применительно к конкретной речевой ситуации, можно наблюдать явление стилистической интерференции. Достаточно распространена и лингвострановедческая интерференция, т.е. ошибочное осмысление фоновой лексики. Известно, что за каждым словом в сознании говорящего на языке народа стоит определённый образ. Например, за понятием “the first floor” британец автоматически представляет этаж, расположенный над первым, в то время как сам первый этаж он привычно называет “the ground floor”. Таким образом, чтобы не переносить понятия с одного языка на другой, в переводе мало ограничиться словами, необходимо непосредственное знакомство и со стоящими за ними образами.

Тесно связан переводческий процесс и с социокультурной интерференцией, вызванной не самой системой языка, а культурой, которую данный язык отображает. Интерференция появляется тогда, когда хотя бы один из участников коммуникации воспринимает похожие реалии, явления, нормы поведения в другой культуре через призму усвоенной им модели миропонимания, например: отвечает “please” в ответ на “thank you” или во всех подробностях излагает события своей жизни в ответ на фразу “How are you?”. Учет фактора интерференции при изучении иностранного языка или переводе позволяет предупредить ошибки, сократить их количество, и тем самым, облегчить процесс понимания. К тому же, сознательная работа с иностранным языком поможет и в работе над родным, т.к. взаимодействие опыта изучения языков, безусловно, оказывает взаимообогащающее влияние. В каком бы плане ни рассматривалось явление интерференции, нетрудно понять, что в центре внимания находится один и тот же контактный языковой материал. В таком материале обнаруживаются факты нарушения языковых норм, правил, закономерностей одного из контактирующих языков под влиянием другого. Важно подчеркнуть, что эти нарушения, изменения норм не стихийны, не хаотичны – они носят явно направленный характер уподобления нормам, правилам, закономерностям другого языка. Недооценка явления интерференции в переводе приводит

к различным ошибкам, нарушениям, неточностям, искажениям и срыву коммуникации.

В настоящее время, практически все люди земли, а не только переводчики, приобщаясь к мировой культуре через прямое овладение иностранными языками, испытывают на себе влияние языковой интерференции. Межъязыковая интерференция особенно проявляется сейчас в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации, в политике, при установлении любых контактов в различных сферах деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод : Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
2. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 252 с.
3. Семчинский С. В. Семантическая интерференция языков / С. В. Семчинский. – М. : Высш. шк., 1974. – 256 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
5. Словарь иностранных слов и выражений (около 10000 сл.) / сост. Т. Ю. Юша. – СПб. : ООО «Виктория плюс», 2010. – 816 с.

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л. А. Негативное влияние межъязыковой интерференции на качество перевода

В статье рассматривается фактор возможного негативного влияния межъязыковой интерференции на качество и адекватность перевода. Акцентируется внимание на знании переводчиком не только лексико-грамматического строя переводимого языка, но и социально-культурных традиций страны, язык которой он переводит

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, перевод, двуязычие, влияние, адекватность, социокультурные традиции, семантический, фонетический, грамматический, стилистический, лингвокультурный, коммуникация.

SUMMARY

Zhidenko L. A. Negative influence of interlingual interference on the quality of translation

The article considers the factor of possible negative influence of interlingual interference on the quality and adequacy of translation.

It focuses on the translator's knowledge of not only the lexical-grammatical structure of the source language, but also the socio-cultural traditions of the country the language of which he translates.

Key words: interlingual interference, translation, bilingualism, influence, adequacy, socio-cultural traditions, semantic, phonetic, grammatical, stylistic, linguistic-cultural, communication.

С.Н. Лежнев
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.111:81

КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Контаминация, или телескопия, является продуктивным способом словообразования в современном английском языке. Новые лексические единицы, полученные в результате данного способа словообразования, называют телескопными словами, телескопическими словами, контаминациями, словами-слитками, свертками. Сам способ создания новых слов называют вставочным словообразованием, телескопическим словообразованием, или телескопией, словослиянием, контаминацией.

Целью данной статьи является изучение структурно-семантических и прагматических особенностей функционирования неологизмов, образованных путем контаминации в английском языке, посредством решения следующих задач: 1) выделения структурных типов контаминантов; 2) анализа их семантики; 3) определения особенности употребления неологизмов-контаминантов в англоязычном публицистическом дискурсе. Объектом исследования являются новые лексемы, образованные путем полного или частичного слияния двух слов, зафиксированные англоязычными печатными и электронными информационными изданиями [6]. Предметом изучения являются структурно-семантические и прагматические особенности неологизмов.

По мнению Т. Г. Тимошенко, телескопия является явлением промежуточным между словосложением и деривацией и должна рассматриваться как отдельный, хотя и смежный способ словообразования [5, с. 25]. Существует мнение, что базой для образования контаминантов “служит свободная синтаксическая конструкция, стереотипный характер и частая повторяемость которой являются основными катализаторами ее трансформации

в цельнооформленную лексему» [1]. Ю. А. Жлуктенко указывает на то, что контаминация “в отличие от аббревиатур, не имеет соответствия в свободных словосочетаниях, а образуется вследствие установления ассоциативных связей между двумя синтаксически обособленными словами” [1]. “В действительности, оба утверждения являются правильными, что не противоречит понятию контаминации как сложному и многогранному явлению: в зависимости от структурного типа контаминантов можно условно выделить синтагматические и парадигматические контаминанты. Синтагматические контаминанты состоят из слов, встречающихся в линейной цепи и имеющих общий элемент (графему или слог) на границе конца первого слова и начала второго, именно это обстоятельство и способствует слиянию двух слов” [4, с. 89-90].

Согласно точке зрения С. М. Еникеевой, “телескопия – автономный способ словообразования, поскольку является своеобразным гибридом словообразования и формообразования. В процессе формирования телескопизмов участвуют как механизмы соединения основ (которые являются ведущими в словосложении), так и механизмы сокращения, фрагментации слов (что типично для формообразования)” [3, с. 95]. Телескопизмы, как и сложные слова, образуются на основе свободных лексических единиц. Словосложение и телескопия представляют собой универбацию, то есть конденсацию семантики словосочетания в пределах одной лексической единицы. Этот способ представляет собой слияние, сращивание “обломков” двух или нескольких слов, их частей или соединение одного полного слова и части другого, в результате которых образуются “слова-слитки” (2).

По характеру сокращения исходных слов телескопизмы распределяются по следующим группам:

1) полные слова-слитки $(A + B) + (C + D) > (A + D)$: Paris + London > Par-Don: “*I didn’t know you could claim “frequent-flier” points on the Eurostar, until recently. Not in Economy anyway. It’s a shame, because, given the number of times I’ve travelled on it, I’d have racked up enough for at least one free croque monsieur and a mini bottle of vin rouge. That’s the glamorous Par-Don life for you*” (Katie Mulloy, “C’est Me Vie...”, Company (UK), February 1, 2014);

technology + exurb > technoburb (n) an exurb with decentralized, city-quality infrastructure, industries, and services; an exurb that contains a disproportionate number of technology-based businesses: “*Toronto has been described by some wags as “Vienna surrounded by Houston”*. But this booming technoburb defies the sprawling, tacky-

tacky, no-there-there image of the region's suburbs" (Peter Katz & Jay Walljasper, "10 Most Enlightened Suburbs", Utne, 2003);

hope + opium > hopium: *"You'd better not shout, pout or cry because you know who might be coming to town. At least that seems to be the growing feeling among commentators. Realistic? Or is it a case of, as CNBC beautifully put it on Wednesday, markets being on a new drug called hopium?"* (Greg Peel "Next Week at a Glance", FNArena, December 2, 2011);

fat + happy > fappy: *"The once buffed up Tatum was the first to say that he's 'fat and happy' today as he is enjoying some 'down time' after working for two years straight. His wife even has a name for his new look and demeanor combined. He is 'fappy', which is short for 'fat and happy', he explained"* (Roz Zurko, Channing tatum is one "fappy" fellow: Tells Ellen why he's so "fat and happy", [examiner.com], February 7, 2014);

giraffe + graffiti > giraffiti: *"Piece of 'giraffiti' (it was high up) at corner of Bastings and High streets, Northcote: 'HOWARD: IT IS UN AUSTRIAN TO TELL LIES'"* (Lawrence Money "Spy", Sunday Age (Melbourne, Australia), March 10, 2002);

sheep + people > sheeple: *"Speaker Finneran informed his sheeple, I mean people, of their impending 'voluntary' pay cuts at a caucus Wednesday afternoon"* (Howie Carr "These are unhappy times for Hackerama denizens", The Boston Herald, March 1, 2002);

2) частичные слова-слитки:

a) (A + B) + (C + D) > (A + (C+D)): *Google + Tube > GooTube* (n): the business entity or web services created by the merger of Google and YouTube. *"The purchase of video site YouTube by search engine Google got Techman thinking. For example, some folks are already referring to the site as GooTube"* ("Made-up mergers conjure what-ifs", Pittsburgh Post-Gazette, 2006);

b) (A + B) + (C + D) > (A + B) + D: *vegan + evangelical > vegangelical* (n): An extremely zealous vegan who is eager to make other people believe in and convert to veganism: *"I'm not a vegangelical", she said. "He's an adult and I respect his choices just as he respects mine"* (Kate Murphy "I Love You, But You Love Meat", The New York Times, 2008);

faux + romance > fauxmance (n) a fake romance, particularly one used to generate publicity for the participants: *"But if this really was just a ploy for album sales and Emmy buzz, wouldn't there be some warning signs? In fact, the fauxmance is full of red flags"* (Amy Zimmerman "Hiddleswift Is Taylor Swift's 'Famous', and the Greatest Performance of Her Career", The Daily Beast, 2016);

blog + celebrity > blodgebrity (n) a famous or popular blogger: *"His blodgebrity status earned him a political column in 2003 on*

Gaper's Block, a local news and events Webzine" (Tracy Swartz, "How to break up with your fans, readers", Chicago Tribune, 2007);

bride + Godzilla > Bridezilla (n) a bride-to-be who, while planning her wedding, becomes exceptionally selfish, greedy, and obnoxious: "*The tricky thing about Bridezillas is that their transition from sweethearts to creatures from hell cannot be foreseen, not even by the future husbands. They are perfectly normal women – until they get a ring,*" says Ms Spaemme. "*They run around screaming: 'It is my day! Bow down and kiss my feet!' They demand attention, gifts and money and treat family and friends like servants*" (Steffi Kammerer, "Drama, chaos, greed and a white dress", The Dallas Morning News, 2002);

white + WiFi > WhiteFi: "*New devices including smart phones, tablets, and computers that know how to detect unused spectrum can use it to transmit wireless broadband signals, also known as "WhiteFi" or "Super Wi-Fi". These frequencies are especially useful because they can carry a lot of data over long distances and reach indoors*" (Amy Nordrum "3 Ways To Bridge The Digital Divide", IEEE Spectrum, April 14, 2016);

c) (A + B) + (C + D) > A + (C + D): *jihadist + hottie > jihottie* (n): a good-looking woman or man who supports or engages in terrorist activities: "*There are even reports of online recruiting of youths to join the Islamic State using romance and marriage as enticements. Young women, particularly in the West, are promised a so-called jihottie (jihadist hottie) of their choosing for a husband*" (Kate Murphy "In Online Dating, 'Sextortion' and Scams", The New York Times, 2016);

para ("wrong") + eidolon ("phantom") > pareidolia (n) the erroneous or fanciful perception of a pattern or meaning in something that is actually ambiguous or random: "*In 1978, some 8,000 people made pilgrimages to the home of a New Mexico woman who discovered a picture of Jesus in a burned tortilla. And in 2001, thousands saw the face of Satan captured in a CNN video and Associated Press photos of smoke billowing from the World Trade Center (example of pareidolia)*" (Mike Himowitz "Space photo contents often are all in eye of the beholder", The Baltimore Sun, 2004).

Семантический анализ телескопизмов свидетельствует о том, что возникновение новой формы приводит к образованию нового значения слова, включающего значения его компонентов. Некоторые лексемы служат для передачи эмотивной информации или для усиления экспрессии высказывания. Семантической доминантой могут быть как оба компонента телескопного слова, так и любой из компонентов.

Телескопные номинации так же, как и сложные слова, отражают тенденцию к универбализации и рационализации языка, демонстрируют различную степень расчленённости и мотивированности. Основная масса слов-слитков используется в средствах массовой информации и в рекламе. Они играют важную роль в современной разговорной и газетно-публицистической речи, то есть в тех стилях речевого общения, где стремление к оперативности изложения материала особенно важно.

Однако, чем экономнее выражена структура лексической единицы, тем выше её зависимость от текста и тем больше фоновых знаний требуется от читателя. Отсутствие таковых, в частности, языковой компетенции, превращает языковую экономию из фактора, способствующего передаче максимума информации в единицу времени, в фактор, тормозящий быстрое и адекватное восприятие сообщения.

Телескопизмы способны передавать дополнительное, коннотативное значение, расширяющее их предметно-логическое содержание субъективными оттенками оценки, эмоциональности, экспрессивности, функционально-стилистической, юмористической окраски. Коннотации представляют собой разновидность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определённое отношение к ним. Новизна, краткость, оригинальность формы контаминаций привлекают внимание читателя и оказывают на него определённый прагматический эффект.

В связи с возникновением большого количества телескопизмов в современном английском языке представляет интерес их дальнейшее исследование в различных речевых стилях и жанрах в сопоставлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Английские неологизмы / под ред. Ю. А. Жлуктенко. – К. : Наук. думка, 1983. – 172 с.
2. Єнікєєва С. М. Скорочення слова як механізм формотворення та словотворення в сучасній англійській мові / С. М. Єнікєєва // Вісник Житомирського держ. ун-ту. – 2006. – Вип. 27. – С. 93-96.
3. Еникеева С. М. Синергетические параметры структурной организации и развития словообразовательной системы современного английского языка / Синергетика в филологических исследованиях : монография / Т. И. Домброван, С. М. Еникеева, Л. С. Пихтовникова и др. – Х. : ХНУ им. В. Н. Каразина, 2015. – 340 с.

4. Лаврова Н. А. Контаминация в современном английском языке : структура, семантика, прагматика / Н. А. Лаврова / Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. – С. 88-93.
5. Тимошенко Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Киев. гос. пед. ин-т ин. яз. – К., 1976. – 26 с.
6. Режим доступа: [wordspy.com].

АННОТАЦИЯ

Лежнев С. Н. Контаминация в современном английском языке

Статья посвящена изучению структурно-семантических и прагматических особенностей функционирования неологизмов, образованных путем контаминации в современном английском языке. В работе выделяются структурные типы контаминантов, анализируется их семантика, определяются особенности употребления неологизмов-контаминантов в англоязычном публицистическом дискурсе. Объектом исследования являются новые лексемы, образованные путем полного или частичного слияния двух слов, зафиксированные англоязычными печатными и электронными информационными изданиями.

Ключевые слова: контаминация, телескопизмы, слова-слитки, универбация, коннотация.

SUMMARY

Lezhnyov S. N. Contamination in the modern English language

The article is devoted to the study of structural-semantic and pragmatic features of the functioning of neologisms formed by means of contamination in modern English. The paper identifies the structural types of contaminants, analyzes their semantics, and determines the use of neologisms-contaminants in the English-language publicistic discourse. The lexemes under analysis are new words formed by the full or partial merging of two words, recorded in English-language printed and electronic information sources.

Key words: contamination, blending, neologisms, pragmatics, connotation.

Е.В. Минина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.4

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПРОЗВИЩ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КЕНА ФОЛЛЕТТА «ГИБЕЛЬ ГИГАНТОВ»)

Перевод литературных произведений всегда вызывал и продолжает вызывать огромный интерес исследователей языка: переводчиков, филологов, лингвистов, ономастов, литературоведов. Неотъемлемым элементом любого художественного текста являются имена собственные – поэтонимы – термин, предложенный ученым В.М. Калинкиным в его фундаментальной работе «Поэтика онима», для обозначения имен в литературном произведении, которые имеют подвижную семантику, выполняют не только номинативную функцию, а также характеризующую и стилистическую [2, с. 63]. Именно поэтонимы вызывают наибольшие трудности в процессе перевода литературного произведения с одного языка на другой.

В контексте литературного произведения антропоэтонимы занимают особое место, поскольку стержнем любого произведения является система персонажей, а соответственно самыми значимыми поэтонимами художественного текста следует считать антропоэтонимы – имена, фамилии, прозвища персонажей. В настоящее время в литературной ономастике накоплен значительный материал по изучению антропоэтонимов, который представлен в работах таких выдающихся исследователей-ономастов, как Ю.А. Карпенко, К.Б. Зайцева, В.М. Калинкин, М.В. Горбаневский, В.А. Никонов, О.И. Фоякова, Н.В. Васильева и многих других. В переводе антропоэтонимов также достигнуты значительные результаты, о чем свидетельствуют труды В.С. Виноградова, Д.И. Ермоловича, А.А. Живоглядова, а также многочисленные диссертации и публикации. Однако актуальность изучения специфики перевода антропоэтонимов с английского языка на русский язык не утратила своей значимости, так как остались еще незаполненные лакуны в данной области исследования. Целью нашей работы является установление наиболее частотных приемов перевода прозвищ путем анализа основных способов передачи антропоэтонимов с английского языка на русский на материале исторического романа Кена Фоллетта «Гибель Гигантов».

Разные ученые выделяют разные способы передачи антропоэтонимов на другой язык. Исследователи, занимающиеся

переводом антропонимов с английского языка на русский, зачастую отмечают, что они не подлежат переводу. Возможно именно поэтому, говоря о приемах перевода антропонимов, все ученые единогласно утверждают, что основными способами перевода имен и фамилий являются транскрипция и транслитерация, поскольку при этих способах передачи антропонимов с одного языка на другой сохраняются их звуковая и графическая оболочки. По словам выдающегося переводоведа В.Н. Комиссарова, ведущим способом в переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации [3, с. 173], и, как отмечает Д.И. Ермолович, такой способ передачи известен в современной переводческой практике как практическая транскрипция [1, с. 20]. Помимо транскрипции и транслитерации к основным приемам передачи антропонимов исследователи относят также калькирование, под которым понимают прием перевода, состоящий в том, что слова и выражения одного языка переводятся на другой язык путем точного воспроизведения средствами переводящего языка их морфемной или словесной структуры [5, с. 56]. Помимо уже упомянутых приемов передачи антропонимов с одного языка на другой, ученый Д.И. Ермолович рекомендует переводчикам также обращать внимание на национально-языковую принадлежность имени, использовать принципы этимологического соответствия (транспозиция) и благозвучия, сохранять тождество имени, адаптировать имя к грамматической системе принимающего языка, учитывать способность имени к словообразованию, историческую традицию, характеризующие компоненты значения имени и конкретную прагматическую задачу [1, с. 14-32].

Прозвища являются специфическим пластом антропонимов, их определяют как «дополнительные имена, данные человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [4, с. 115]. Лингвистов в прозвищах интересует прежде всего мотивация, приводящая к возникновению прозвища у конкретного человека, переводчиков и исследователей перевода привлекают в первую очередь способы передачи прозвищ с одного языка на другой, с чем зачастую и возникают сложности. Прозвища по своей природе являются смысловыми и значимыми, несут в себе характеристическую, стилистическую и эмоционально-экспрессивную окраску, не зря литературоведы называют их «говорящими» именами. Перед переводчиками стоит

нелегкая задача сохранения заключенной в них смысловой и эмоциональной информации в тексте перевода, что в свою очередь поможет читателю обогатить свое восприятие образа, а также расшифровать тайные знаки субъективного авторского отношения к герою.

Ученый Д.И. Ермолович отмечает, что при переводе текстов, в которых присутствуют прозвища, необходимо выяснить, к какому типу относится прозвище английского языка (является ли оно ситуативным или неситуативным, множественным или единичным, антропонимическим или смешанного типа) и максимально точно и четко передать его на русский язык, так чтобы оно имело в русском языке те же признаки своего носителя, что и в английском языке [1, с. 99]. В ходе изучения способов передачи прозвищ с английского на русский язык на материале романа Кена Фоллетта «Гибель Гигантов» были выявлены следующие приемы: транслитерация и транскрипция, комбинированная переводческая техника транскрипции или транслитерации с элементами калькирования и семантического перевода. Проанализировав прозвища в оригинале и переводе, стало очевидным, что для сохранения смысловой нагрузки и эмоционального воздействия прозвищ чаще всего использовались приемы калькирования и семантического перевода. Такие приемы позволяют понять, какие свойства, признаки и качества именуемого объекта были положены в основу прозвища.

Рассмотрим наиболее интересные случаи перевода прозвищ, предложенных переводчиком Е. Сайма. С помощью приемов транскрипции и транслитерации переведены оттопонимические прозвища, указывающие на происхождение их носителей: *Duchess of Sussex* – Герцогиня *Суссекская*, *Marquis of Lowther* – Маркиз *Лоутерский*, хотя и с добавлением русских флексий *-ская/-ский* в тексте перевода, а также гипокористический дериват последнего *Lowthie* – *Лоути* с характерным уменьшительно-ласкательным аффиксом. При переводе антропонимических прозвищ *Joey* и *Johnny* (Джой и Джонни в тексте перевода соответственно) сохраняется благозвучность с итальянскими именами персонажей Джузеппе и Джованни, получившие свои прозвища с целью их максимальной адаптации для англоязычного читателя. Тот же самый прием используется для передачи прозвища *Dai Ponies* в составе двусоставного антропонима, состоящего из имени и прозвища. Оба элемента переданы с помощью транскрипции и транслитерации *Дэй-Пони*, где прозвище ассоциативно дает понять, что деятельность носителя связана с лошадьми, поскольку персонаж является конюхом.

В романе Кена Фоллетта прозвища, как правило, встречаются в сопровождении имен, наиболее приемлемым приемом для передачи которых являются транскрипция и транслитерация, именно поэтому такие двусоставные прозвища передаются с помощью комбинированной переводческой техники. В качестве примеров таких антропонимов с компонентой-прозвищем можно привести *Dai Crybaby* – **Дэй-Плакса**, *Dai Union* – **Дэй-Профсоюз**, *Billy Twice* – **Дважды Билли**, *Dai Muck* – **Дэй-Грязюк**, *Dai Chops* – **Дэй-Окорочок**, *John Jones the Shop* – **Джон Джонс «Лавка»**, *Pat Pope* – **«Папа» Пэт**, *Billy-with-Jesus* – **Билли-с-Богом**, где каждое имя передано с помощью транскрипции или транслитерации, а все прозвища переведены с помощью кальки или семантического перевода. Исходя из перевода прозвищ, можно судить о привычках и особенностях носителя прозвища (**Дэй-Плакса**), о его роде деятельности (**Дэй-Профсоюз**, **Джон Джонс «Лавка»**), но в большинстве случаев без контекстуального использования прозвища практически невозможно судить об их мотивации. Анализируя перевод данных прозвищ, следует также обратить внимание на некоторые грамматические трансформации, такие, как, например, изменение порядка слов (*Billy Twice* – **Дважды Билли**, *Pat Pope* – **«Папа» Пэт**) или изменение грамматической формы – переход формы множественного числа в единственное (*Dai Chops* – **Дэй-Окорочок**). К подобным рода трансформациям можно отнести и изменение части речи при переводе прозвища *Arthur “Spotty” Llewellyn* – **Артур Ллевеллин Клякса** в составе трехкомпонентного антропонима, где прилагательному в англоязычном прозвище *Spotty* соответствует русское прозвище-существительное **Клякса**, которое, кстати, характеризует носителя прозвища как весьма неопрятного и неряшливого человека, чему есть подтверждение и в тексте произведения: “His white shirt had a dirty collar and cuffs” [7, с. 12] – «Воротник и манжеты его белой рубашки были в черных пятнах» [6, с. 15].

Еще одним трехкомпонентным антропонимом с составляющей-прозвищем является *Harry “Suet” Hewitt*, где прозвище *Suet* очень благозвучно с фамилией *Hewitt*, однако, к сожалению, благозвучность не сохранена при переводе *Garry Хьюитт «Пудинг»*, хотя данное переводческое соответствие отлично характеризует внешность носителя прозвища, указывая на его тучность. Вполне вероятно, что переводчик использовал данный эквивалент с опорой на контекст: “It was *Harry “Suet” Hewitt*, a pudding-faced boy ...” [7, с. 16] – «Это был Гарри Хьюитт, которого все звали Пудинг, парень с толстой, расплывшейся

физиономией ...» [6, с. 18]. При переводе антропонима *Micky Rore*, произошла некоторая трансформация, в ходе которой прозвище *Rore* было опущено с именем *Micky*, а появилось при уточнении родственных связей носителя прозвища *Мики, сын «Папы» Пэта*.

И, наконец, хотелось бы рассмотреть способ перевода прозвища *Lady Diana Manners* – **фи́фа** Леди Диана, где прозвище *Manners* из разряда антропонимов перешло в апеллятив **фи́фа**, из множественного числа превратилось в единственное, поменяло расположение внутри антропонима из конечного положения в начальное и более значимое и несет более яркую эмоционально-стилистическую окраску.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что при переводе прозвищ с английского на русский язык переводчику необходимо максимально четко передать структуру и семантику прозвища, не утратив его смыслового и эмоционально-экспрессивного наполнения. Анализ перевода прозвищ в романе Кена Фоллетта «Гибель Гигантов» показал, что самым удачным приемом передачи прозвища с английского на русский язык является комбинированная техника перевода с использованием нескольких приемов перевода одновременно. Перспективным направлением работы нам представляется анализ способов передачи других семантических разрядов поэтонимов с одного языка на другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Калінкін В. М. Поетика оніма / В. М. Калінкін. – Донецьк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 198 с.
5. Раренко М. Б. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / М. Б. Раренко. – М. : ИНИОН РАН, 2010. – 260 с.
6. Фоллетт К. Гибель Гигантов / Кен Фоллетт ; [пер. Е. Сайма]. – М. : Астрель, 2012. – 896 с.
7. Follett K. Fall of Giants / Ken Follett. – New York : New American Library, 2010. – 925 p.

АННОТАЦИЯ

Минина Е. В. Специфика перевода прозвищ с английского на русский язык (на материале романа Кена Фоллетта «Гибель Гигантов»)

Статья посвящена особенностям перевода прозвищ с английского на русский язык романа Кена Фоллетта «Fall of Giants» («Гибель Гигантов»). В статье рассмотрены основные способы перевода антропонимов с английского на русский язык, выявлены частотные приемы передачи прозвищ с одного языка на другой, описаны сложности, с которыми может столкнуться переводчик при переводе прозвищ.

Ключевые слова: антропоним, прозвище, способы перевода, комбинированная переводческая техника.

SUMMARY

Minina Ye. V. The specific features of rendering nicknames from English into Russian in Ken Follett's «Fall of Giants»

The article is devoted to the peculiar features of rendering nicknames from English into Russian in Ken Follett's «Fall of Giants». The basic ways of rendering anthroponyms from English into Russian are studied, frequent means of translating nicknames from one language into the other are demonstrated, the difficulties a translator may face while rendering nicknames are described.

Key words: anthroponym, nickname, ways of rendering, combined translation technique.

*А.Э. Погребнякова
(г. Луганск, ЛНР)*

УДК 811.111'42

EVOLUTION OF THE NOTION OF EMOTIONAL CONCEPT IN MODERN LINGUISTICS

Nowadays humanitarian knowledge is undergoing serious internal modification. Achievements of natural and humanitarian sciences of the last century have led to the formation of sometimes fundamentally different vision and solution of many questions. The arrival of postmodern matrix in the humanities in the second half of the XX century has made many classical conceptual and categorical constructions unstable, and often unsustainable. Some notions are leaving the scientific discourse, others lose their usual meaning, and some become linguistically and semantically converted.

As far as the paradigm of a diverse modern discursive space

continues its development it also dictates the need for correction of the conceptual apparatus that adequately reflects it. Philosophy, structural linguistics and culturology became extremely integrated in the XX century. This period allowed them to develop common linguistic and semantic constructions that are included in the interdisciplinary dialog space. The term ‘concept’ is among them. In this regard, in our opinion, it is topical to consider the concept as a formation which, on the one hand, has a long history of existence, on the other hand, received a new birth in modern humanities at the intersection of cultural philosophy and linguistics.

The topicality of the concept research is defined by the following factors: constant increase of interest of modern science to the problem of the concept and, in particular, to the emotional concepts; absence of a unified approach to nature, definition of the concept and the methods of its analysis; complexity of description and variability of its expression in different languages.

Deep interest in the concept for the first time was shown by the medieval philosophers, which is not surprising. Philosophical thought for many centuries has been on the top of science, acting as a universal “donor” of ideas and constructs. For a modern philosopher, “concept is the content of the notion, its meaning in abstraction from the concrete language form of its expression” [1, p. 503].

The concept is a central notion of cognitive linguistics, representatives of which believe that every language has a certain system of concepts by means of which native speakers perceive, classify and interpret the information that comes from the outside world. Theoretical justification of the linguistic conceptology is given in the works of N. Alefirenko, N. Arutyunova, A. Babushkin, Ye. Kubryakova, I. Sternin, V. Teliya and other researchers. S. Askoldov was the one who used the term “concept” in Russian linguistics in the mid 20-s of the XXth century [4].

The concept consists of layers of different time and origin. Therefore it is natural to represent its evolution in the form of a sequence or series, parts of which are the stages of concept, or alternatively the concept in different epochs.

Emotiology or linguistics of emotions is distinguished as a separate direction in modern linguistics. Being established and formed only recently – in the 80s of the XXth century – at the intersection of psychology and traditional linguistics, it begins to develop rapidly.

The main tasks of emotiology are limited to the study of subjective components of the value of language units [2, p. 5], as well as to verbalization, accumulation, structuralization and “intergenerational transition of knowledge about emotions”, which are captured in the language [5].

Though the notion of the concept seems to be rather clear, the notion of the emotional concept may face some challenges. It is because of its abstractedness, intangibility and fluidity in the language.

Emotions surround us everywhere and always, regardless of whether we notice that or not. They are those unconscious and automatic parts of our psychology that there is no doubt they are of the universal function and, thus, of a natural human's property to perform a reaction. So, we are to confirm that emotional concepts possess a universal quality which unites all cultures, people and the language they use.

The study of linguistic interpretation of emotions – is a priority research of modern anthropocentric linguistics, because, as noted by V. Shakhovsky, “since the outlines of a new humanistic linguistic paradigm began to emerge with its close attention to the creator, the speaker and the user of language and his psychology, linguists could not circumvent the scope of emotions as the most human factor in the language” [6, p. 3].

Linguistics of emotions is a complex field in which you can distinguish the following actual directions: the analysis of descriptive means and expression of emotions by vocabulary and grammar (N. Arutiunova, A. Wierzbicka, V. Telia, I. Romanovskaya, Yu. Apresian, S. Tseitlin, Yu. Karaulov, L. Babenko, I. Matkhanova etc.); the study of the emotive text (Ye.Yu. Myagkova, L. Babenko etc.) and the emotive-evaluative discourse (V. Shakhovsky, N. Lukyanova, T. Tripolskaya etc.).

It was figured out by the linguistic professor N.A. Krasavsky that, though the notion of emotional concepts is considered to be an already formed paradigm in linguistic science, most of research works devoted to its investigation, prefer to ignore the theme of ethnic mentality, its psychology, national character or the specificity of the existence of the ethnic community [3, p. 18 – 28]. And the reason of such a limited approach to the matter lies in the great amount of linguistic works concentrated specifically on the description of the way emotions can be verbalized.

Nevertheless, such point of view should be excluded simply because such analysis is an uncompleted one and it is not enough for a truly deep understanding of the ontology of psychic experiences as they are the relevant of the culture, as well as for the native speakers of the chosen culture that is being explored.

Thus, characterized as structurally and substantively complex and multidimensional verbalized mental constructs of the human mind, emotional concepts must be subordinated to the complex comparative linguocultural study.

Emotional concepts are characterized by national identity due to the fact that the emotional reflection of each language is of an original nature. The most effective methods for description of emotional concepts are ones that are used in the contextological, functional and stylistic analysis and techniques of cultural and stylistic comments using the data of philosophy, psychology, sociology and literary criticism.

It should be admitted that the subject of emotional concept in linguoculturology is the one that still needs to be examined. As far as it explains the culture of a certain period, people's feelings, and the emotion of a nation consciousness studied individually it will be under a constant observation. In general the role of the emotional concept in society is one of reflection, such as we look into the mirror. Thus, we can come to a conclusion that emotional concept at the stated time reflects the culture as a whole.

REFERENCES

1. Абушенко В.Л. Концепт / В.Л. Абушенко, Н.Л. Кацук // Новейший философский словарь. – Минск, 2001. – С. 503.
2. Ионова С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты речевой деятельности: сб. науч. трудов / под ред. С.В. Ионовой, Ю.К. Волошина, В.В. Леонтьева. – Волгоград: Изд-во ЦОП «Центр», 2004. – С. 4-24.
3. Красавский Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональной концептосферы / Н.А. Красавский // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. – Материалы международного симпозиума молодых учёных «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 18-28.
4. Перспективные научные исследования в языкознании [Электронный ресурс]: коллективная монография / [О.Г. Алифанова, Д.В. Исаев, А.В. Павлова и др.]; под. ред. А.В. Павловой. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 200 с.
5. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008.
6. Шаховский В.И. О лингвистике эмоций / В.И. Шаховский // Язык и эмоции. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 8-15.

АННОТАЦИЯ

Погребнякова А. Э. Эволюция понятия «эмоциональный концепт» в современной лингвистике

В данной статье в качестве единицы исследования рассматривается эмоциональный концепт и его развитие в

современной лингвистике. Изучение значения эмоционального концепта и концепта в целом является долгим процессом, который требует глубокого исследования при погружении в истоки его появления. Каждый исследователь предлагает свое восприятие и понимание основных элементов концепта. Существуют базовые подходы к исследованию концепта, которые предусмотрены в современной лингвистике. Эмоции заслуженно занимают право представлять отдельную группу языковых концептов.

Ключевые слова: лингвистика, концепт, эмоциональный концепт, концептология, культурология.

SUMMARY

Pogrebnyakova A. E. Evolution of the notion of emotional concept in modern linguistics

This article investigates the notion of emotional concept and its evolution in modern linguistics. Exploring the meaning of the emotional concept and the concept in general is a long process which requires deep investigation plunging into the roots of its appearance. Each researcher provides his/her own perception and understanding of the main elements of the concept. There are basic approaches to the investigation of the concept which are provided in modern linguistics. Emotions are deservedly entitled to represent a separate group of linguistic concepts.

Key words: linguistics, concept, emotional concept, conceptology, culturology.

*О.В. Сырова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГОЭПИСТЕМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Любое сообщество стремится к передаче своего культурного наследия от поколения к поколению. Среди значимых социально-культурных факторов его трансляции значительная роль принадлежит языку, который выполняет свою ретрансляционную функцию, не подвергаясь существенным изменениям, следовательно, и культурное наследие, выраженное в текстовых кодах, традиционных формах речевого поведения, интериоризируется молодым поколением в соответствии с укорененными в том или ином лингвокультурном сообществе представлениями. Проходя многовековую историю, язык чутко

реагирует на общественные отношения и почти незамедлительно отражает их в практике речевой деятельности.

Последнее время ученые постоянно ищут рациональный подход к слову как единице описания и усвоения языка для обеспечения лучшего усвоения материала учащимися в процессе обучения русскому языку. Особое значение в этом плане приобретает изучение той языковой единицы, которая выступает в то же время символом, сигналом, знаком некоторых артефактов. Она, с одной стороны, принадлежит языку, а с другой – культуре. Предложено несколько терминов для обозначения этого явления: *концепт* у Ю. Степанова, В.Н. Телии; *лингвокультурема* у В.В. Воробьева; *национальный социокультурный стереотип* у Ю.С. Прохорова.

Одной разновидностью таких ментальных образований является *логоэпистема*. Впервые этот термин предложили В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова в работе «Старые мехи и молодое вино». Это «*знание, хранимое в единицах языка*», «*языковое выражение закрепленного общественно-культурной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур*» [4, с. 33]. Логоэпистемы функционируют в тексте как «голос прошлого». Иными словами, говорящие в данном контексте апеллируют к чужому мнению, в роли которого могут выступать как авторитеты, так и общепризнанные ценности в качестве неоспоримой аргументации. Логоэпистемы можно поэтому назвать символами чего-то стоящего за ними, сигналами, заставляющими вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст; сама же логоэпистема представляется тогда эмблемой, символом текста, единицей описания текста в лингвокультурном аспекте, причем текст понимается в широком семиотическом плане: и как историческое событие (*Мамай прошел*), и как собственно письменный текст («*Сказание о Мамаевом нашествии*»), и как авторитетный или влиятельный автор. Значение логоэпистемы, по мнению В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, выводится из текста, с которым она исторически, культурно, ассоциативно или еще как-то связана. Материально логоэпистема может быть представлена цитатой, пословицей, поговоркой, фразеологизмом, афоризмом, «говорящим именем», заглавием текста, его ключевой фразой, крылатыми словами. Она служит сигналом, заставляющим вспомнить некоторое фоновое знание, текст, информацию, когнитивный смысл, стоящий за ней, символ чего/кого-либо.

Мы считаем, что употребление логоэпистем на уроках русского языка является необходимым условием формирования полноценной языковой личности. Отсылка к логоэпистемам в процессе занятия ориентирована не на обычную коммуникацию, она имеет прагматическую направленность, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными интенциями.

Готовность языковой личности оперировать логоэпистемами формируется к старшему школьному возрасту, который соответствует периоду наиболее активного развития готовностей тезаурусного и мотивационно-прагматического уровня. Старшекласснику известно значительное число культурно-значимых текстов, содержательное наполнение их концептов, в разной степени усвоена стратегия апелляции к таким текстам. В этом возрасте укрепляется осознание своей этнической принадлежности, определяется мотивация выбора своей национальности, конструируется этническое мировоззрение [7].

На уроках русского языка логоэпистемы чаще всего выступают в виде вторичных текстов (интерпретация логоэпистемы в ходе занятия). Производство вторичных текстов имеет деривационный характер по той причине, что в его основе лежат процедуры свертывания и развертывания, коррелирующие с двумя взаимосвязанными речемыслительными процессами – восприятием и воспроизводством речевого сообщения. При восприятии текста происходит его свертывание в некий «смысловой сгусток» (инвариант), который при репродукции развертывается в новую текстовую форму (варианты). В результате вторичные тексты квалифицируются как своеобразные «кодовые трансформации», в основе которых заложен субъективный момент [2].

Логоэпистемы, выступающие в качестве вторичных текстов в процессе занятия по русскому языку, могут проявляться следующим образом:

1. *В тексте учебника.*
2. *В речи учителя.*
3. *В речи школьника.*

В качестве основных критериев отбора логоэпистем с последующим включением в учебные материалы и средства обучения русскому языку выступают следующие параметры, которые являются показателями их лингвометодической ценности:

1. Информативность и соответствие учебным и внеучебным интересам учащихся (возрастным, профессиональным, социальным, общекультурным).

2. Учебно-демонстрационная ценность.
3. Лингвострановедческая ценность.
4. Позитивная ценностная установка.
5. Доступность предметного и метафорического содержания в зависимости от категории учащихся и этапа обучения языку.

В зависимости от категории учащихся, конкретных целей, стоящих на каждом конкретном этапе обучения, эти критерии могут быть дополнены другими характеристиками.

Отметим, что художественные произведения в учебнике представлены как в «натуральном», так и в трансформированном виде:

1. Упоминание – апелляция к логоэпистеме путем прямого, т.е. нетрансформированного воспроизведения языковой единицы.
2. Имплицитная прямая цитация (без ссылки на источник).
3. Трансформированная цитата.
4. Аллюзии – соотнесение предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте и без воспроизведения его значительной части.

Так, в качестве примеров при объяснении стилистического приема *парадокса* авторы учебников часто используют загадки (прямая цитация): *Зубы есть, а ничего не ест; Что бежит без ног?; Без огня горит, без крыла летит, без ног бежит, без ран болит* [6, с. 62].

Учебные тексты (обычно орфографические правила) в процессе подготовки учителя к занятию подвергаются адаптации, происходит процесс логоэпистемизации. Под адаптацией (логоэпистемизацией) имеется в виду приспособление некоторого исходного текста, делающее его доступным аудитории (вторичному адресату), на которого данный текст не был первоначально рассчитан. В основе адаптации лежит процесс популяризации знания, включающий ряд процедур обработки текстов, нацеленных на облегчение их восприятия и понимания реципиентом. Этот процесс сопровождается смысловым переходом из одной реальности (как правило, теоретической) в другую (реальность обыденного сознания). Для этого учитель должен найти способ снизить уровень абстрактности в учебном тексте до минимума и дать возможность школьнику представить материал в образной ассоциативной форме, т.е. в той форме мышления, которая является для него обыденной.

Так, например, в учебнике А.И. Кайдаловой, И.К. Калининой «Современная русская орфография» объяснение правила «*Буквы е(ё) после шипящих под ударением в корнях слов*» располагается на двух страницах со всевозможными примечаниями [3, с. 35-37]. Задача учителя – адаптировать этот сложный текст для

учеников, т.е. осуществить логоэпистемизацию (вербальный импринтинг) в процессе многократного повторения. Так, например, то же правило в речи учителя может звучать в несколько другой форме: *После шипящих в корне слова под ударением пиши ё, если в однокоренных словах или формах этого слова есть чередование с ё (чёрт – черти), при отсутствии чередования пиши о (шов – шва)*. Именно этот «учительский» вариант правила становится для учеников логоэпистемой, квантом знания, актуализирующимся в сознании учащегося при необходимости. Мы считаем, что учебные тексты (например, формулировки правил) становятся логоэпистемами, если являются актуальными для многих поколений того или иного социума, в отличие от исторических логоэпистем, а тем более логоэпистем массовой коммуникации (реклама, кинофильмы, телесериалы и т.д.). Так, например, правило «Жи- ши- пиши с буквой и» имеет большое количество лингвокультурных коннотаций и известно как школьнику первого класса, так и пенсионеру, чего нельзя сказать, к примеру, о логоэпистемах из предмета «История КПСС».

В роли логоэпистем на занятиях по русскому языку обычно выступают такие речевые жанры школьника, как пересказ, формулировка орфографического правила, дефиниция, замечание («краткое суждение по поводу чего-либо»), например: *Не с глаголами пишется раздельно. Имя существительное – это самостоятельная часть речи, которая обозначает предметность и имеет грамматические категории рода, числа и падежа*.

А.Р. Габидуллина считает, что в результате многократного проговаривания учебный текст постепенно становится фактом осознания школьника, является значимым для дальнейшей учебной и профессиональной деятельности. Он начинает воспроизводиться в речи школьника (аудирование, говорение или письмо) как парафраз или цитата.

Часто логоэпистемы в речи учащегося проявляются в результате проведения зрительного диктанта («Письма по памяти»), который проводится следующим образом. Исходный текст (из учебника или записанный на доске) подвергается анализу (комментируются орфограммы и пунктограммы, распознаются слова на изучаемые правила и т.д.). Первичный текст (как правило, афоризмы, стихотворения, пословицы и поговорки) закрываются, и учащиеся воспроизводят его по памяти (устно и письменно). Затем первичный и вторичный тексты сличаются [1]. Здесь мы с уверенностью можем сказать, что в процессе проведения занятия по русскому языку одной из целей

урока должна быть логоэпистемизация как учебного материала (правил, орфограмм, пунктограмм и т.д.), так и сопутствующего материала, помогающего лучшему усвоению материала (общеизвестные цитаты из художественных произведений, пословицы, поговорки, афоризмы и т.д.).

В речи школьника многие логоэпистемы, почерпнутые из учебников и дидактического материала по русскому языку, подвергаются процедуре десемантизации. Десемантизация – это распад, уменьшение или редукция смысла; процесс, в соответствии с которым определенный текст начинает частично или полностью терять свое значение. Значение существует, его можно найти в толковом словаре, можно восстановить в сознании, но в речи (в конкретном акте речевой коммуникации) оно не проявляется. Если текст многократно повторяется, в сознании адресата он начинает терять свой смысл (не увеличивать его): мозг перестает декодировать входную информацию как уже обработанную и начинает «отдыхать».

Одни тексты, воспроизводимые школьниками на занятиях, десемантизированы изначально, другие подвергаются процедуре десемантизации. Изначально десемантизированы искусственные стихотворные тексты, используемые на занятиях по русскому языку. Обычно они выполняют две функции: учебно-тренировочную (способствуют отработке навыков произношения и правописания) и мнемотехническую (с их помощью школьник запоминает некоторое правило). Например: *Шла Саша по шоссе и сосала сушку. Карл у Клары украл кораллы, а Клара у Карла украла кларнет; Иван Родионыч, дай Ваньке трубку покурить (Именительный, Родительный, Дательный, Винительный, Творительный, Предложный).*

«Все эти искусственные примеры, знакомые носителю языка «с младых ногтей», смыкаются в его памяти с пословицами и поговорками, афоризмами и прибаутками, они составляют часть массовой речевой культуры общества, и поэтому характеризуются устойчивостью не только в пространстве, но и во времени» [5, с. 34].

Исследование логоэпистем на уроках русского языка представляется нам весьма перспективным. На наш взгляд, необходимо составление словарей логоэпистем. Это позволит преподавателям школ и вузов эффективно формировать коммуникативную компетенцию школьников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габидуллина А.Р. Учебно-педагогический дискурс: монография / А.Р. Габидуллина. – Горловка: ГППИИЯ, 2009. – 292 с.

2. Голев Н.Д. К основаниям деривационной интерпретации вторичных текстов / Н.Д. Голев. – Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z89.html>.
3. Кайдалова А.И. Современная русская орфография: учеб. пособие / А.И. Кайдалова, И.К. Калинина. – М.: Высш. шк., 1973. – 286 с.
4. Костомаров В.Г. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдения над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова – СПб.: Златоуст, 2001. – 72 с.
5. Норман Б.Ю. Псевдовысказывания как лингвистический феномен (на материале славянских языков) / Б.Ю. Норман // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2010. – № 1. – С. 32-53.
6. Подгаецкая И.М. Воспитание у учащихся интереса к изучению русского языка: пособие для учителя / И.М. Подгаецкая. – М.: Просвещение, 1985. – 208 с.
7. Сергеева Г.Г. Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде / Г.Г. Сергеева // Филологические науки. – 2003. – № 2. – С. 102-110.

АННОТАЦИЯ

Сырова О. В. Использование логоэпистем на уроках русского языка

В статье рассматривается функционирование логоэпистем на уроках русского языка в средних школах. Цель статьи – показать функционирование логоэпистем на уроках по русскому языку в текстах учебников, речи учителя, речи учеников; рассмотреть их основные характеристики и параметры, проанализировать теоретико-методологические основания использования логоэпистем на уроках русского языка.

Ключевые слова: педагогический дискурс, логоэпистема, прецедентный феномен.

SUMMARY

Syrova O. V. Usage of logoepestemes at the lessons of the Russian language

The article deals with the problem logoepestemes functioning at the lessons of the Russian language in schools. The aim of the article is to show the logoepestemes at the Russian lessons in the texts of the texts-books, in the teacher's and student's speech. The main characteristics and parameters of the logoepestemes have been analysed in the article.

Key words: logoepesteme, pedagogical discourse, precedent phenomenon.

Ю.Г. Ткачева
(г. Луганск, ЛНР)

УДК 81'255.4075.8

ПЕРЕВОД И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ

Одной из основных проблем, привлекавших внимание и переводчиков-практиков, и исследователей перевода во все времена, является проблема переводимости. Переводимость может трактоваться либо как принципиальная возможность перевода с одного языка на другой, либо как возможность нахождения эквивалента языковой единицы ИЯ в ПЯ. И в том, и в другом смысле переводимость всегда вызывала сомнения у тех, кто занимался переводом практически или теоретически.

Сомнения в принципиальной возможности осуществления полноценного перевода начали высказываться уже в эпоху Возрождения, прежде всего поэтами и в основном применительно к переводу поэзии. Так, Данте Аллегиери в своем трактате «Пир» писал: «Пусть каждый знает, что ничто, заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести» [7, с. 26].

С развитием переводческой практики, повышением требований к переводу, с более полным осознанием трудностей, с которыми связан перевод текстов, прежде всего художественных, у переводчиков крепло мнение о невозможности полноценного перевода, о том, что перевод представляет собой неразрешимую задачу. Наиболее категорично эту точку зрения высказал Вильгельм фон Гумбольдт, которая стала практически хрестоматийной в переводоведческой литературе: «Всякий перевод представляется мне, безусловно, попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» [7, с. 31]. Согласно идеалистической философии Гумбольдта каждый национальный язык определяет и выражает «дух», свойственный данному народу, а поэтому несводим ни к какому другому языку, как и своеобразие «духа» одного народа несводимо к своеобразию «духа» другого народа. В контексте нашего исследования особую актуальность приобретает следующее высказывание В. фон Гумбольдта: «Каждый язык

описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании; ... только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшей степени переносим свое собственное миропонимание свое собственное языковое воззрение, мы не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса» [5, с. 69]. Точка зрения В. фон Гумбольдта на переводимость получила развитие в неогумбольдтианской философии, в частности, в концепции Э. Сепира и Т. Уорфа. Рассматривая вопрос о влиянии языка на мышление, Э. Сепир приходит к выводу, что значения «...не только открываются в опыте, сколько накладываются на него в силу той титанической власти, которой обладает языковая форма над нашей ориентацией в мире» [5, с. 69]. Согласно данной концепции, особенности каждого языка влияют на особенности мышления людей, пользующихся данным языком, а в результате этого содержание мысли, выраженной на одном языке, в принципе не может быть передано средствами другого языка. Рассматривая подобным образом вопрос о соотношении языка и мышления, американские лингвисты логично приходят к выводу о невозможности перевода.

Таким образом, все представленные выше воззрения на возможность перевода можно обобщить в виде своего рода концепции непереводимости.

Своеобразие национальных языковых картин мира и множественность культур создают определенные трудности при переводе, что и порождает дискуссию о переводимости/непереводимости с одного языка на другой. Однако эти трудности не являются непреодолимым препятствием для взаимопонимания народов. Они снимаются при переводе. Одним из важных и решающих практических доказательств совместимости логических и языковых систем в их познавательной сущности является неопровержимый факт взаимопонимания народов на основе перевода с одного языка на другой.

Принципиальная возможность общения, несмотря на частичную утрату передаваемой информации, свидетельствует о принципиальной возможности переводимости и некорректности теории непереводимости. Согласно теории непереводимости в силу уникальности национальных языков, своеобразия словарного состава и грамматического строя полное тождество исходного текста и текста перевода в принципе невозможно, следовательно, невозможен и сам перевод.

Положение о невозможности перевода основывается на ложном положении, что переводом можно считать лишь текст, полностью тождественный оригиналу, а если что-то утрачено, то это не перевод. В ходе разработки положений лингвистической теории перевода была признана некорректность «теории непереводаемости», так как с позиций современного языкознания доказана невозможность полного тождества оригинала и перевода, а отсутствие тождества не может служить доказательством невозможности перевода.

«Принципиальная возможность перевода отнюдь не опровергается наличием отдельных трудностей, препятствующих межкультурной коммуникации, неизбежностью отдельных потерь. Ведь переводимость имеет под собой прочную основу – общность логического строя мысли, общечеловеческий характер логических форм, наличие семантических универсалий, общность познавательных процессов. Идея абсолютной непереводаемости связана с представлением о переводе как о чисто языковой операции. Вместе с тем семантические расхождения между языками, на которые обычно ссылаются сторонники теории непереводаемости, преодолеваются в речи, на уровне которой совершается перевод, с помощью языкового и ситуативного контекста. Показательно и то, что наименьшее препятствие для переводимости возникает при передаче важнейших функций речи – таких, как референтная (денотативная) функция, непосредственно связанная с отражением в тексте внеязыковой действительности. Из сказанного выше следует, что переводимость представляет собой не абсолютное, а относительное понятие. Подобно тому, как полная эквивалентность представляет собой известную идеализацию переводческой практики, полная переводимость также является не всегда достижимым идеалом.

При этом следует, однако, иметь в виду, что принципиальная переводимость, допускающая известные потери, исходит из того, что эти потери касаются второстепенных, менее существенных элементов текста и предполагают обязательное сохранение его главных, наиболее существенных элементов, его функциональных доминант. В этом заключается один из ведущих принципов стратегии перевода» [8, с. 109].

Языковое своеобразие текста на любом национальном языке ориентировано на конкретный этнос, обладающий только ему присущими «фоновыми знаниями», культурно-историческими особенностями и лингвокультурными особенностями языковой картины мира, не может быть тождественным, воссозданным с абсолютной точностью и полнотой на другом языке. Поскольку, современное переводоведение признает принципиальную

переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации. «Перевод – это не только транспонирование текста в другую систему языковых знаков, но и в другую культуру, он не сводится к перекодированию, а представляет также и объяснение, истолкование, интерпретацию» [8, с. 38].

Конечно, любой перевод, особенно поэтический – это всегда, в той или иной степени, интерпретация, обусловленная в значительной степени лингвокультурологическими расхождениями языковых картин мира.

Таким образом, вышеизложенное может служить основанием концепции неполной (ограниченной, относительной) переводимости. Концепция неполной переводимости опирается также на утверждение о том, что в процессе коммуникации информация передается лишь частично. Как пишет Юджин Найда, «если согласиться с утверждением, что в процессе перевода не должно быть никаких потерь информации, то тогда не только перевод, но и коммуникация вообще будут невозможны» [9, с. 63]. При коммуникации любого типа неизбежно происходят потери информации. «Потеря информации является частью любого процесса коммуникации и, таким образом, потери некоторой части информации при переводе не должны удивлять и не должны служить основанием для сомнений в возможности перевода» [9, с. 63].

Если говорить об ограничениях, препятствующих полной переводимости, то они бывают двух типов: 1) сугубо лингвистические ограничения и 2) ограничения, выходящие за пределы лингвистики и определяемые различиями между двумя культурами.

Основанием концепции переводимости, а точнее, концепции полной переводимости является тот очевидный факт, что для всех народов реальная действительность в принципе едина и, следовательно, более или менее полно отражается во всех языках. Каждый народ выделяет в действительности примерно одинаковые, а иногда, и абсолютно одинаковые явления, отображаемые в каждом языке. А значит, всякое описание действительности на одном языке может быть перевыражено средствами другого языка благодаря наличию в этих языках одинаковых понятийных категорий. Считается, что благодаря такой понятийной общности в каждом языке можно найти единицы, выражающие одни и те же понятия. При этом не важно, что народы, говорящие на разных языках, могут находиться на разных ступенях экономического, политического и культурного развития и, соответственно,

по-разному могут быть развиты их языки. Ведь известно, что для каждого народа его язык является вполне достаточным средством общения, каждый народ успешно пользуется своим языком в процессе коммуникации, в процессе жизнедеятельности, и ни один народ еще не жаловался на недостаточный уровень развития своего языка. Исходя из этого, некоторые ученые весьма категорично заявляют, что «...поскольку противопоставление языков «развитых» и «неразвитых» научно несостоятельно, постольку выдвинутый В. В. Сдобниковым принцип принципиальной возможности перевода («переводимости») на основе передачи значений, выраженных на одном языке, средствами другого языка, не знает ограничений и применим к отношениям между любыми двумя языками» [6, с. 26]. Не менее категорично отстаивает концепцию полной переводимости и В. Коллер: «Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой» [8].

В каждый момент человеческой истории переводимость ограничена, но эти ограничения переводимости исторически преходящи. Для достижения более полной переводимости можно выделить два способствующих ей фактора. Во-первых, это саморазвитие народов, в широком смысле, влекущее за собой развитие национальных языков, их взаимообогащение и взаиморазвитие. Во-вторых, большей переводимости способствует увеличение числа межэтнических контактов. Увеличение контактов между народами способствует более глубокому познанию народами друг друга, что, в свою очередь, приводит к выравниванию национальных менталитетов, к восприятию народами тех понятий, которые существуют у других этносов.

Исследуя проблемы переводимости, понимаемой как возможность нахождения соответствия единице исходного языка в языке перевода, можно выделить ряд лингвистических факторов, препятствующих полям переводимости:

1. Неодинаковая категоризация действительности с позиции разных языков;

2. Существование этнографических лакун – лексических единиц, обозначающих реалии носителей ИЯ и не имеющих соответствий в ПЯ;

3. Ориентация текста на использование специфических особенностей низших уровней данного языка;

4. Придание диалектам ИЯ, которым нет соответствий в ПЯ, стилистической значимости в художественном тексте.

Рассмотрим каждый из этих факторов в отдельности. Рассмотрение такого фактора, как неодинаковая категоризация действительности с позиции разных языков, возвращает нас к вопросу о связи языка и мышления. Язык является средством выражения мысли. Мысль же формируется на основе отражения объективной действительности по некоторым законам, общим для всех людей. Как пишет О. В. Петрова, «будучи средством выражения мышления, язык, таким образом, одновременно является средством выражения той картины мира, которая складывается в нашем сознании» [4, с. 107]. В сознании разных народов складывается своя, особая картина мира, что определяется, в частности, неодинаковым жизненным опытом представителей разных языковых коллективов. Этот опыт, то есть результаты предшествующих этапов познания действительности фиксируются в языке в виде значений слов, в грамматических категориях языка. Как справедливо отмечает В. З. Панфилов, «предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке» [3, с. 29]. Следовательно, познание всякого народа национально-специфично, равно как и отражение результатов познания в языке также является национально специфичным. Конкретными проявлениями неодинакового членения действительности в языке являются расхождения в репертуаре и содержании грамматических категорий, в структуре семантических полей. Анализ подобных примеров позволяет уяснить, какую важную роль играет контекст, в преодолении семантических расхождений, вызванных несовпадением структуры семантических полей. Однако не только информация, содержащаяся в контексте, позволяет передать соответствующие значения в переводе. Существует фактор более общего характера, обеспечивающий переводимость, а именно общность категорий мышления, отражающихся в языке. «Какими бы разными ни были языки в фонетическом, морфологическом и семантическом планах, как по-разному ни членили бы их носители в своем сознании объективную действительность (а результатом этого различия и являются различия в лексической и лексико-грамматической системах языков), в семантических категориях любого языка обязательно находят свое отражение основные, фундаментальные категории мышления» [4, с. 107].

Значительные трудности при переводе возникают в связи с использованием в тексте оригинала слов-реалий, то есть таких

языковых единиц, которые обозначают объекты материальной культуры, явления жизни, быта, духовной культуры одного народа, отсутствующие у других народов. Значительная часть таких единиц относится к разряду безэквивалентной лексики. Отсутствие в ПЯ единицы с тем же значением, что и у единицы ИЯ, в данном случае может быть названо этнографической лакуной. Наличие в оригинале слов-реалий всегда рассматривалось как фактор, затрудняющий перевод и препятствующий полной переводимости. Этот список включает такие приемы, как транскрипция и транслитерация (как правило, с соответствующими пояснениями, комментариями, сносками, раскрывающими значение заимствованного слова), калькирование, приближенный перевод, описательный перевод.

Из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что, используя один из приемов перевода безэквивалентной лексики, всегда можно передать в переводе значение слова-реалии, его понятийное содержание. Сложнее обстоит дело с воспроизведением в переводе национального колорита, который создается в оригинале за счет употребления слова реалии, и всех коннотативных ассоциаций, связанных с использованием этого слова.

Ориентация текста на использование специфических особенностей низших уровней языка означает использование в тексте единиц данных уровней для создания определенного коммуникативного эффекта. Одним из приемов, основанных на повторении одного и того же звука в тексте, является ономотопея, или звукоподражание. Ономотопея – это изображение какого-либо внеязыкового звучания с помощью схожих с ним звуков [2, с. 97]. Звукоподражание в тексте выполняет вполне определенную функцию, которую никак нельзя игнорировать при переводе.

Использование в тексте определенного сочетания разных звуков или регулярное использование одного и того же звука создает определенное настроение, атмосферу, оказывает на читателя некое эстетическое воздействие, которое становится возможным именно благодаря тому, что повторение определенного звука в тексте ассоциируется читателем с определенным звуком в реальной действительности. Воспроизвести функцию, выполняемую в тексте ономотопеями, не так-то просто.

Принципиально в данном случае то, что условием нахождения переводчиком оптимального решения является учет функциональной нагрузки используемых единиц. Этот же принцип применим (и неизбежно должен применяться) в тех

случаях, когда в тексте оригинала используются диалекты ИЯ, у которых нет соответствий в ПЯ, причем само использование подобных диалектов значимо в смысловом отношении. Понятно, что в данном случае имеются в виду, в основном, территориальные диалекты и в меньшей степени социальные диалекты (жаргоны, арго). Именно территориальные диалекты, как правило, не имеют однозначных соответствий в других языках и не могут их иметь. Так как, речь идет об абсолютно разном диалектном делении языков, причем каждый диалект ассоциируется с определенной территорией, на которой он распространен.

Все вышеизложенное доказывает принципиальную возможность перевода с одного языка на другой язык, хотя и с некоторыми ограничениями, которые, однако, не препятствуют достижению межъязыковой коммуникации в достаточно полном объеме. Основным фактором, способствующим переводимости, следует считать взаимообогащение языков и взаимообогащение культур. На каждом новом историческом этапе развития общества переводимость становится все более полной, чему способствует все большая общность национальных языков и культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валеева Н.Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты: монография / Н.Г. Валеева. – М.: РУДН, 2010. – 245 с.
2. Кузнец М.Д. Стилистика английского языка / М.Д. Кузнец, Ю.М. Скребнев. – Л., 1960. – С. 118–139.
3. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1977.
4. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов / О.В. Петрова. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.
5. Ревзин И.И. Основы общего и машинного перевода / И.И. Ревзин, Розенцвейг В.Ю. – М.: Высш. шк., 1964. – С. 69.
6. Сдобников В.В. Теория перевода / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – Нижний Новгород, 2001.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – 4-е изд. М.: – Высш. шк., 1984.
8. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. С.102.
9. Nida Eugene A. A Framework for the Analysis and Evaluation of Theories of Translation // Translation: Applications and Research / Ed. by Richard W. Brislin. – New York, Gardner Press, Inc., 1976.

АННОТАЦИЯ**Ткачева Ю. Г. Перевод и проблема переводимости**

В данной статье перевод рассматривается как ключевой фактор, способствующий наведению мостов между разными культурами. Особое внимание акцентировано на проблеме переводимости, которая представляет собой не абсолютное, а относительное понятие. Автор проводит анализ различных теорий и концепций переводимости. Переводческий процесс рассматривается как процесс взаимодействия и в то же время процесс столкновения родной и вторичной лингвокультуры. Описываются переводческие стратегии, направленные на преодоление лингвоэтнического барьера и семантических расхождений, вызванных несовпадением структуры семантических полей.

Ключевые слова: перевод, переводимость, лингвокультура, семантическое поле, реалии.

SUMMARY**Tkacheva Yu. G. Translation and the problem of translability**

In this article, translation is seen as a key factor contributing to the building of bridges between different cultures. Special attention is focused on the problem of translability, which is not an absolute but a relative concept. The author analyzes various theories and concepts of translability. The translation process is considered as a process of interaction and at the same time, the collision of native and secondary culture. Translation strategies aimed at overcoming linguistic and ethnic barriers and semantic differences caused by the discrepancies of the semantic fields' structure are also described in the article.

Key words: translation, translability, linguistic culture, semantic field, realities.

*Н.А. Фалина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'373.7(811.111+811.161.1)

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ
«БЕЛЫЙ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Фразеология, являясь неотъемлемой частью любого языка, отражает многовековую историю развития страны, языка, общества. В ней находят отражение различные культурные явления, факты современности, религиозные воззрения, нравственные ценности народа, особенности национального характера.

Именно фразеологические единицы ярче всего выражают национальную самобытность отдельно взятого языка.

По мнению Е. Ф. Арсентьевой, фразеологизмы представляют собой сгусток культурной информации и позволяют сказать многое, экономя языковые средства, добираясь до глубины народного духа, культуры. По её утверждению, интернациональные элементы в семантике фразеологизмов появляются в результате фразеологического параллелизма, который основывается на одинаковом переосмыслении исходных свободных словосочетаний [3, с. 50].

Л. И. Ройзензон считает, что «без фразеологии коммуникативная роль языка свелась бы во многих случаях к функции технического средства связи типа телеграфа» [5, с. 79]. Фразеологизмы обогащают нашу речь, делают ее более яркой и насыщенной, точно и образно передают мысли. Они широко используются в различных языковых стилях, но чаще всего они встречаются в разговорной речи.

Фразеологию по праву можно назвать зеркалом языка, она сохраняет и отображает происходящие изменения в постоянно развивающейся и изменяющейся системе языка. Фразеологические единицы существуют в языке столетиями. Постоянно обновляясь, они передают национальный опыт носителей языка, позволяют сформировать актуальную картину мира страны изучаемого языка, совершенствовать языковую и коммуникативную компетенции. Знание фразеологических единиц является неотъемлемой частью овладения иностранным языком. Их понимание требует определенных фоновых знаний о традициях, реалиях, национальных особенностях страны.

В условиях интеграции и глобализации в современном обществе для успешной реализации диалога культур, нам представляется актуальной проблема изучения сопоставления фразеологических единиц русского и английского языков, содержащих компонент цвета.

Понятие цвета существует в каждой культуре. С ним связана важная информация, накопленная народом на протяжении веков. Человек воспринимает окружающий его мир в цветовом исполнении, связывая с ним свои субъективные суждения о положении вещей и устройстве мира. По мнению Н. А. Мартыановой, «цвет можно трактовать как символ, намекающий на то, что не может быть показано. Цветовой символ в языке и в речи представлен цветовыми лексемами, содержащими наряду с несимволическими и символические значения. Последний тип проявляется в том, что первичное

содержание цветового слова становится условным обозначением для иного, более абстрактного содержания» [13, с. 66].

Человек наделен даром различать широкую цветовую гамму. Сложно назвать сферу человеческой деятельности, в которой бы не присутствовал цветовой фактор. В культуре каждого народа цвет всегда имел большое значение, он всегда был тесно связан с философским и эстетическим осмыслением мира. Поэтому вопрос цветообозначения входит в проблематику многих общественных наук, таких как философия, психология, лингвистика.

Современные исследования в области определения сущности лексико-семантического поля цветообозначений подтверждают, что определенный набор пигментных генов позволяет человеку воспринимать цвет и его оттенки по-разному. Наблюдения за цветовосприятием у людей разных культур обнаружили различия в реакциях на цвет представителей разных национальностей, поэтому вопрос о том, каким образом цветовые категории отражены в человеческом сознании, остается всегда актуальным.

Цветообозначение наиболее ярко передают фразеологические единицы, поскольку они фиксируют культурные, социальные аспекты жизни того или иного народа, могут ярко передать характерные черты мировосприятия народа.

Эти образные, емкие устойчивые словосочетания, выражая своеобразие отдельного языка, участвуют в межкультурной коммуникации.

Компонент цвета, входящий в состав фразеологизмов, употребляется не только в прямом, но и в переносном значении, поэтому эти фразеологические сочетания обладают высокой степенью экспрессивности и заключают в себе позитивную или негативную оценку.

Символика цветов – это очень обширная область. Определенная цветовая символика сформировалась еще в древних культурах. Цвета связывали со сторонами света и элементами. Каждый народ разработал свое собственное символическое значение цветов, как например, зеленый – это надежда, синий цвет – это верность, желтый цвет – это ревность, красный цвет – любовь, белый цвет означал невинность, а черный цвет – смерть.

В данной статье будут рассмотрены фразеологизмы с цветовым компонентом «белый» в английском и русском языках. Нам представляется интересным проанализировать фразеологические единицы с целью выяснения сходных и отличительных черт в восприятии одного и того же цвета представителями разных национальностей.

Во многих культурах белый цвет – это цвет света, символ чистоты, совершенства. В отличие от черного цвета, белый считается положительным цветом. Хотя он может символизировать как жизнь, так и смерть. К примеру, привидения чаще всего предстают белыми фигурами. В европейской культуре нового времени семантика белого сдвигается в сторону негативных значений. Белым цветом отмечены смерть, холод, молчание, обморок, истощение сил, одиночество.

Белый ассоциируется также с благородными металлами: золото, серебро, платина. В христианстве белый цвет – это символ таких обычаев, как крестины, конфирмация или бракосочетание.

У большинства народов отношение к белому цвету сходно. Белый цвет отождествляют с духовным совершенством, совестью, о чем говорят английские фразеологизмы *whiter than white* ‘очень честный, порядочный, не способный на дурной поступок’, *a white lie* ‘обман, на который идут, чтобы не обидеть другого человека’, *white bird* ‘совесть, высокая мораль’. В русском языке есть фразеологизм *белая зависть* ‘зависть без чувства досады, раздражения возможностями или успехами другого’.

В английском и русском языках существует ряд фразеологизмов со структурно-семантическим компонентом «белый» и с зоокомпонентом, например, *white horses* в английском и *белые барашки* в русском языках. *White elephant* говорят носители английского языка про подарок, от которого нет никакой пользы. *Сказка про белого бычка* в русском языке означает бесконечное повторение одного и того же с самого начала, а фразеологизм *белые мухи* имеет значение «снежинки» и построен на сравнении кружащихся снежинок с летающими мухами.

Такой фразеологизм, как *белый свет*, означает в русском языке окружающую нас действительность, землю, мир, вселенную, жизнь со всеми радостями и горестями. Подобного значения белый цвет в языковой картине носителей английского языка не имеет.

Русская фразеологическая единица *дела как сажа бела* означает плохое положение дел, она построена на ироничном сравнении, так как сажа – черная и это говорит о том, что дела идут вовсе не так хорошо, как хотелось бы.

Фразеологизм *белая ворона* в русском языке является полным совпадением по форме с английским вариантом *white crow*.

Как в английском, так и в русском языке существуют фразеологизмы *to be white-hot*, *доводить до белого каления*, которые описывают человека, доведенного до потери самообладания. Белый цвет – цвет каления металлов, нагретых до

самых высоких температур. Это соотносится с эмоциональным напряжением и с белым цветом лица разъяренного человека.

Очень часто белый цвет ассоциируется с волнением, болезнью, страхом, бледностью, и это отражают следующие фразеологизмы: в английском языке *white as a death* ‘белый как смерть’, *white as a marble* ‘бледный как мрамор’, *to turn white* ‘побледнеть’, в русском языке *быть бледным как смерть*, *быть блее снега*, *побелеть как стена*.

Как мы можем заметить, белый цвет в английской и русской фразеологии в основном обладает одинаковым смыслом и эмоционально-экспрессивной оценкой.

Для анализа были выбраны 2 индоевропейских языка – славянский и германский языки, которые, к тому же, не являются близкими территориально. Методом сплошной выборки из словарей [1; 2; 4; 6 – 12; 14] были отобраны 89 фразеологических единиц (47 – английских и 42 – русских). Исследуемые фразеологизмы мы разделили на 3 группы, где в компонент «белый» имеет нейтральную, положительную или отрицательную коннотацию.

По результатам нашего исследования распределение фразеологизмов выглядит следующим образом:

	Положительная коннотация		Отрицательная коннотация		Нейтральная коннотация		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Английский язык	16	34	19	41	12	25	47	100
Русский язык	12	29	19	45	11	26	42	100

Как видно из таблицы, большинство фразеологизмов с компонентом «белый» имеют негативное значение. Мы можем объяснить эту закономерность тем, что данные единицы речи призваны емко, точно и экспрессивно выражать отношение говорящего к проблемам или явлениям. Фразеологизмы аккумулируют в себе культурный потенциал народа, его отношение, прежде всего, к нравственным ценностям. Чаще всего эти устойчивые выражения используются именно в разговорной речи, которая имеет более эмоциональную окраску, а с помощью противопоставлений оценка ситуации выглядит более конкретно. Белый цвет используется для усиления контраста во фразеологических единицах, делая акцент на необычности явления, бессмысленном или неудачном действии. Фразеологизмы с отрицательной коннотацией

«в двух словах» позволяют передать человеческую мысль в яркой и звучной форме, с целью подчеркнуть недостатки человеческого характера, пороки общества или негативный опыт.

Цвет обладает глубинным смыслом, связанным с его символическим значением, а в составе фразеологических единиц компонент цвета придает выражению особую эмоциональную оценку. Фразеологизмы с компонентом «белый» широко представлены во фразеологии английского и русского языков. Они отражают ассоциативно-образное восприятие, национальный характер и менталитет, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М. Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.
2. Англо-український фразеологічний словник / уклад. К. Т. Баранцев. – 2-ге вид., випр.– К. : Т-во «Знання», КОО, 2005. – 1056 с.
3. Арсентьева Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, стилистически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря / Е. Ф. Арсентьева // Вопросы языкознания. – Казань, 1993. – 329 с.
4. Большой фразеологический словарь русского языка / [авт.-сост. : И. С. Брилёва и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2009. – 782 с.
5. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд : Изд-во Самарканд. ун-та, 1973. – 223 с.
6. Словарь американских идиом : 8000 единиц / А. Маккей, М. Т. Ботнер, Дж. И. Гейтс. – Спб.: Лань, 1997. – 467 с.
7. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2010. – 304 с.
8. Спирс Ричард А. Словарь американских идиом / Ричард А. Спирс. – М. : Рус. яз., 1991. – 464 с.
9. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – 3-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1978. – 543 с.
10. Brewer's dictionary of phrase fable. – London : Cassell and Company, 1956. – 977 p.
11. Cambridge International dictionary of English / Cambridge University. – Great Britain, 1995. – 1773 p.

12. Longman dictionary of English idioms / Thomas Hill Long. – Great Britain, 1980. – 977 p.
13. Martyanova N.A. «Symbolic» of colour-naming in the Russian culture [«Simvolicheskoye» tsvetooboznacheniy v russkoy lingvokulture]. – Language and people. – 2013. – № 4. – P. 56-66.
14. McMordie W. English idioms and how to use them / revised by R. C. Goffin. – London : Oxford university press, 1954. – 350 p.

АННОТАЦИЯ

Фалина Н. А. Фразеологизмы с цветовым компонентом «белый» в английском и русском языках

Статья посвящена сравнительному анализу фразеологических единиц с компонентом «белый» с целью выяснения сходных и отличительных черт в восприятии одного и того же цвета представителями разных национальностей. В данном исследовании рассматривается семантика цветообозначения и ее отражение во фразеологии английского и русского языков.

Ключевые слова: цветообозначение, фразеологизм, белый, английский язык, русский язык.

SUMMARY

Falina N. A. Phraseological units with the colour component «white» in English and Russian

The article is devoted to the comparative study of the phraseological units with the component «white» to identify distinctive and similar features in perception of the same colour by the representatives of different nationalities. The article deals with revealing semantics of the colour naming and its reflection in phraseology of the English and Russian languages.

Key words: colour naming, phraseological unit, white, English, Russian.

*Л.С. Шевандина
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'34(811.112.2)

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЙ ИНТОНАЦИИ

Современный этап развития лингвистики характеризуется изучением языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, практической деятельностью и эмоциональными реакциями (Н.Д. Арутюнова, Р.А. Будагов, А. Вежибицкая,

Г.В. Колшанский и др.). Эмоциональная сфера человека всегда привлекала внимание ученых. Об этом свидетельствует тот факт, что эмоции исследовались рядом наук – философией, физиологией, психологией, лингвистикой. Интерес исследователей к эмоциональной стороне человеческой деятельности вполне обоснованный, поскольку эмоции определенным образом проявляются во всех сферах жизни людей, в том числе и в языковой. Проблема эмоциональности нашла свое отражение в исследованиях таких известных ученых, как В.И. Шаховский, В.М. Телия, Е.М. Вольф.

Объектом научного рассмотрения эмоций в языке предстают различные языковые явления, передающие эмоциональные состояния человека, – эмоциональная лексика, атипичные синтаксические конструкции, морфологические компоненты слов, стилистические средства образности. Проявляется эмоциональность также и фонетически, т.е. в звучащем оформлении речи. Уже имеются многочисленные фонетические исследования эмоций на сегментном и сверхсегментном уровне в разных языках. Имеются также достижения в фонетическом исследовании эмоций и в немецком языке (С.М. Гайдучек, Л.Р. Зиндер, О.А. Норк, Н.Ф. Адамова, W. Appel, M. Bierwisch, O. von Essen, G. Meinhold, O. Zacher и др.). Однако проявление эмоций в немецком языке с помощью интонации, на наш взгляд, еще не достаточно изучено. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть эмоциональный аспект немецкой интонации, что обусловило актуальность темы данной статьи. Научная новизна заключается в том, что в статье прослеживается специфика эмоционального аспекта немецкой интонации.

Научно установлено, что под влиянием эмоций происходит фонетическое изменение речи: удлинение ударных гласных, некоторых согласных, изменение качества звука, использование эфатического ударения вместо логического и многие другие преобразования сегментного состава высказывания. Однако, обязательной характеристикой звучащей речи является интонация. Речь без интонации невозможна. Богатство и содержательность речи, ее выразительность обеспечиваются не только разнообразием словаря и мастерством словесного выражения, но также и ее интонационной гибкостью, своеобразием. А.М. Пешковский писал: «Стоит только вспомнить обилие восклицательных высказываний в нашей повседневной речи и их интонационное, особенно тембровое многообразие, чтобы признать, что чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» [3, с. 453].

Традиционно интонацию определяют, что это «ритмико-мелодическая сторона речи, служащая в предложении средством выражения синтаксических значений и эмоционально-экспрессивной окраски» [4, с. 97]. Ученые насчитывают свыше двадцати интонаций, выражающие различные чувства: угрозу, радость, восхищение, негодование, злобу, удивление, страх, сомнение и т.д. Говорящий стремится выразить голосом то чувство, которое он испытывает. О веселом говорят радостным голосом, о грустном – печальным и т.д. Психофизиологическое состояние человека, отражающееся определенным образом в организации его речи, является фактором, обеспечивающим единство, целостность семантического аспекта интонационных единиц, которые, несмотря на наличие огромного разнообразия передаваемых ими оттенков значения, имеют общую основу. Так, составными элементами (компонентами) интонации являются: мелодика речи, ритм речи, интенсивность речи, темп речи, тембр речи, фразовое и логическое ударения [4, с. 97; 11, с. 120], паузация [6, с. 221; 9, с. 114]. Т.е. это те параметры, за счет которых, как показывают эксперименты в фонетике, происходит изменение типа интонации.

Н.И. Жинкин, исследуя вопрос о произвольной и непроизвольной регуляции выразительности речевой интонации, обнаружил, что слоговые перестройки зависят от эмоционально окрашенного контекста (удивление, обида, возмущение и др.) [1, с. 90]. В фонетической науке существует соответствие «интонационная структура – эмоциогенная ситуация», в котором роль последней особенно важна в эмоциональной регуляции речемыслительных процессов. Исследования Н.И. Жинкина и других ученых показали, что объективное изучение интонации звучащей речи позволяет рассматривать ее как индикатор состояния говорящего. Об этом свидетельствуют также исследования в физиологии, в ходе которых были установлены изменения в характеристиках речи, связанные с особенностями нейрофизиологических механизмов эмоциональных состояний: типичными для состояния эмоциональной напряженности являются изменения ритма дыхания, влияющие на темпоральные характеристики речи – увеличивается количество пауз в речевом потоке, изменяется характер локализации пауз. В качестве объективных индикаторов при распознавании состояний по характеристикам речи используются: колебания частоты основного тона голоса, колебания уровня громкости речи (в сторону увеличения или уменьшения по сравнению в обычном состоянии); изменения темпа речи; изменение средней длины отрезка речи, произносимого без пауз нерешительности.

Своеобразная эмоционально-экспрессивная и стилевая окраска связана с каждым тональным ярусом (уровнем тона). Средний тон воспринимается всегда как нейтральный, высокий и низкий ярусы тона – эмоционально окрашенные. В результате чего фонетикой было установлено, каким образом происходит выражение эмоций с помощью уровня тона. Так, в сравнении со средним тоном в речи, как и в музыке, низкие звуки кажутся более «тяжелыми», «массивными», высокие – более «легкими», «воздушными». В этой связи вполне справедливо мнение К.С. Станиславского об эмоциональном колорите речи: «В речи переход с высокого или среднего тона на низкий связан со сгущением мрачного колорита, с передачей тревожного, таинственного, даже трагического содержания текста. Высокий тон характерен для радостно-взволнованной, приподнято-торжественной речи. Все, что связано с приливами жизненной энергии, с удивлением, восторгом ... все это пойдет вверх. Все, что связано с упадком энергии, с апатией, разочарованием, – все это по звуковой лестнице пойдет вниз» [5, с. 451]. Именно благодаря интонации удается выразить в речи весь спектр человеческих эмоций. Но несмотря на такую общность интонации, каждый язык по-своему использует интонационные элементы для выражения эмоций.

В каждом языке существуют определенные правила интонационного оформления предложения, в результате которых возникают интонационное своеобразие и просодические особенности языка [7]. Выработались соответствующие правила, регулярности и для выражения эмоций. Эти регулярности сформировались за счет компонентного состава интонации. Поскольку интонация не является однозначным явлением, а представляет собой «комплексный феномен» [6, с. 218], «комплексное понятие» [2, с. 177], то представляется целесообразным рассмотреть, как происходит преломление каждого интонационного компонента в немецком языке для выражения эмоций при интонационном оформлении немецких предложений.

Из всех фонетических средств интонации мелодика речи является важнейшим и действенным средством, т.к. иногда именно только она может быть единственным средством, формирующим предложение. Например, два слова *ist genügend* можно произнести либо с повышением тона, либо с понижением на логически ударном слове. Если их произнести с понижающей мелодией *Ist genügend↓*, то это – констатация факта, если с повышающей *Ist genügend↑*, то это – формулирование вопроса (согласно фонетическим правилам немецкого языка о коммуникативном типе высказывания).

Традиционно выделяют два основных типа мелодии предложения – понижающая и повышающая. В немецком языке понижающая мелодия характерна для повествовательных предложений с плавным понижением тона со среднего уровня до низкого на логически ударном слоге, что говорит об информирующем характере высказывания, например: *Das Wetter ist ˈgut*ː. Но если повествовательное предложение произнести с повышающе-падающим движением тона на логически ударном слоге с нейтрального уровня через средний до низкого, то это будет свидетельствовать уже об эмоциональном состоянии говорящего. Так, предложение *Sie haben nicht ˈaufgepasst!* будет выражать либо упрек, либо возмущение. Здесь именно интонация является завершающим моментом в формировании значения данного предложения и переводит лексический состав этого предложения в эмоциональную форму.

Эмоциональное состояние говорящего может проявляться и в вопросительных предложениях. В немецком языке частные вопросы обычно передаются понижающим движением тона на логически ударном слоге, например: *Wie ˈheißen↓ Sie?* Но если предложение с частным вопросом произнести с повышением тона, то это будет свидетельствовать об особо вежливом, внимательном или дружеском расположении говорящего, например: *Wie ˈheißen↑ Sie?* А такой тип вопросительного предложения, как переспрос или повторный вопрос, которые произносятся с повышающим тоном, могут выражать сомнение, удивление или неожиданность. Например: 1) *Woher ˈwissen Sie das? – Woher ich das ˈweiß↑?* (переспрос). 2) *Was haben Sie ˈgesagt↓? – ˈWas↑ haben Sie gesagt?* (повторный вопрос).

Выражение эмоций возможно и побудительным предложением, для которого в немецком языке характерно понижающее движение тона, но если побудительное предложение произнесено с повышающим тоном, то в этом случае такое предложение будет выражать угрозу, предупреждение или предостережение, например: *ˈAufpassen↑!*

Из всех типов предложений немецкого языка непосредственно выражающим эмоции являются восклицательные предложения. Восклицательные предложения могут выражать радость, возмущение, гнев, раздражительность, удивление и др. Немецкими фонетистами было выявлено, что восклицательные предложения, использующиеся для выражения положительных эмоций – радости, ликования, восторга и др., отличаются более высоким голосовым регистром, большим звуковым интервалом и более сильным фразовым ударением. Последние слоги таких восклицаний лежат чаще всего выше, чем в других типах немецких

предложений, а затакт не достигает конечной глубины низкого уровня, например: *Das ist aber fein!* Если же восклицательные предложения выражают отрицательные эмоции – гнев, страх, ужас, угрозу и проч., то они отличаются более низким голосовым регистром, меньшими звуковыми интервалами. Слоги таких предложений лежат ниже среднего уровня, а затакт достигает конечной глубины низкого уровня, например: *Das ist doch unerhört!*

Среди других компонентов интонации, непосредственно отражающих эмоциональное состояние говорящего, является тембр голоса. В ходе фонетических исследований в немецком языке было установлено изменение тембра речи (звуковой окраски голоса говорящего, придающей речи те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки) в зависимости от эмоционального настроя говорящего. Так, печаль, уныние, душевное одиночество выражаются приглушенной, темной окраской голоса; радость, веселье – светлой, теплой окраской. Выражая силу, упрямство, властность, голос звучит сильно, резко, твердо. Насмешка, издевка, презрение передаются сухим холодным тембром. Достигаются все эти изменения за счет комбинированной деятельности физиологических органов речевого аппарата человека – органов дыхания, гортани, и резонирующей полости, которые в результате изменения своей формы и степени напряжения создают акустический спектр звука (от светлого до темного). Поэтому основной функцией голоса является эмоциональная, т. к. уже по одному звучанию (окраске голоса) можно предположить об эмоциональном состоянии говорящего.

Остальные компоненты интонации являются дополняющими средствами к указанным выше основным. Так, эмоциональный тембр голоса всегда сопровождается изменением интенсивности речи (громкости звучания) – от громкого при выражении положительных эмоций до тихого при отрицательных эмоциях.

А с мелодикой речи тесно связаны логическое ударение, темп речи и паузы. На логически ударном слоге происходит преломление движения тона или на повышение, или на понижение. Темп речи – это скорость или медленность протекания речи во времени за счет длительности пауз в высказывании. В темпе речи отражаются не только мыслительные (логические), но и чувственные (аффективные) процессы. Так, в эмоционально окрашенной речи нет ритмичного чередования ударных и безударных слогов, а происходит замедление на логически ударном слоге, а

безударные и слабоударные слоги произносятся относительно короче, длительность пауз сокращается и темп, соответственно, ускоряется. Для такого типа речи характерны частые ударения высокого тона. Усиление всех акустических свойств (громкости, движения тона, замедление темпа, изменение тембра и т. д.) в логически ударном слове говорит о повышенной мускульной деятельности, что передает психическое возбуждение. По утверждению немецкого ученого-фонетиста Отто фон Эссена, «темп речи – это зеркало протекания внутреннего движения» [9, с. 209]. Как показывают фонетические исследования интонации предложений в немецком языке, практически «любой тип предложения (повествовательный, вопросительный, побудительный) может приобретать в речи эмоционально окрашенный характер и через соответствующие изменения в тембре голоса и интонации предложения выражать чувства» [7, с. 191-194].

Таким образом, в результате рассмотрения эмоционального аспекта немецкой интонации была подтверждена предназначенность интонации выражать эмоциональную сторону речи; выявлена специфика немецкой интонации в передаче эмоций в немецком языке за счет своеобразного преломления компонентного состава интонации. Эта специфика достигается на основе определенных правил интонационного оформления немецких предложений (повествовательных, вопросительных, восклицательных) и наличия интонационных структур, отличающихся от других языков. Представляется перспективным рассмотрение роли интонации в передаче эмоций в немецком языке на сверхфразовом и текстовом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации / Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 155 с.
2. Козьмин О.Г. Теоретическая фонетика немецкого языка: учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / О.Г. Козьмин, Богомазова Т.С., Хицко Л.И. – М.: Высш. шк., 1990. – 223 с.
3. Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды / А.М. Пешковский; сост., науч. ред. О.В. Никитин. – М.: Высш. шк., 2007. – 800 с.
4. Розенталь Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.Л. Теленкова. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
5. Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 9 т. / К.С. Станиславский. – М.: Искусство, 1988. – Т.1: Моя жизнь в искусстве. – 622 с.

6. Стеріополо О.І. Теоретичні засади фонетики німецької мови: підруч. для студентів та викл. вищ. навч. закл. / О.І. Стеріополо. – Вінниця: Нова кн., 2004. – 316 с.
7. Цахер О. Фонетика немецкого языка. Теоретический курс = Deutsche Phonetik / О. Цахер. – 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1969. – 223 с.
8. Bierwisch M. Regeln für die Intonation deutscher Sätze / M. Bierwisch // *Studia grammatica* VII. – Berlin, 1973. – S. 99-21.
9. Essen O. von. Allgemeine und angewandte Phonetik / O. von Essen. – Berlin, 1979. – 282 S.
10. Grosses Wörterbuch der deutschen Aussprache. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. – 560 S.
11. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1981. – 306 S.

АННОТАЦИЯ

Шевандина Л. С. Эмоциональный аспект немецкой интонации

В статье рассматривается эмоциональный аспект немецкой интонации, который обусловлен эмоционально-экспрессивной функцией интонации; определяются категориальные признаки (компоненты) интонации – мелодика, ритм, интенсивность, темп, тембр, фразовое и логическое ударения, паузация – за счет которых происходит изменение типа интонации для выражения разных эмоций в звучащей немецкой речи.

Ключевые слова: эмоции, фонетика, немецкий язык, интонация, эмоционально-экспрессивная функция.

SUMMARY

Shevandina L. S. The emotional aspect of German intonation

The article discusses the emotional aspect of German intonation, which is caused by the emotional and expressive function of intonation; determines categorical attributes (components) of tone – melodic, rhythm, intensiveness, tempo, timbre of voice, phrase and logical stress, pause – due to which there is a change in the type of intonation for the expression of different emotions in actual German speech.

Key words: emotions, phonetics, German, intonation, emotional-expressive function.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авксентьева Анжелика Муллануровна** – преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Артамонова Елена Игоревна** – ассистент преподавателя кафедры теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Баранова Ольга Ивановна** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Блюмина Ольга Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Богодушко Дарья Сергеевна** – магистрант 1 курса гуманитарного факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Бондарчук Татьяна Александровна** – аспирант кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Волосевич Сергей Петрович** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Воробьёва Оксана Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры германской филологии ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Вострцова Виктория Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Герасименко Ирина Анатольевна** – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта, Российская Федерация);
- Гринева Ирина Юрьевна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Дмитриева Юлия Леонидовна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Егорова Ангелина Андреевна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Емельянова Елена Владимировна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии, филологии и перевода Казахско-Русского Международного университета (г. Актобе, Казахстан);
- Жиденко Лариса Ароновна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Жихарева Наталия Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, декан филологического факультета ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ивахненко Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Кудрейко Ирина Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии и прикладной лингвистики ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Лежнев Сергей Николаевич** – старший преподаватель кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Минина Елена Владимировна** – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Навроцкая Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Погребнякова Александра Эдуардовна** – преподаватель ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет

- имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, Луганская Народная Республика);
- Решетарова Ирина Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Розова Ирина Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Алексей Владимирович** – преподаватель кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Санченко Евгения Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, Луганская Народная Республика);
- Селищева Ольга Николаевна** – магистрант 2 курса ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Серебряк Марина Владимировна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры украинского языка и общего языкознания ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, Луганская Народная Республика);
- Сырова Ольга Васильевна** – старший преподаватель кафедры общего языкознания и славянских языков ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Сытенко Ольга Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры грамматики и практики английского языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ткачева Елена Александровна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, Луганская Народная Республика);
- Ткачева Юлия Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО

ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, Луганская Народная Республика);

Фалина Наталья Анатольевна – преподаватель кафедры второго иностранного языка ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Филатова Виктория Алексеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Царегородцева Светлана Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (г. Ялта, Российская Федерация);

Шевандина Лариса Сергеевна – преподаватель кафедры романо-германской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Штакина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Юшкова Светлана Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» Автомобильно-дорожного института ГОУ ВПО «ДонНТУ»;

Ясинецкая Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Avksentieva Angelika Mullanurovna** – instructor of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Artamonova Elena Igorevna** – assistant lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Baranova Olga Ivanovna** – senior lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Blyumina Olga Valentinovna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bogodushko Dariia Sergeyevna** – Master's student of the 1st year, the Faculty of Humanities of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Bondarchuk Tatiana Aleksandrovna** – postgraduate student of the Russian Language Department of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Volosevich Sergey Petrovich** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Vorobyova Oksana Sergeyevna** – Candidate of Philology, associate professor, doctorate student at the department of German philology of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Vostretsova Victoria Aleksandrovna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Gerasimenko Irina Anatolievna** – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian, Ukrainian Philology and Methods of Teaching of Humanitarian-pedagogic Academy (branch) of Federal State Autonomous Educational Institution «The Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» (Yalta, Russia);
- Grineva Irina Yurievna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Dmitrieva Julia Leonidovna** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Egorova Angelina Andreyevna** – postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Emelyanova Elena Vladimirovna** – Candidate of Pedagogy, associate professor of the Department of Psychology, Philology and Translation of Kazakh-Russian International University (Aktobe, Kazakhstan);
- Zhidenko Larisa Aronovna** – senior lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhikhareva Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivakhnenko Marina Nikolayevna** – Candidate of Philology, associate professor, Head of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Kudreyko Irina Aleksandrovna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Ukrainian Philology and Applied Linguistics of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University»;
- Lezhnyov Sergey Nikolayevich** – senior lecturer of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Leshkova Natalia Viktorovna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Minina Elena Vladimirovna** – senior lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Navrotskaya Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Pogrebnyakova Aleksandra Eduardovna** – instructor of LPR State Educational Institution of Higher Education «Lugansk Taras Shevchenko National University» (Lugansk, Lugansk People's Republic);
- Reshetarova Irina Vladimirovna** – Candidate of Philology (PhD), associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rozova Irina Viktorovna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochniak Aleksey Vladimirovich** – instructor of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Rochniak Elena Vladimirovna** – Candidate of Philosophy, associate professor, associate professor of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sanchenko Evgeniya Nikolayevna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Theory and Practice of Translation of LPR State Educational Institution of Higher Education «Lugansk Taras Shevchenko National University» (Lugansk, Lugansk People's Republic);
- Selishcheva Olga Nikolayevna** – Master's student of the 2nd year of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Serebriak Marina Vladimirovna** – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of the Ukrainian Language and General Linguistics of LPR State Educational Institution of Higher Education «Lugansk Taras Shevchenko National University» (Lugansk, Lugansk People's Republic);
- Syrova Olga Vasilievna** – senior lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Sytenko Olga Alexandrovna** – Candidate of Philology (PhD), associate professor, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Tsaregorodtseva Svetlana Sergeevna** – Candidate of Philology, associate professor, associate professor of the Department of Russian, Ukrainian Philology and Methods of Teaching of Humanitarian-pedagogic Academy (branch) of Federal State Autonomous Educational Institution «The Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky» (Yalta, Russia);
- Tkacheva Elena Alexandrovna** – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of English and Eastern Philology of LPR State Educational Institution of Higher Education «Lugansk Taras Shevchenko National University» (Lugansk, Lugansk People's Republic);

- Tkacheva Yulia Gennadievna** – senior lecturer of the Department of Translation Studies of LPR State Educational Institution of Higher Education «Lugansk Taras Shevchenko National University» (Lugansk, Lugansk People's Republic);
- Falina Natalia Anatoliyevna** – instructor of the Second Foreign Language Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Filatova Victoria Alekseyevna** – Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shevandina Larisa Sergeevna** – lecturer of the Department of Roman and Germanic Philology of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Shtakina Lyudmila Alexandrovna** – Candidate of Philology, associate professor, professor of the English Philology Department of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Yushkova Svetlana Alekseyevna** – Candidate of Philology, associate professor, assistant professor of the Department «Foreign Languages» of Automobile Highway Engineering Institute of State Educational Institution of Higher Education «Donetsk National Technical University»;
- Yasinetskaya Natalia Anatoliyevna** – Candidate of Philology, associate professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»

**ОО ВПО «ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ»**

**ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» – 2017**

Уважаемые коллеги,
приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов **«Восточнославянская филология»** – **«East Slavic Philology»** (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Образовательная организация высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

**Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год
выпуск каждой серии (выпуски формируются
до 1 мая и до 1 ноября).**

**Международный стандартный номер сериального
издания: ISSN 1992-9196.**

**Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ДНР: ААА № 000059 от 28.10.2016 г.**

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifl1949.ru/otdel-nauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>

Электронная почта редакции научного издания: GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

§ объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);

§ шрифт Times New Roman, кегль 14;

§ абзац – 1,25 см; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);

§ сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются. После текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;

§ примеры подаются курсивом;

§ текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылается текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА:

*А.Р. Сидорова
(Донецк)*

УДК 811.161.1

**РЕЧЕВОЙ ЖАНР КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

Текст статьи [1, с. 418].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелёва // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 91-92.

АННОТАЦИЯ

Автор. Название статьи (на русском языке)

Текст аннотации на русском языке (до 500 печатных знаков)

Ключевые слова:

SUMMARY

Автор. Название статьи (на английском языке)

Текст аннотации на английском языке (до 500 печатных знаков)

Key words:

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И.А. Герасименко, С.С. Царегородцева</i> КОНЦЕПТ 'РОССИЯ' В КРЫМСКОМ ДИСКУРСЕ	3
<i>О.В. Блюмина</i> О ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТИПАХ КОМПОЗИТОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПРОЦЕССУАЛЬНОСТИ	10
<i>С.П. Волосевич</i> СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ИХ ПРЕОБРАЗОВАНИИ В РЕЧИ	14
<i>О.С. Воробьева</i> ПРЕФИКСНЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ	18
<i>В.А. Вострецова, Д.С. Богодушко</i> ПРИМЕНЕНИЕ СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ СЕРИАЛА «EVERYBODY HATES CHRIS» НА РУССКИЙ ЯЗЫК	26
<i>Е.В. Емельянова</i> АНАЛИЗ ВОСТРЕБОВАННОСТИ КАЗАХСКОГО, РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ДЕЛОВОМ ОБЩЕНИИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (НА ПРИМЕРЕ Г. АКТОБЕ)	35
<i>Н.А. Жихарева, И.Ю. Гринева</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ СИНКРЕТИЧЕСКИХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РЕЧИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИКОВ	42
<i>Н.А. Жихарева, О.Н. Селищева</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ КОСВЕННЫХ АККУЗАТИВОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ	53
<i>Н.А. Иванова</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ИДИОСТИЛИЯ ПИСАТЕЛЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»)	62
<i>М.Н. Ивахненко</i> О КОНТЕКСТУАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ВЫБОРА ЗНАЧЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РОДНОЙ ЯЗЫК	71
<i>И.А. Кудрейко</i> ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ: СТАТИКА И ДИНАМИКА	77
<i>Н.В. Лешикова</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ	87

<i>N.A. Navrotskaya</i> THE STRUCTURAL PECULIARITIES OF THE PSYCHOEMOTIONAL VERBS IN THE ENGLISH, GERMAN, SPANISH AND RUSSIAN LANGUAGES	93
<i>И.В. Решетарова</i> ДИСФЕМИЗМ КАК СРЕДСТВО ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ АГРЕССИИ	98
<i>И.В. Розова</i> СИМВОЛЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В АНГЛИЙСКОМ САТИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ XX СТОЛЕТИЯ	103
<i>Е.В. Рочняк, А.В. Рочняк</i> СЕМАНТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	110
<i>Е.Н. Санченко, Е.А. Ткачева</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТЕРМИНОЛОГИИ МОДЫ	117
<i>М.В. Серебряк</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ ПИСЬМЕННОСТИ	123
<i>О.А. Сытенко</i> «НЕОЛОГИЧНЫЙ БУМ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	128
<i>В.А. Филатова</i> Н. ДУРОВА И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ГУСАР»	134
<i>Л.А. Штакина</i> ИНТЕРАКЦИЯ «КВЕСИТИВ+РИПЛАЙ» КАК АТТРАКТОР «ИНТЕРВЬЮ»	141
<i>С.А. Юшкова</i> РЕЦИПРОКАЛЬНІ ДІСЛОВА І РЕЦИПРОКАЛЬНІ КОНСТРУКЦІЇ У НІМЕЦЬКІЙ ТА УКРАЇНСЬКІЙ МОВАХ: МЕТОДИКА ДОСЛІДЖЕННЯ	147
<i>Н.А. Ясинецкая</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ В США	157
<i>А.М. Авксентьева</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ В ЗАГОЛОВКАХ ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ ГАЗЕТЫ «THE GUARDIAN»	166
<i>Е.И. Артамонова</i> ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	172
<i>О.И. Баранова</i> МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТА- ФИЛОЛОГА	178

<i>Т.А. Бондарчук</i> ОСОБЕННОСТИ УНИВЕРБАЦИИ И УНИВЕРБАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Б.Л. ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»	185
<i>Ю.Л. Дмитриева</i> ОБРАЗ ДЕРЕВА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОДОВ КУЛЬТУРЫ	191
<i>А.А. Егорова</i> АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	198
<i>Л.А. Жиденко</i> НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НА КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА	203
<i>С.Н. Лежнев</i> КОНТАМИНАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	208
<i>Е.В. Минина</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПРОЗВИЩ С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КЕНА ФОЛЛЕТТА «ГИБЕЛЬ ГИГАНТОВ»)	214
<i>А.Э. Погребнякова</i> EVOLUTION OF THE NOTION OF EMOTIONAL CONCEPT IN MODERN LINGUISTICS	219
<i>О.В. Сырова</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОГОЭПИСТЕМ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	223
<i>Ю.Г. Ткачева</i> ПЕРЕВОД И ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ	230
<i>Н.А. Фалина</i> ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «БЕЛЫЙ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	238
<i>Л.С. Шевандина</i> ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НЕМЕЦКОЙ ИНТОНАЦИИ	244
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	252
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	256
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ» – 2017	261
ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТА	263

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

Сборник научных трудов

Выпуск четвертый (тридцатый)
Языкознание

Ответственный редактор С.А. Кочетова
Технический редактор А.М. Калашников
Компьютерная верстка и макетирование
Е.С. Шалыгина
Корректоры Н.А. Жихарева,
О.Т. Захарова

За содержание и достоверность фактов, цитат, имен собственных
и других сведений ответственность несут авторы

Подписано к печати 05.10.2017.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 14,99. Уч.-изд. л. – 16,75.
Усл.-изд. л. – 15,57.
Тираж 300 экз. Зак. № 25.

Издательство ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Свидетельство о государственной регистрации субъекта
издательского дела
ДК № 1342 от 29.04.2003 г.
84626, г. Горловка, ул. Рудакова, 25